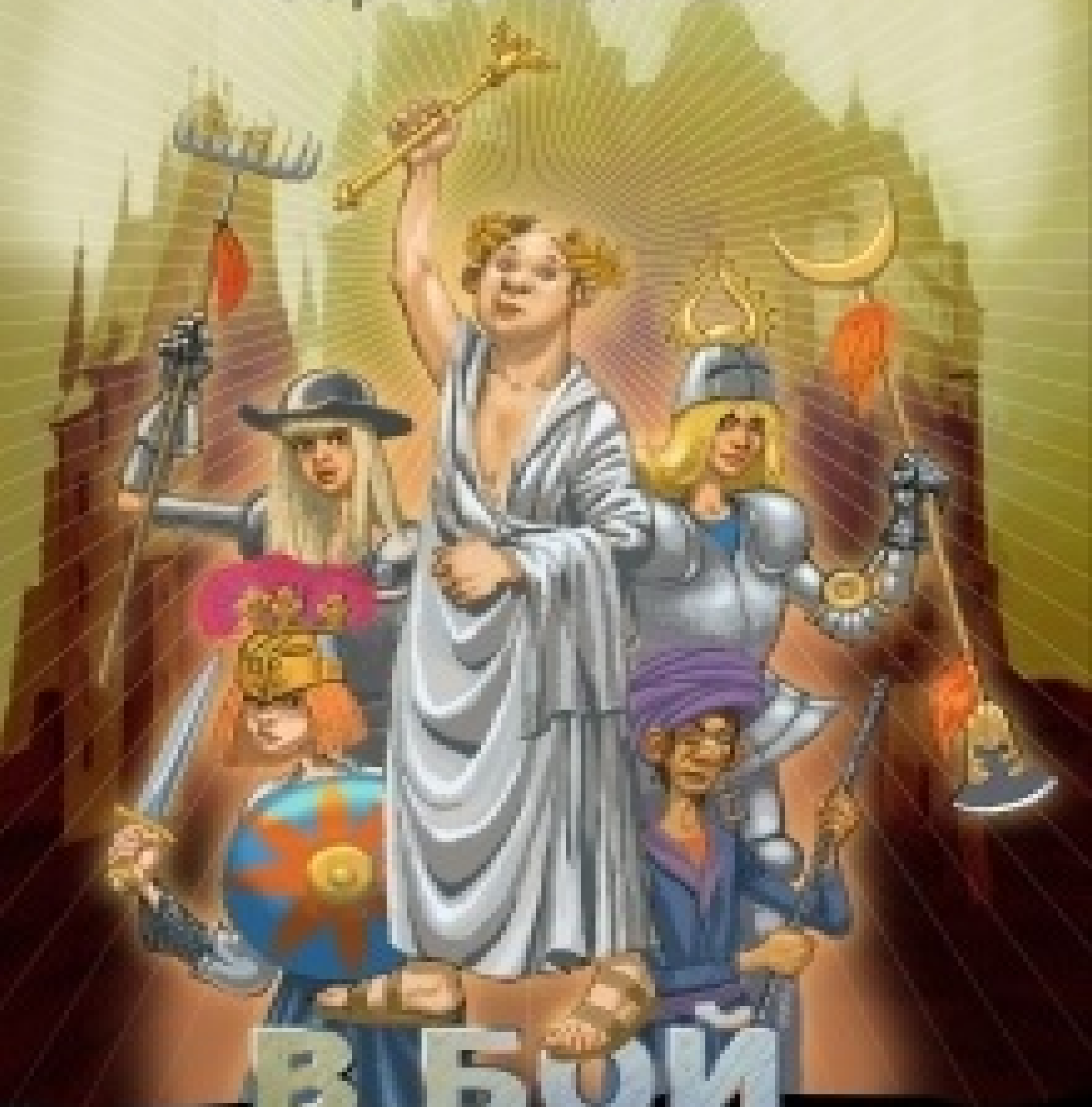

Сергей Волчок

**В БЪСИ
ИДУТ 2**

Волшебник опять вздохнул, вновь извлек из воздуха бутылку и еще раз набулькал. Выпили молча, без тостов. Селим помолчал, усваивая небом вкус, и вдруг безо всякого ерничества добавил: — Проблема в том, что я человек по-своему справедливый и очень не люблю поддавки и игру в одни ворота. И я решил дать этим бунтарям шанс. Минимальный, но шанс — совместив закавыку на турнире с третьим этапом вашего квеста. Формально ваша команда идеально подходит под требование «адские нубы» — четверо древних пенсионеров, еще месяц назад не имевшие никакого представления об игре, большую часть своего пребывания в «Альтернативном мире» проходившие в «работягах». И примкнувший к ним Лукьянов, криворукая школота[25]. И только я знаю, что вы вовсе не такие лохи, как стараетесь казаться. По крайней мере, с вами возможны сюрпризы. А я сюрпризы люблю.

В бой идут-2
Сергей Волчок

— Ну а теперь покажи, что там из Караташа выпало, — попросил Митрич, когда Андрюшка закончил свой рассказ, совмещённый с "демонстрацией фильма" и мы вдоволь посмеялись.

Андрюшка показал.

Минуты две мы неверяще смотрели на ЭТО, а потом Митрич начал орать.

— Ты что, блин, совсем уже охренел?! — орал Митрич — Ты что притащил?! «Выпала...» Вот просто взяла и выпала?

— И впрямь, — поддержала приятеля Семеновна. — Ты хочешь сказать, что он такую вещь просто так с собой таскал? Непривязанную? В кармане? Да заклинание от невыпадения стоит в миллион раз дешевле!

Андрюшка почему-то виновато развел руками:

— Может, только что приобрел, и привязать еще не успел...

— Блин, мало у нас проблем было, теперь еще и такой вот подарочек упал, как кирпич на голову! — сказал Митрич и выругался.

— А я думал, вы обрадуетесь... — на Андрюшку было страшно смотреть — Она же дорогая, я специально выходил посмотреть, пока вас ждал у данжа. Она стоит, как хороший коттедж в приличном районе.

— Блин, Андрюша, ну ты же уже взрослый человек, — вступила в разговор Светлана, которая до этого что-то лихорадочно просчитывала в уме. — Ты же должен понимать, что в нашем мире людей убивают за гораздо меньшее. И дело даже не в цене, хотя и для олигархов это очень приличная сумма. Дело в функционале твоего приобретения. Такие вещи в принципе не должны попадать в чужие руки. В принципе! У нас и без того перспективы дальнейшей игры были не самыми лучшими, а теперь Караташ точно не успокоится, пока нас не закопает. Здесь или в реале — без разницы.

— А может, это... — почесал в затылке Митрич. — Может, давай ее Барсуку отдадим? Пусть денежные мешки между собой сами разбираются. Тем более, Караташ наверняка нас и без того его агентами считает.

— Сережа, — жалостливо посмотрела на него Светлана, — если эта вещь окажется у Барсука, и он ее примет, это будет означать только одно — в ту же минуту начнется война. Война между бизнес-империями Караташа и Барсука, и не просто война, а война тотальная, война на уничтожение. Барсуку нужна такая радость? Да едва он эту штучку у нас увидит — его служба безопасности передаст нас Караташу через десять минут. Связанными, с кляпами во рту, в комплекте со Штучкой и записями всех камер видеонаблюдения, подтверждающих, что никто из барсуковских людей к Штучке не прикасался. И слова «вы охренели — в эту блудню меня втравливать?!» будут самыми мягкими из тех, что произнесет очень интеллигентный обычно человек с ником Badger.

— А что же делать?! — жалобно спросил Андрюшка.

— Не знаю! — рявкнула наша командирша. — Не знаю, что делать! Раньше надо было думать! Раньше — до того, как ты ядерную бомбу подобрал и радостно в инвентарь затолкал. Я не знаю, что нам теперь делать! Да, это чисто игровая приبلуда, но ты меня прости — у бизнеса сейчас столько в «Альт» заведено, что коммерческих секретов в ней хватит на киллера каждому из нас. Да куда там — на десяток киллеров как минимум! Я не-зна-ю что

делать, я не Господь бог, я чудес творить не умею!

— А вдруг там еще нет ничего?! Вы же сами говорите — она не привязана, может, он ее только что приобрел? — Андрюшка хватался за все возможные соломинки.

Светлана покачала головой:

— Она активирована. Это значит, что все там есть, не строй иллюзий, Андрей.

У Андрюшки уже тряслись губы, и на него в буквальном смысле было страшно смотреть.

— Слушай, Света, ну хватит! — не выдержал я. — Что ты пацана кошмаришь, в чем он виноват? Никакой бомбы он не подбирал, сама знаешь, все выпавшее сразу в инвентарь падает. Даже если бы он ее из инвентаря вытащил и на столе оставил, это бы уже ничего не поменяло. Ты правильно сказала — такие вещи в принципе не должны попадать в чужие руки. А если уже попало, то без разницы — сразу вернул или с собой упер. Все равно не отстанут, пока наизнанку не вывернут.

— Ну да, ты прав, Митя — нехотя признала директорша. — Прости Андрюша, что-то я сорвалась. День сегодня уж больно насыщенным событиями выдался, так никаких нервов не хватит. Плохо только, что нас всех в реале вычислить — нефиг делать, Караташу небось уже и твои контакты, и адрес нашей богадельни на блюдечке с голубой каемочкой принесли. Ладно, все, забыли. Вещь игровая, все равно основные разборки в игре будут. А в игре у нас по крайней мере есть возможность занывать аватары так, что их никто не найдет. Про подземелье со скелетами, я надеюсь, никто из вас никому не растрепал?

И она обвела нас грозным взглядом. Мы все покачали головой, глядя честными глазами.

— Ну так пошли туда! — с раздражением буркнула Света. — Второй этап квеста сам собой не сдастся. А я пока подумаю, что можно сделать.

— И не кисни, Андрюха! — Митрич вдруг улыбнулся и потрепал волосы нашего паладина. — Нет таких задниц, из которых нельзя было бы вылезти, это тебе любой солитер подтвердит!

— Ох, Сапожина, как меня достал твой казарменный юмор, знал бы ты! — поморщилась Семеновна. — Но по сути ты прав, всегда можно если не решить проблему, то минимизировать вред. Это я тебе, голуба, говорю как терапевт!

— Ты же хирург? — озадаченно поинтересовался Митрич.

— Дремучий ты человек, Сапожина. Я бы даже сказала — первобытный! — почему-то мечтательно протянула немка. — Это вообще-то цитата[1]! А хирург в размер не ложится.

— Ох, договоришься ты когда-нибудь! — беззлобно проворчал Митрич. — Это я тебе, голуба, говорю как прозектор[2]-любитель.

Мы шли ходко, канонада за спиной потихоньку стихала — судя по всему, бой за наш бывший участок шел к концу. Раздражение, вызванное андрюшкиным «подарочком», потихоньку стихало и даже сын полка немного повеселел.

— Кстати о квесте, — вдруг встрял Митрич — а что это за пароль нам такой дали? Что-то я про этот «мутабор» слышал, вот только не помню — где!

— Я тоже! Надо у знающих людей спросить, — поддакнула Семеновна, и, ехидно посмотрев на меня, поинтересовалась, — Митя, скажи мне как таксист таксисту, шо ты знаешь за мутабор?

— Эй-эй! — перебил ее Митрич, — ты немка, а не украинка, тебе положено говорить не «шо», а «вас из дас»! Не выходи из роли!

— Да хватит вам! — вмешалась Света. — Нашли, блин, время. Мить, в самом деле —

расскажи, что знаешь.

— Ну... — протянул я, поддерживая игру, — сколько я помню из своего таксистского опыта, слово это придумал известный сказочник Гауф для своей сказки «Калиф-аист». Вернее, сказка не совсем его, он беззастенчиво позаимствовал ее из «Тысячи и одной ночи», да слово «мутабор» просто взял из латыни, в переводе оно означает «я изменяюсь». В сказке калиф и его визирь нюхали волшебный порошок, произносили это слово и превращались в различных животных...

— Звучит очень подозрительно, — встрял Митрич. — Знаем мы этих любителей волшебных порошков. Пришлют тебе такого, он без порошка заскучает, в волшебного зайца превратится и ускачет куда-нибудь — в побег. А ты, блин, личный состав в ружье поднимаешь и вперед — лес прочесывать в поисках этого орла. Нафиг, нафиг...

— Да погоди ты со своими казарменными мемуарами! — цыкнула на него Семеновна. — А что еще в сказке про мутабор было?

— Да все вроде... Хотя нет — там еще, будучи животным, смеяться было нельзя. Если засмеешься — забудешь это слово и так и останешься аистом. Что, собственно, с калифом и произошло. Пришлось им с визирем искать логово злого волшебника, который, как выяснилось, им этот порошок и подбросил.

— Ох, не нравится мне все это... — протянула Светлана. — Когда будем квест сдавать — чтобы никто даже улыбнуться не посмел!

— Правильно! — поддакнул Митрич. — Пуганная ворона на молоко дует! Кстати, мы уже пришли.

И впрямь — уже рассвело, и два наклоненных дерева, образующих что-то вроде ворот, виднелись метрах в ста от нас.

— Мбвана, — вдруг подал голос Цитамол, о котором все забыли, — а что такое «заныкать аватары»?

— Спрятаться в вашей норе — пояснил я.

***

Спрятаться у нас вполне получилось. Едва мы произнесли заветное слово, Мидон и его напарник спрятали мечи. Мидон даже поклонился и проскрежетал:

— Следуйте за мной, дорогие гости! Ллелепипед, я отлучусь, ты остаешься на посту. Бди в оба, в случае чего — подавать сигнал, отражать вторжение!

— Есть! — неловко козырнул сменщик Цитамола, чье имя мы наконец-то узнали. И приложил, балбес, руку к пустой, в прямом смысле слова, голове.

Меж тем у нас выскочило новое сообщение:

КВЕСТ «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ»

ЭТАП ВТОРОЙ «ВРЕМЯ». УСЛОВИЕ ВЫПОЛНЕНО: ВЫ УЛОЖИЛИСЬ ОТВЕДЕННОЕ ВРЕМЯ, ТАЙМЕР ВЫКЛЮЧЕН. ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАДАНИЯ НА ТРЕТИЙ ЭТАП «ЛЮДИ» — СЛЕДУЙТЕ ЗА СКЕЛЕТОМ.

Мидон шел молча, постукивая пятками по камню и на наши расспросы не реагировал. Повел он нас, как я и предполагал, направо, в таинственную хорошо охраняемую «дальнюю пещеру», куда во время нашего заточения безуспешно пыталась пробиться Светлана.

Встреченные скелеты нас не трогали, хотя и смотрели недобро. Проход в пещеру охраняли сразу двенадцать скелетов, шесть из которых были магами. Смотрели они так нехорошо, что мне стало не по себе. Даже Мидон стусеивался, и робко выдавил из себя:

— Согласно инструкции, братья. Не корысти ради, служба требует!

— Проходи! — громовым голосом рывкнул один из скелетов, и маги немного посторонились, оставив проход, через который можно было протиснуться по одному.

В пещере было темно, лишь в одном углу едва разгоняла мрак убогая лампадка. Темно — и безлюдно. Впрочем, практически сразу стало ясно, что я ошибся.

— Ну наконец-то! — раздался скрипучий голос и из темноты в круг света вышел одетый в полосатый халат тощий старик с жидкой седой бородкой. Это был первый старик, встреченный мною в игре. Над его головой золотом горел ник «Селим».

Уровня не было.

***

Старик явно пытался косплеить восточного мудреца, но на деле у него получился ориентально-ориентированный чокнутый профессор. Всклопоченные волосы, замусоренная бороденка, отсутствие брюк под халатом, вследствие чего старикан навязчиво демонстрировал всем худые волосатые ноги с мосластыми коленками, и, главное, безумный взгляд — все это обличало в нем ученого старой школы.

— Ноги!!! — едва приблизившись, заорал он, выпучив глаза. — Ноги!!!

Э-э-э... Мы замялись. Наконец, Митрич решился подсказать:

— Может, эта... Не «Ноги!!!», а «Руки!!!»?

Старик гневно на него посмотрел, и наш воинский начальник несколько стушевался:

— Ну там типа «Руки вверх, назовите номер вашей части», все дела...

— Ноги вытерли?! — старикан, наконец, созрел до почти развернутого предложения.

— Э-э-э... Да.

— Тогда за мной! — старикан развернулся через левое плечо и довольно резво потрусил вглубь пещеры. Я вопросительно посмотрел на нашего провожатого, но Мидон уже куда-то исчез. Пожав плечами, я двинулся вслед за Селимом.

Пещера, похоже, была огромна — шли мы довольно долго. Но точно сказать нельзя, поскольку шли не только в полной тишине, но и практически в полной темноте — лишь лампадка, зависшая над головой нашего провожатого, немного разгоняла мрак.

Наконец, Селим остановился, довольно громко буркнул: «Люкс[3]!», и хлопнул в ладоши.

Вспыхнул свет и Митрич заржал.

И я его понимаю — прямо перед нами находилась вещь, которую меньше всего рассчитываешь встретить в пещере. Это была машина. Точнее, это был армейский ЗИЛ-131 с кунгом. Сразу было заметно, что за машиной следят, и содержится она в полном порядке. Даже шины были, по армейскому обычаю, побелены известкой.

— ЗИЛок! — ржал Митрич. — Мать моя женщина, натуральный ЗИЛок! Знали бы вы сколько я на таком старшим машины проеха...

Тут старикан щелкнул пальцами, и крикнул: «Мутабор!». Митрич замолчал на полуслове, и его тут же окутало какой-то золотистое облако. А когда оно развеялось, Митрича больше не было. На его месте стоял скелет, обряженный в митричевскую одежду с бахромой и с его луком в руках. Мы ошарашено молчали.

— Опять смешливые попались[4], - вздохнул старикан. — Еще желающие повеселиться есть?

— Да нет, пожалуй, — осторожно ответила Светлана. — Больно уж у вас «экскременты[5]» убедительные.

Старикан удовлетворенно хмыкнул, и вдруг опять заорал, выпучив глаза:

— Ход!!! Ход!!!

Мы замерли, не зная, что делать. И только скелето-Митрич, которому нечего было терять, поинтересовался:

— Какой ход-то? Отец, ты бы уже определился в своих желаниях, ну или хотя бы слова так сурово не экономил.

Но волшебник не обратил на реплику ни малейшего внимания, и продолжил орать про какой-то ход.

Вдруг открылась дверца кунга, и оттуда высунул свой череп здоровенный скелет:

— Хода нет, — буркнул он и попытался закрыть дверь.

— Стоять! — упреждающе завопил волшебник — А где он?

— Вы же, Учитель, сами его утром послали... — и скелет замаялся, явно не зная, стоит ли продолжать в присутствии посторонних. Старик хлопнул себя по лбу.

— Блин, точно! Совсем забыл. Склероз, что ли, начинается? Короче, Воз, вылезай, принимай новенького.

Он повернулся к нашему охотнику, в его руке невесть откуда появился широкий светящийся меч, которым он тут же залудил Митричу по черепу. Слава богу — плашмя.

— Нарекаю тебя Коловратом[6]! — торжественно провозгласил Селим, но тут же поправился. — Каким еще, в задницу, Коловратом?! Отставить! Что-то не мой день сегодня. Пара... Пара... Нарекаю тебя Ллаксом[7]!

И вновь в избытке чувств долбанул Митрича по башке.

Мы переглянулись. Куда мы попали? Это что — репетиция постановки пьесы Ионеско[8] или просто дурдом на выезде?

— Ну что, пойдём в машину, или так и будем стоять, рты раззявив? — ехидно поинтересовался волшебник. — Мух, что ли, ртом ловите? Рыбачку вашему на наживку? Да, кстати...

Он нехорошо прищурился, и оглядел меня сверху донизу.

— Не, мужик, так дело не пойдет, — он скорбно помотал головой. — Нет, нет, и нет! И даже не уговаривай меня! В конце концов, есть же какие-то минимальные нормы. Пойми меня правильно — я не расист, но мы здесь все приличные люди... Здесь дамы, в конце концов. Нет, нет, я решительно не могу позволить тебе здесь остаться. Наконец, это просто ломает все мои планы, тебя просто не пустят! Хотя....

Он глубоко задумался, поскреб затылок, еще больше взлохматив седые волосы, а потом опять надсадно заорал:

— Воз!!! Воз!!!

— Чиво? — неприветливо поинтересовался вновь высунувшийся из кунга скелет.

— Воз, отведи его рыбку половить!

Повернувшись ко мне, это странный тип назидательно покачал не очень чистым пальцем перед моим носом и заявил:

— Имейте в виду, уважаемый Валентыныч, даром я вас питать не намерен. За каждый витамин, который я вам скормлю, я потребую от вас множество мелких услуг[9]! Да-с! Вам понятно?!

Я на всякий случай кивнул. Он почему-то сразу пришел в прекрасное настроение:

— Тогда, как говорили наши предки, «клёв на уду!».

— Где-где клёв? — я не выдержал, и решил добавить градуса абсурда.

— Сейчас тебе покажут — где! — многообещающе пообещал волшебник. — Все,

мужик, иди, иди, не задерживай. Раньше сядешь — раньше выйдешь! Воз, ну не стой ты столбом, веди уже его. Будет упираться — дай пинка, только аккуратно, нулевки — они хилые!

Он развернулся к оставшимся членам банды, оторопело наблюдавшими за этой сценой, и заблажил-заголосил, раскинув руки:

— Ой да вы гости дорогие, ой да яхонты бриллиантовые! Ой да не стойте столбом, говорю, ой да порадуите надежу-хозяина! Ой да залезайте вы уже в машину, тормоза вы мои гидравлические!

Досмотреть мне не дал Воз, который довольно чувствительно толкнул меня в шею. Цит полез заступаться за хозяина, что было довольно самоубийственным поступком — хотя уровень у Воza, как и у его хозяина, не высвечивался, было понятно, что цитамоловский одиннадцатый он превосходит в разы. Но до драки дело не дошло — Селим вновь щелкнул пальцами и Цитамол замер статуей.

— Совсем пацаки охамели[10], - вздохнул волшебник. — Куда мир катится? Ты иди, мужик, иди.

И я пошел в требуемом направлении.

***

Слава богу, темноты больше не было, заклинание Селима работало стабильно. Я уже приготовился увидеть очередное подземное озеро, но прогулка оказалась очень короткой. Мы отошли буквально метров на тридцать от кунга, как вдруг скелет подал команду:

— Стой! — и молча кивнул перед собой.

Там была лужа. Самая обыкновенная лужа. С полметра в диаметре. Сверху свисал сталактит, с которого гулко капала вода.

— Это лужа, — сказал я. Похоже, я заразился от Воza лаконизмом.

— Да? — удивился скелет, — А какая разница-то?

— Ну да, — покивал головой я. — Одно слово — румын[11]. Мой мосластый друг, тебе не кажется, что градус абсурда в этом эпизоде зашкаливает?

Скелет молча кивнул на лужу.

— Да понял я, понял. Дай хоть глубину померю, где поплавок ставить.

— Не надо, — мой провожатый по-прежнему был немногословен и не эмоционален.

— Ну, как скажешь, — я принялся разматывать удочку.

Скелет медленно покачал головой:

— Не я. Учитель сказал — ловить. Лови.

Я вздохнул и забросил. Дернуло сразу. А когда я подсек, на крючке болталась золотая рыбка.

И почему я не удивлен?

ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВЫ ПОЙМАЛИ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ! ВАШЕ МАСТЕРСТВО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ НА 25000. ЖЕЛАЕТЕ ЗАГАДАТЬ ЖЕЛАНИЕ? ДА/НЕТ

Скелет требовательно смотрел на меня. Я еще раз вздохнул и отчеканил:

— Хочу полный аккаунт! — и бросил рыбку обратно в лужу.

ПОЗДРАВЛЯЕМ! КВЕСТ «ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ» ВЫПОЛНЕН, ПРОГРЕСС: 3/3. ВА НАГРАДА — ОПЛАЧЕННЫЙ ПОЛНЫЙ АККАУНТ. СРОК ДЕЙСТВИЯ — 2 ГОДА.

И еще куча поздравлений, сообщений, предложений выбрать специализацию и всякой рекламной макулатуры, которую я не глядя убрал в сторону. Потом будем разбираться, всей толпой и в спокойной обстановке.

— Грац меня, — только и сумел сказать я.

— Грац! — эхом повторил скелет.

— Спасибо, худощавый, ты очень любезен. А скажи мне, мой остаточный друг, какого цвета у меня ник?

— Синий, — просветил меня спутник и вновь замолчал.

Примерно минуту я добросовестно полоскал крючок в луже, потом проронил:

— Не клюет что-то. Может, обратно пойдём?

— Пойдем, — не стал противиться скелет.

И мы пошли.

***

В кунге оказалось неожиданно уютно. В углу наливалась жаром натопленная «буржуйка», слева была лежанка, в настоящий момент оккупированная гостями, все оставшееся пространство занимал стол с мощным стационарным компьютером, большей частью заваленный, правда, всяческим барахлом. Места, конечно, было немного, но пришельцы, похоже, обделенными себя не чувствовали. Разместившись по принципу «в тесноте да не в обиде», они с удовольствием попивали чаек, начисленный радушным хозяином. Чайник с добавкой стоял на «буржуйке» и тихонько посвистывал, сигнализируя о готовности.

— Ну наконец-то! — сварливо приветствовал меня хозяин. — Где тебя носит, мужик? Ты что — дирижабль Нобиле[12] ходил искать?

Отмолчавшись, я попытался тихо пристроиться в уголке, но глазастая Семеновна углядела цвет ника и ахнула:

— Митя! Ты теперь тоже синий?!

— Рыбку поймал, — лаконично пояснил я.

— И будешь должен! — ворчливо пробормотал хозяин и поинтересовался у нас. — Зачем я вообще все это делаю?

Мы сочли вопрос риторическим и зря. Волшебник сердито сверлил нас глазами и явно ждал ответа.

— Я жду, — тут же подтвердил он это ледяным тоном. — И мое терпение не беспредельно.

— Ну... — начала наша командирша, явно не знавшая, что сказать, но ее вдруг перебила подруга.

— Дай угадаю! — предложила Семеновна. — Ты проиграл на нас пари?

— Нет — залихватски ответствовал явно включившийся в игру хозяин.

— Ты... Ты выполняешь обет, данный старому другу на смертном одре на пути в Иерусалим?

— Нет, но эта версия мне нравится. Больше ада, больше! У вас последняя попытка.

— Может быть, мы просто тебе понравились? — невинно захлопала белесыми ресницами рыжая немка.

— Бинго! — возликовал дурковатый дед со сверхъестественными способностями и воздел к небу палец. — Ты знал, куме, ты знал[13]!!!

Старичок отсмеялся (мы, памятуя о судьбе Митрича, даже не улыбнулись), а затем даже заговорил как вполне нормальный человек:

— Да уж, признаюсь как на духу — понравились вы мне. Сперва слухи дошли, потом логи от скуки почитал, а потом даже видео из архива поднял с момента вашего появления в

игре. Блин, военный, у тебя такая рожа была с этим яйцом — я реально чуть не сдох со смеху. Но вообще вам, конечно, черт ворожит. Вот откуда вы могли знать, что меня в почетную ссылку сошлют именно в эту локацию? Ладно, сойдемся на том, что вы зарабатываете очко за правильный ответ и получаете возможность задать вопрос. Аск ми, плиз, бэби[14]! Е, е!

Светлана напряглась, в ее голове явно с дикой скоростью прокручивались варианты, но опять все испортил Митрич:

— Так ты что — админ, что ли, здешний? Это ты нам квесты давал? — поинтересовался он противным скелетоновским голосом.

— Админ?!

(Нет, не так)

— АДМИН?! — взревел старик, — Ты назвал меня АДМИНОМ?!

В гневе хозяин был страшен. Его лицо налилось кровью как буряк, из ушей, казалось, вот-вот засвистят струйки пара. В довершение всего он вдруг начал увеличиваться в размерах, явно косплея Хоттабыча в знаменитой сцене в кафе[15].

— Может, ты меня, — прогремел он откуда-то сверху, — еще и «КОМПЬЮТЕРЩИКОМ» назовешь?!

Если бы я не знал, что у скелетов нет слюны — поклялся бы, что Митрич нервно сглотнул. А волшебник меж тем орал уже нечто запредельно громкое, но малопонятное:

— Аз есмь протопоп, а не роспоп! Дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба? Аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету[16]!

Затем он выдернул волос из бороды и принялся рвать его, что-то бормоча себе под нос. Точно, на «Хоттабыче» повернулся. Но тут вдруг подал голос Митрич:

— Слышь, ты, пес смердячий! Пошел ты нахрен! Если ты ждешь, что я сейчас начну, как режиссер Якин, бормотать про житие мое и иже херувимы[17] — ты зря ждешь. Не приучен я в ногах валяться и туфли целовать. Хочешь казнить — казни, переживу. В скелета превратишь — скелетом поиграю. Нам, татарам, наплевать: отступить — бежать, наступать — бежать!

Волшебник задохнулся от негодования, шумно втянул в себя воздух и вдруг завис в таком положении. Несколько секунд стояла мертвая тишина, потом хозяин выдохнул, стремительно уменьшился в размерах и звонко хлопнул Митрича по плечу:

— Смелый, прощаю.

Мы все тоже выдохнули.

***

— Так ты что завелся-то?! — не унимался Митрич. Его собеседник помрачнел, но тем не менее ответил:

— Да забей! На работе проблемы. Задолбали, гниды, нервы до лохмотьев измотали уже! Скоро кусаться начну.

Вновь повисло тягостное молчание. Хозяин сидел, свесив голову, и, казалось, о чем-то глубоко задумался. Мы тоже притихли.

— Да пошли они нахер! — вдруг вынес вердикт Селим, — Пенсия так пенсия, вон, на пенсии тоже люди живут. Прав вояка — если до сих пор жопы целовать не научился, не стоит и начинать.

В его руке невесть откуда взялась бутылка хорошего крымского коньяка, а на столе

таинственным образом материализовались стопки. Хозяин мастерски набулькал всем норму, подхватил стопку и провозгласил:

— За успех нашего безнадежного дела — до дна!

Все исполнили требуемое, даже Андрюшка. Даже скелеты Митрич и Воз.

Закинув за воротник, безумный волшебник вдруг продолжил совершенно деловым тоном:

— Первое, не стройте иллюзий, что у вас теперь местный бог в друзьях ходить будет. Эта наша встреча — первая и последняя. Она и состоялась-то только потому, что мне надоело вам записки писать. Писать ненавижу, а про третий этап квеста так и так словами объяснять придется. Помогать и подсуживать я вам не буду, но шанс дам. Прорветесь — так прорветесь, нет — сами виноваты дураки. Раздача добряков ограничится третьей золотой рыбкой. Кстати, к первым двум я не имею отношения — хотите верьте, хотите нет. Да и эту плюшку я вам кинул исключительно потому, что третий этап квеста — исключительно для полных аккаунтов. Второй этап квеста я вам засчитываю, уведомления и прочие системные сообщения потом пропишу, чтобы вы квест принять могли, а пока — все расскажу на словах.

Сами понимаете, после вашего кунштюка с Караташем вам здесь будет очень непросто. Он мужик мстительный и на ноль вас будет множить, пока не опустит на первый уровень в одних трусах. Или, по крайней мере, пока не сообразит, что вы и без того от этого уровня недалеко ушли, а у нищего есть одно неоспоримое преимущество — его нельзя обокрасть. Когда он до этого дойдет — я не знаю, но на ваше счастье, третий этап квеста «Земля обетованная» выполняется в другой локации. Что вы слышали про «Лигу молодых львов»?

Мужская часть нашей команды синхронно помотала головами, Светлана же улыбнулась и отчеканила:

— Закрытая платная локация, не общающаяся с «Альтернативным миром», но реализованная на том же движке. Виртуальный колледж для детей российской элиты. Лучшие преподаватели страны, полная приближенность к реалу, непомерная плата за обучение. Как обычно, платят не столько за образование, сколько за знакомства и возможность учиться вместе с теми, кто после смены поколений будет руководить страной. О том, что там творится внутри, и что представляет собой этот проект, ходит очень много слухов, но достоверной информации мало.

Селим трижды хлопнул в ладоши:

— Bravo! Приз — в студию!

Он вдруг надулся и выпучил глаза, став очень похожим на популярного ведущего, не вылезавшего из телевизора чуть ли не всю нашу взрослую жизнь:

— От капитал-шоу «Альтернативный мир»! Приз!!! АФ!!! ТА!!! МА!!!

Вдруг он сдулся, перестал орать и совершенно спокойным тоном продолжил:

— А вот фиг вам. Автомобиля не будет. Вот вам роза, я знаю, вы их любите! — и неведомо откуда в его руке появилась роза практически черного оттенка. — Единственное, в чем вас поправлю, Светлана Сергеевна — сообщение между «Альтернативным миром» и «Лигой молодых львов» все-таки присутствует. Правда, осуществляется только раз в год, посредством закрытых телепортов, лично контролируемых представителями топ-менеджмента «Альтернативного мира».

Дело в том, что ежегодно у выпускного курса «Молодых львов» проходит финальный турнир — команды из пяти человек соревнуются в прохождении данжей и прочем выживании в виртуальном пространстве. Ну вы понимаете — team building.[18] все дела. Как

вам известно, аккаунт в «Альтернативном мире» разрешается заводить с 18 лет, однако для «Лиги молодых львов» сделано исключение. С началом турнира — а продолжается он ровно месяц — всем участникам заводятся тестовые аккаунты. Можно выбрать специализацию и начинать прокачку. Каждую неделю — промежуточные состязания, каждый год разные. Финальное, четвертое — определяет победителя турнира. Победители могут перенести свои аккаунты в «Альтернативный мир» со всеми уровнями и навыками, которые были у них на момент окончания турнира. И, самое главное — стать единичными униками, попавшими в «Альт» с 16 лет. Как известно, в «Лиге...» было всего четыре выпуска.

И тут наш хозяин вдруг исчез. В самом прямом смысле: вот только что сидел перед нами, и вдруг нет никого. А потом откуда-то сверху раздался голос:

— Внимание, вопрос! Что в черном ящике? Тьфу! Сколько человек в многомиллионном контингенте обитателей «Альтернативного мира» являются обладателями этого уникального достижения? Минута пошла!!!

Мы оторопело молчали. Вдруг Цитамол поднял руку и, не дожидаясь позволения, гаркнул:

— Двадцать!

В пещере повисла звенящая тишина. Когда минута закончилась, раздался знакомый всем любителям «Что? Где? Когда?» звук «Бздынь!» и Селим материализовался на своем месте. Он был грустен, как Карлсон, потерявший пять эре:

— Не, ну я так не играю. Ни одна собака, ни один, можно сказать, поганый Бимбо[19]! Кто есмь аз? — возопил он, и тут же сам себе ответил — Умерый пес[20]!

Он вроде как всхлипнул, и глаза старикана подозрительно заблестели:

— Я тут в лепешку расшибаюсь, развлекаю их, как клоун у сами знаете кого[21], а им лень рот открыть! Только мое, можно сказать, собственное творение... — он уже явственно всхлипнул, но тут же повеселел.

— Ладно, как говорил один чувак в круглых очочках — но не Гарри Поттер — give peace a chance[22]! Попробуем еще раз!

Он вскочил на стол и завопил, как какой-нибудь, прости господи, поп-певец:

— Я не вижу ваших рук!!!

Мы подняли конечности в воздух и вяло ими затрясли. По всей пещере летали звезды, туда-сюда носились разноцветные лучи и вообще все было как в богатом провинциальном ночном клубе. Верховный диджей, одетый уже в полосатый костюм и с набриолиненными волосами, носился где-то под потолком верхом на электрогитаре. И орал в микрофон:

— А сколько их было?!

— Двадцать!

— Недружно, еще раз! Три-четыре!

— ДВАДЦАТЬ!

— А сколько у них мушкетов?

— ДВАДЦАТЬ!

— А сколько шпаг?

— ДВАДЦАТЬ!

— А сколько нас! Товарищ капитан!

— Я!

— Динкилякер!

— Я!

— Лука Жжот!

— Я!

— С-с-с...

— Я

— И Валентыныч!

— Я — крикнул я, сделал шаг вперед и зачем-то добавил, — Расчет окончен[23].

Селим парил где-то под потолком и был, судя по всему, предельно счастлив. После моих слов он спустился вниз, сияя, как медный грош.

— Ладно, сойдет! — ликуя, сказал он. — Да, вы угадали — их двадцать! А через месяц их станет 25. Сколько прибавится? Правильно, пять, и не надо так орать — вы не в лесу. Все остальные аккаунты участников турнира, кроме пятерки победителей, стираются, и дальше по общей схеме — достижение 18-летия, покупка аккаунта, заведение персонажа, его прокачка и т. п.

***

— Все это, конечно, очень интересно, — встрял несколько одуревший от происходящего Митрич, — но у меня три вопроса. Первый — а без этого цирка общаться никак нельзя? Второй — а можно ближе к теме? Для чего ты нам это все рассказываешь? Третий — а мне долго еще скелетом ходить?

— Сколько скажу — столько и будешь ходить! — вспыхнул наш новый знакомый, но тут же остыл. — Ну ладно, раз вы такие скучные, давайте поговорим, как вы выражаетесь, серьезно. Что касается второго вопроса, то, во-первых, это совсем не секрет — при том количестве людей, которые ежегодно участвуют в турнирах, надеяться сохранить тайну было бы смешно. В СМИ об этом не пишут — сильные мира сего не любят, когда их дети становятся объектом внимания прессы, — но всем, кому надо, о турнире прекрасно известно. Слухи разошлись, и разошлись давно. Даже если вы поучаствуете в их распространении — ничего принципиально не изменится. Хотя лучше, конечно, не болтать — я спокойнее жить буду.

А во-вторых — все это имеет непосредственное к вам отношение. Дело в том, что на турнире разрешены персональные тренеры — по одному на участника. Естественно, высокопоставленные родители покупают для ненаглядных кровиночек самых лучших бойцов «Альтернативного мира». Гонорары у тренеров очень высокие, уже ко второму турниру определилась минимальная планка, а максимум может достигать заоблачных величин. Но в этом году произошла неприятная история — среди выпускников образовалась команда, члены которой не хотят или не могут заплатить даже минимальную тренерскую ставку.

— А что случилось? — не удержалась Семеновна.

— В подробности я вас сейчас посвящать не буду — вот это уже точно секрет. Если договоримся — все и так узнаете, если нет — крепче спать будете[24]. Факт остается фактом — нанимать тренера за свой счет они не хотят или не могут. Вроде бы — не могут, да и не могут, хрен с ними, пусть сами себе план прокачки составляют. Но они, гады, раскопали какую-то древнюю инструкцию, в которой мелким шрифтом сообщается, что в случае невозможности коммерческого найма тренера в целях обеспечения равенства шансов администрацией игры участнику турнира должен быть предоставлен бесплатный тренер. По аналогии с бесплатным адвокатом на суде.

Наш хозяин воровато оглянулся, ткнул пальцем в потолок и перешел на шепот:

— Людям ТАМ это все очень сильно не понравилось. Администрация «Альта» имеет

свой процент с найма тренеров, и, естественно, от перспектив появления бесплатных тренеров совершенно не в восторге. Поскольку сектор найма тренеров исторически курирую я, мне очень прозрачно намекнули, чтобы я подобрал этим экономным участникам каких-нибудь запредельно адских нубов в качестве тренеров. Чтобы всем участникам турнира устроить дикий ржач на лужайке и отбить, так сказать, охоту к подобным закидонам раз и навсегда.

Волшебник опять вздохнул, вновь извлек из воздуха бутылку и еще раз набулькал. Выпили молча, без тостов. Селим помолчал, усваивая небом вкус, и вдруг безо всякого ерничества добавил:

— Проблема в том, что я человек по-своему справедливый и очень не люблю поддавки и игру в одни ворота. И я решил дать этим бунтарям шанс. Минимальный, но шанс — совместив закавыку на турнире с третьим этапом вашего квеста. Формально ваша команда идеально подходит под требование «адские нубы» — четверо древних пенсионеров, еще месяц назад не имевшие никакого представления об игре, большую часть своего пребывания в «Альтернативном мире» проходившие в «работягах». И примкнувший к ним Лукьянов, криворукая школота[25]. И только я знаю, что вы вовсе не такие лохи, как стараетесь казаться. По крайней мере, с вами возможны сюрпризы. А я сюрпризы люблю.

Короче, — резюмировал он, — Я буду с вами честен: у ваших подопечных столько же шансов выиграть турнир, сколько у вас — пройти третий этап квеста. Вам известен термин Dream Team[26]?

Мы молча кивнули.

— Так вот, ваши возможные подопечные — полная противоположность этому понятию. Антоним, если хотите. Это группа озлобленных, балованных, истеричных, ленивых и капризных подростков, каждый из которых уверенно шел к тому, чтобы оказаться в этой «банде лузеров». Это по поводу их выигрыша. По поводу вашего квеста — прохождение третьего этапа будет оцениваться не администрацией, как обычно, а вашими подопечными. Каждый из них после турнира должен будет оценить вашу работу, и квест будет считаться закрытым, только если вы получите пять пятерок.

Я не могу вам сказать ничего конкретного, но поверьте — награда за ваш квест очень велика. Очень. При прямых руках и хорошей голове — это обеспеченное будущее для всей вашей команды. Естественно, администрация «Альтернативного мира» совершенно не заинтересована в том, чтобы вы или еще кто-нибудь этот квест взяли. Но я игродел старой школы, может, поэтому меня и... Ладно, неважно. В общем, я считаю, что возможность пройти квест должна быть реальной. Да, сложной, да, требующей огромных усилий — но реальной. Игроков можно обмануть раз, второй, третий — но их нельзя держать на диете из донаторских свистелок и перделок, как нельзя кормить лошадь опилками, сколько бы они ни были похожи на овес. Поэтому я совсем немного скорректировал условия — полностью в рамках своих полномочий. Но теперь вероятность прохождения квеста уже несколько отлична от изначальных 2–3%. Повторюсь — вы мне симпатичны, поэтому я с вами откровенен и рассказал все, что только мог рассказать. Именно поэтому мы и встречаемся в моей машине, которая максимально защищена от прослушивания. И вот теперь, все рассказав, я вам предлагаю принять третий этап квеста «Земля обетованная». Сразу говорю — если вы соглашаетесь, мы с вами подпишем договор о неразглашении полученной в колледже информации с охеренными штрафными санкциями. Именно этим и была обусловлена необходимость очной встречи.

Селим замолчал. У меня появился системный текст: ВАМ ПРЕДЛОЖЕН ТРЕТИ ЭТАП «ЛЮДИ» КВЕСТА «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ». ПРИНЯТЬ? ДА/НЕТ.

Я нажал «да». И не я один — судя по тому, что наш небесный благодетель извлек откуда-то кучу файлов с толстыми договорами.

***

Где-то через полчаса мы, наконец, закончили играть в Пишичитая[27].

— Ну все! — довольно ухмыльнулся Deus ex machina[28]. — Переночевать можете здесь, чтобы вам Караташ на поверхности головы не поотрывал. Только не у меня, естественно. Валите на свое озеро, там ваше сено до сих пор валяется. Скелетам я дам команду вас не трогать. Отправка в «Лигу...» завтра утром, в 7 утра, но на всякий случай зайдите в игру минут за пятнадцать. Все, пока, приятно было познакомиться, больше мы не увидимся.

И он послал нам воздушный поцелуй:

— Goodbye, my love, goodbye! — заголосил он голосом не то Демиса Русоса, не то попугая Кеши[29]. — Только смерть избавит меня от сердечных мук!

— Кстати, о Караташе! — вдруг открыл рот Андрюшка, промолчавший весь вечер. — А что нам с этим делать?

И он положил на стол Штучку.

Селим подскочил, как будто ему вонзили шило в костлявую задницу.

— Вы что — охренели?! — свистящим шепотом поинтересовался он — Вы понимаете, что вы сюда притащили?!

Мы внимательно изучали кто пол, кто потолок, кто стены. Админ пожирал нас глазами, но мы молчали, как партизаны в тылу врага.

— Вы это специально вытащили только после того, как мы договора подписали.

Селим не спрашивал — он утверждал. Нет — обвинял!

Мы молчали, отводя очи долу.

— Знаете что? — заявил он, яростно почесав нос. — Я бы вам палец в рот не поклял. Я знаю, что нет слова «ложить», но я бы вам именно не поклял[30]! Погодите, я хоть логи посмотрю.

Он включил компьютер и минут пять пялился в экран, быстро проматывая какие-то закорючки.

— Хорошо хоть ума хватило никуда не лазить — ворчливо заметил он по итогам просмотра. Потом аккуратно, двумя пальчиками, взял Штучку, и добавил. — Ладно, ждите здесь, я постараюсь недолго. Воз, дай им чаю, хоть они и гады.

И исчез.

Обратно он появился минут через двадцать, и сразу, упреждая вопросы, заорал:

— Вот только не спрашивайте меня — чего мне это стоило! Вы все мне торчите, и однажды я с вас это спрошу! Так и запишите в свой поминальник!

Мы дружно кивали, преданно пожирая его глазами людей, которых в последнюю минуту стянули за ноги с гильотины.

— Что вы мне киваете, как автомобильные собачки?! — взвился он, но тут же остыл.

Он еще немного постоял посредине своей крохотной комнаты, подумал и вдруг предложил:

— Давайте бухать, что ли? — и извиняющимся тоном пояснил. — Когда еще выпьешь с приличными людьми. Меня, кстати, Саня зовут.

***

Последнее, что я помню — это Саня, вжевывающий совсем уже осоловелому Митричу:

— Ты пойми, Серега! Ты меня пойми! Я, Серега, эту игру начинал! Наур... Наур... На уровне концепции! Не один! Врать не буду — не один! Но я там был! Клянусь — я там был, в той команде, пнимаешь? И я тебе отвечаю — я там не тупо код писал по указке, не-е-ет!!! А они меня, Серега, они меня — на пенсию! Хотят. Меня, понимаешь, меня — на пенсию! Эти... Мудаки-оптимизаторы. Вот ты, Серега — человек. Я тебя уважаю. Клянусь — уважаю! А эти... — он горестно махнул рукой и попытался растолкать заснувшего Митрича. — Серега! Ты меня п-прости, Серега, но ты, карочь, скелетом останешься. Не совсем!!! Не-е-ет! Не совсе-е-м! Немного скелетом. Снаружи. Я внутри тебе все вернул — умения там, навыки, уровни, абилки, все дела... Карочь, как было, так и есть. Даже голос. А вот снаружи — ниче сделать не могу. Заклинание тупое, оно автоматом на смех запускается. Карочь, очень сильное колдунство, сделать ничего не могу. Клянусь — не могу. Через две недели — само пройдет. Серег, ты мне веришь? Серег, Серег, не спи! Серег, давай еще по одной и пойдём... Куда пойдём?

Темнота...

[1] Переиначенная цитата из сказки Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» — реплика Бабы-яги: «Это я тебе, голуба, говорю как краевед».

[2] Тоже, что и «патологоанатом» — врач, делающий вскрытие покойникам.

[3] Свет! (лат.)

[4] Реплика батьки Ангела из фильма «Адъютант его превосходительства».

[5] Намек на знаменитую реплику батьки Ангела: «Я это... экскремент хочу сделать!».

[6] Некогда известный интернет-мем, придуманный для тролления неоязычников и прочих поклонников дохристианской Руси. Появился 23 мая 2006 года, прародителем послужила фраза «Доброслав нарек его Коловратом».

[7] Параллакс — изменение видимого положения объекта относительно удаленного фона в зависимости от положения наблюдателя. Что бы это не значило.

[8] Эжен Ионеско — румынский драматург, почти всю жизнь живший и работавший во Франции. Один из основателей абсурдизма как эстетического течения. Его пьесы «Носорог», «Лысая певица» и др. считаются классикой так называемого «театра абсурда».

[9] Почти дословная цитата из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова.

[10] Фраза из фильма Георгия Данелия «Кин-дза-дза».

[11] — Нет, Киркоров мне не нравится. Слащавый он какой-то. Подкрашенный весь, подпудренный, как баба. Весь такой... Одно слово — румын!

— Так он болгарин.

— Да? А какая разница-то? (с) Алексей Балабанов, сценарий фильма «Брат-2».

[12] Умберто Нобиле — итальянский исследователь Арктики. Его вторая полярная экспедиция закончилась трагедией — дирижабль N-4 Italia, на котором и осуществлялась экспедиция, достиг Северного полюса, но на обратном пути 25 мая 1928 года потерпел крушение. Несколько членов экспедиции погибли. Поиски выживших членов экспедиции (в том числе и самого Нобиле) стали примером беззаветного мужества и братского сотрудничества множества людей самых разных национальностей — итальянцев, русских, норвежцев, французов, шведов и т. д.

[13] Финальная фраза анекдота «Куме, отгадай загадку — на «ля» начинается, на «гушка» заканчивается».

[14] «Спроси меня, крошка» (англ.)

[15] Нет, нет, не буду объяснять. Сами прочтите. Ничего, не переломитесь. И польза будет — это великий роман.

[16] Цитаты из «Жития протопопа Аввакума». Автор — протопоп Аввакум.

[17] Отсылка к фильму Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

[18] Тимбилдинг (иногда используется несколько неуклюжий русский термин «командообразование») — комплекс различных мероприятий для создания и повышения эффективности работы в команде. Мероприятия могут быть самыми различными — от классических семинаров до командного выживания на необитаемом острове.

[19] Бимбо — собака Мальша в повестях о Карлсоне.

[20] Цитата все из того же «Жития...»

[21] Имеется в виду знаменитый афоризм Виктора Пелевина из романа *Empire V*: «Кто не хочет работать клоуном у пидарасов, будет работать пидарасом у клоунов».

[22] *Give Peace a Chance* («Дайте миру шанс») — песня Джона Леннона, написанная им во время знаменитой «постельной акции протеста».

[23] Пародирование знаменитого диалога в многосерийном телефильме «Д'Артаньян и три мушкетёра» Георгия Юнгвальд-Хилькевича.

[24] Имеется в виду поговорка «Меньше знаешь — крепче спишь».

[25] Отсылка к знаменитой формулировке из доклада Хрущева на XXII Съезде КПСС, в котором была осуждена «фракционная антипартийная группа, в которую входили Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров и примкнувший к ним Шепилов». Фраза активно цитировалась в советской прессе, вошла в учебники «Истории КПСС», в результате слова «и примкнувший к ним Шепилов» стали поговоркой. Дмитрий Трофимович Шепилов — советский государственный и партийный деятель, ученый-экономист, ветеран Великой Отечественной войны.

[26] «Команда мечты» (англ.)

[27] «Наш друг Пишичитай» — серия рисованных мультфильмов режиссёра Юрия Прыткова.

[28] «Бог из машины» (лат.). В античном театре это выражение обозначало бога, появляющегося в развязке спектакля при помощи специальных механизмов (например, «спускающегося с небес») и решающего проблемы героев. В определенной степени — эквивалент поговорки «рояль в кустах».

[29] Имеется в виду эпизод в мультфильме Валентина Караваева «Возвращение блудного попугая», когда Кеша поет эту песню Демиса Русоса.

[30] Имеются в виду знаменитые реплики «пикейных жилетов» в романе «Золотой теленок» вроде: «Бриан это голова! Ему палец в рот не клади! Я бы ему палец в рот не положил!».

Темнота принесла сообщение:

ВНИМАНИЕ! ДЕЙСТВИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ ДЕБАФОВ ПРЕВЫСИ МАКСИМАЛЬНО ВОЗМОЖНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ. ВАШ ПЕРСОНАЖ ПРИНУДИТЕЛ ОТКЛЮЧЕН. ВОЗВРАТ КОНТРОЛЯ НАД ПЕРСОНАЖЕМ — ЧЕРЕЗ 5 ЧАСОВ 59 МИН. ПОЛНОЕ СНЯТИЕ АЛКОГОЛЬНЫХ ДЕБАФОВ — ЧЕРЕЗ 23 ЧАСА 59 МИНУТ. ВЫЙТИ ИГРЫ? ДА/НЕТ.

А что здесь делать, без персонажа-то? Смотреть в темноту и думать о своих грехах?

Зажужжали сервомоторы, поднимающие крышку. Голова была ясной, но душу грызло чувство тревоги. Что-то мы явно напортачили...

Когда я вылез из капсулы, то увидел Митрича, сидящего на табуретке в одних трусах.

— А ты что не одеваешься? — поинтересовался я.

— Похоже, напортачили мы с тобой, Мить... — эхом повторил Митрич. — Увлечлись виртуальной пьянкой. Блин, а удобная штука — там ты, значит, в дрова, а из капсулы вылез — и сразу огурцом! А ощущения, когда бухаешь, те же. Интересно — виртуальное бухло дорогое?

— Я тебе шейчас покажу удобную штуку!!! Вылежайте уже, хватит там отсиживаться. Что вы жа народ такой, мужики, ну почему как сядут бухать — так обязательно как не в себя!

— И впрямь, пойдём, Серега, сдаваться, — предложил я, проталкивая ноги в штанины. — Ох и пропишут нам с тобой сейчас... Никакого вытрезвителя не надо!

— Да вы, пеньки старые, хоть ужрители, никто о ваших останках печени плакать не будет! — продолжила орать из-за ширмы Семеновна. — Но вот за пацана я вам сейчаш вше можги выбью! Вы жачем Андрюшку накачали, алкашня подзаборная?!

— Ох... — только и вдохнул я в предвкушении бури. — Ладно, Митрич, и впрямь, пошли уже. Нам сейчас много чего обсудить надо — начиная от того, какую мне воинскую специализацию брать, до главного вопроса — что завтра делать будем.

***

В шесть тридцать утра мы уже разбежались по капсулам. Надеюсь, за полчаса мы разберемся, что это значит, когда контроль над персонажем уже возвращают, но дебафы еще не сняты.

Сразу скажу — подтвердились самые худшие мои предположения. Это было похмелье, причем похмелье жестокое. Полное впечатление, что мне удалили мозг, а вместо него посадили бобра, который сразу же занялся любимым делом. Мир вокруг был зыбким и плыл перед глазами, а пол в пещере Селима почему-то стал чрезвычайно скользким и очень опасным.

— О-о-ой, бли-и-и-ин, что-ж так хреново-то... — даже не простонал, а скорее выдохнул Митрич.

Андрюшка промолчал, но не из скромности, а явно потому, что просто боялся открыть рот. По крайней мере, радикально зеленый цвет его лица наводил на нерадостные мысли. Я на всякий случай отошел подальше, и заозирался в поисках хозяина.

Никого, кроме ехидно ухмыляющихся девчонок и удивленно смотрящего Цитамола, в пещере не было.

— Мда... Красавцы, что еще сказать! — отчеканила Светлана, смерив нас глазами с головы до пят. — Вы хоть вертикальное положение удерживать сможете?

Мы дипломатично промолчали.

— Понятно... — льда в голосе Сергеевны хватило бы на средних размеров айсберг. — И там от людей подальше встаньте, пожалуйста... Выхлоп у вас — хуже чем у Змей-Горыныча, мух на лету сбивать можно. Да где там этот волшебник-то? Время уже без пятнадцати...

Тут, наконец, показался наш хозяин. Выглядел он ничуть не лучше нас.

— О, Саня, привет! — кинулся к нему Митрич, — Слушай, будь человеком, поколдуй, сними похмелье! Ну или зелье какое продай! Сил нет — башку сейчас изнутри разорвет, как гранату. Все стены тебе обляпаю, между прочим!

Волшебник медленно поднял на него красные глаза.

— Как ты думаешь, мой оптимистичный друг — ходил бы я сейчас в таком состоянии, если бы мог все это вылечить? Похмельный дебаф в «Альтернативном мире» не снимается никакими средствами, и пусть Аллах покарает всех членов постоянной комиссии Государственной Думы по борьбе с пьянством и алкоголизмом, которые протащили это решение на законодательном уровне! Анафема им, анафема, анафема!!! Я вот сейчас вас отправлю, и пока дебафы не спадут — хрен я в игру зайду!!! Пускай прогул пишут, если хотят! — он, распаясь, хотел было топнуть ногой, но ойкнул и схватился за голову.

— Бли-и-ин... — на Митрича было жалко смотреть. — Что-совсем ничего сделать нельзя? Я же помру сейчас, реально помру...

— Ну почему же нельзя? Есть веками проверенное средство...

С негромким звоном перед волшебником материализовался и завис в воздухе серебряный поднос с четырьмя хрустальными рюмками. Не пустыми, естественно.

Андрюшка негромко вскрикнул и кинулся в угол, зажимая рот руками.

— Не получится, — со знанием дела прокомментировал Саня. — Не прописан подобный функционал. Позывы есть, а функционала нет. Вот ей богу — убил бы сволочей! Но в целом — я тебя понял.

С негромким звоном одна из рюмок исчезла.

— Вы что — совсем охренели?! — начала набирать разгон задохнувшаяся от негодования Семеновна, но волшебник Селим щелкнул пальцами, и обе старушки замерли в неестественных позах.

— С ума сошли — так кричать? — с мукой на лице поинтересовался хозяин пещеры, — И без того голова сейчас по экватору треснет. Ну так что, мужики, вы как?

— Поведет же... — с сомнением протянул Митрич.

— Всенепременно! — кивнул Саня, — На старые дрожжи — обязательно поведет. Но тут уж сам выбирай: либо так, как сейчас, либо поведет.

Я знал и понимал одно — хуже, чем сейчас, быть не может в принципе. Поэтому молча подошел к магу и со всей твердостью, на которую был способен, цапнул с подноса рюмку.

— Уяснил! — кивнул волшебник, — А что скажут силовые структуры[1]?

Митрич помолчал, потом махнул рукой:

— А, сгорел сарай — гори и хата! — и тоже взял рюмку.

Ну... — «бог из машины» обвел глазами собутыльников, — Видит бог, не пьем, а лечимся!

Пить было очень страшно — почти как прыгать в пропасть. Но я вспомнил слова админа «не прописан подобный функционал», собрал все силы, решительно взметнул руку и запрокинул голову. Огненный шар, сжигая все на своем пути, ринулся по пищеводу вниз.

Ох!

Несколько секунд — и из желудка по организму потянулись пока еще первые и робкие струйки тепла. Напряжение отпустило, и я, отчаянно не желая больше стоять на ногах, опустился на пол.

— Ой, хорошо — Митрич присел рядом, а Саня даже лег в позе «охотника на привале».

— Сколько еще до отправки? — поинтересовался Митрич.

— Восемь минут.

— Нормально, — кивнул Митрич. — Как раз в себя придем.

Хорошо! Как же хорошо! Девки нас, конечно, убьют, но это будет потом, а пока... Как же мне хорошо!

— Мбвана! — Цитамол, про которого все забыли, аккуратно тронул меня пальчиком за плечо. — Мбвана, а что такое «дирижабль Нобиле»?

— Цитамольчик! — я расплылся в глупой улыбке — Какой ты у меня любознательный растешь! Знаешь, Цитамольчик, это случилось в те времена, когда мужчины были мужественными, поступки — настоящими, а романтика — живой.

— Митя, не растекайся мыслью по древу[2], время... — напомнил Митрич.

— Хорошо, всю историю потом расскажу. А сейчас только одно замечание... Только одно. Цит, ты знаешь, кто такой Руаль Энгельбрегт Гравнинг Амундсен?

— Не знаю, мбвана.

— Это был такой горбоносый норвежец, самый крутой мужик на Великом Севере, собравший все возможные титулы. Первый человек, достигший Южного полюса, первый человек, побывавший на обоих полюсах, первый человек, замкнувший кругосветную дистанцию за Полярным кругом и прочая, прочая, прочая... И вот этот самый Амундсен погиб как раз во время поисков экспедиции Нобиле. А совсем еще молодой Константин Симонов, будущий Великий Скальд Советской Империи, написал тогда шикарное стихотворение «Старик». Наврал все, конечно, но как красиво сказал, чертяка:

Весь дом пенькой проконопачен прочно,

Как корабельное сухое дно,

И в кабинете — круглое нарочно -

На океан прорублено окно.

Тут все кругом привычное, морское,

Такое, чтобы, вставши на причал,

Свой переход к свирепому покою

Хозяин дома реже замечал.

Он стар. Под старость странствия опасны,

Король ему назначил пенсион,

И с королем на этот раз согласны

Его шофер, кухарка, почтальон.

Следят, чтоб ночью угли не потухли,

И сплетничают разным докторам,

И по утрам подогревают туфли,

И пива не дают по вечерам.

Все подвиги его давно известны,
К бессмертной славе он приговорен,
И ни одной душе не интересно,
Что этой славой недоволен он.
Она не стоит одного ночлега
Под спальным шерстью пахнущим мешком,
Одной щепотки тающего снега,
Одной затяжки крепким табаком.
Ночь напролет камин ревет в столовой,
И, кочергой помешивая в нем,
Хозяин, как орел белоголовый,
Нахохлившись, сидит перед огнем.
По радио всю ночь бюро погоды
Предупреждает, что кругом шторма,-
Пускай в портах швартуют пароходы
И запирают накрепко дома.
В разрядах молний слышимость все глуше,
И вдруг из тыщевеерстной темноты
Предсмертный крик: «Спасите наши души!»
И градусы примерной широты.
В шкафу висят забытые одежды -
Комбинезоны, спальные мешки...
Он никогда бы не подумал прежде,
Что могут так заржаветь все крючки...
Как трудно их застегивать с отвычки!
Дождь бьет по стеклам мокрою листвой.
В резиновый карман — табак и спички,
Револьвер — в задний, компас — в боковой.
Уже с огнем забегали по дому,
Но, заревев и прыгнув из ворот,
Машина по пути к аэродрому
Давно ушла за первый поворот.
В лесу дубы под молнией, как свечи,
Над головой сгибаются, треща,
И дождь, ломаясь на лету о плечи,
Стекает в черный капюшон плаща.
Под осень, накануне ледостава,
Рыбачий бот, уйдя на промысла,
Найдет кусок его бессмертной славы -
Обломок обгоревшего крыла.

— А знаете, в чем еще прикол?! — оживился я — Амундсену в год смерти было пятьдесят пять лет! И по меркам того времени он действительно считался глубоким стариком. А вот сейчас...

— Все, портал появился, — прервал меня Селим, вставая. Он щелкнул пальцами и Семеновна, так и простоявшая все это время в безмолвном крике, наконец закрыла рот.

Конечно же, только для того, что бы вновь набрать полную грудь воздуха.

— Потом, дамочки, все потом! — упредил возобновление криков хозяин, — В портал, все в портал! Вас там большие люди ждут. Быстрее, быстрее!

Перед тем как шагнуть в портал, Семеновна повернулась и ожгла нас взглядом.

— Ну, погодите! — она это сказала так, что мне искренне захотелось забиться под кровать и кричать оттуда «Мама!!!». Впрочем, веселье, нахлынувшее на меня, вновь взяло свое, я обнял Митрича за плечи, и направился к порталу, голося во все горло:

От ветров и водки

Хрипли наши глотки,

Но мы скажем тем, кто упрекнет:

— С наше покочуйте,

С наше поночуйте,

С наше повоюйте хоть бы год[3].

Главное — попасть в линзу портала, главное — не промазать...

***

Большие люди были невысокого роста, кругленькие и пузатенькие. Их было двое — и они очень походили друг на друга. Оба в хороших черных костюмах, примерно одинакового роста, оба лысоватые. Всех и отличий — что у одного был носик уточкой, а у другого — классический римский шнобель. Позади, впрочем, стоял третий, высокий, худой и костистый, с лошадиным лицом, но он был явно подчиненным и на авансцену не лез.

Самое удивительное — мы почему-то оказались в библиотеке. Да, очень богатой, очень стильного интерьерера, но все-таки — библиотеке. По крайней мере, количество бумажных книг вокруг внушало именно эту мысль. Да и лампы с зеленым абажуром на столах для посетителей как бы намекали[4]. Странно. Я думал, что в учебных заведениях для мажоров бумажные книги окончательно ушли в разряд экзотики для любителей «теплого лампового звука[5]».

— Здрати — зачем-то сказал я пузанчикам, молча и пристально разглядывающим нашу компанию. Никто мне не ответил.

Уточка вдруг принялся и поинтересовался:

— Вы что — пили, что ли?

На сей раз отмолчались мы. Мы с Митричем уткнулись взором в пол, Андрюшка позеленел еще сильнее, хотя казалось бы — куда больше? Девушки прожигали нас взглядами.

— Прэлестно, прэлестно... — обладатель римского носа грассировал совсем не по-римски. — Они эщё и алкоголики... Не пэребор, Илья Семеныч?

— Напротив, Владимир Иванович, именно то, что надо. Вы, как директор колледжа, должны понимать, что выходки, подобные демаршу Яковлевой и Слынько, должны пресекаться самым суровым образом! Воли вы им много дали, вот что я вам скажу, Владимир Иванович! Разбаловали контингент! Мы, родители, платим вам немалые деньги совсем не за то, чтобы наши дети ходили здесь на головах и вытворяли кто во что горазд, без руля и без ветрил[6]! Классическое образование — это прежде всего порядок и дисциплина, причем очень жесткий порядок и суровая дисциплина! И вы знаете, что другие родители полностью поддерживают меня в этой позиции! Да-с! Знаете, как раньше говорили, отдавая ребенка в учение? «Мясо ваше, кости наши». По смыслу — бить его можете сколько угодно, но кости не ломайте, калечить нельзя! Почему в английских закрытых учебных заведениях

все по струнке ходят вне зависимости от титулов, происхождения и денег родителей? Потому что там знают толк в воспитании, потому и создали империю, над которой никогда не заходит солнце! И наши предки, которые одну шестую суши на планете под себя подгрести, тоже, знаете ли, розог при учебе не считали! Вот взять мою Светлану — есть у вас к ней претензии? Нет! А знаете, почему? Потому что я ее с малых лет...

Стоявший позади Лошадиная Морда, пользуясь тем, что толстячки его не видят, закатил глаза, состряпав выражение лица в стиле «Ну вот, началось...».

Митрич хрюкнул.

Уточка осекся и подозрительно посмотрел на Митрича.

Воспользовавшись паузой, стушевавшийся[7] потомок Марка Аврелия[8] торопливо зачастил. Настолько торопливо, что даже грассировать перестал:

— Вы абсолютно правы, Илья Семенович, это прекрасный выбор. И я очень благодарен вам — и не только за все то, что вы делаете на посту председателя Попечительского Совета колледжа, за все наши совместные проекты с «Альтернативным миром», нет, не только! Вот именно за то, что вы даже в таких мелочах считаете себя должным принимать личное участие! Вот если бы все родители были бы такими же активными, вовлеченными и нестандартно мыслящими! Это было прекрасное решение — не запрещать их дурацкое требование бесплатных тренеров, а высмеять его, довести до абсурда! И ваш Александр сделал прекрасный выбор — вы только посмотрите на них, это же... — директора просто передернуло от отвращения. — Я, пожалуй, воздержусь от эпитетов, мы все-таки в детском учебном заведении. И, думаю, мы даже выпишем Александру небольшую премию...

— Саня, сцуко! — одними губами прошептал Митрич, — Он это все специально устроил!

— Не факт! — я помахал у него перед носом указательным пальцем. Реакция «на старые дрожжи» захватила уже практически весь организм, и мне было все труднее себя контролировать. — Никогда не надо думать о людях плохо, пока нет стапыр... стапыр... стапра-цент-ных доказательств. Может, он просто бухнуть хотел, а все случайно совпало!

Завершив махи, я повернулся к толстячкам и обнаружил, что все трое (включая Лошадиную Морду) с огромным интересом смотрят на нас с Митричем.

— Достопочтимейшие, вы закончили? — ледяным тоном поинтересовался директор. — Мы можем продолжать? Прекрасно. Ну что, Александр должен был в общих чертах ознакомить вас с вашими функциями в нашем колледже. Но на всякий случай — повторю: вы должны подготовить к участию в итоговом турнире группу из пяти наших учеников.

Стоящий рядом Уточка подтверждающе кивнул.

— Прошу вас отнестись к этой работе ответственно, и приложить все усилия для победы ваших подопечных. Сделать для этого, я бы сказал, все возможное! — тут он все-таки не сдержался, и его тонкие губы скривились в усмешке. — Я могу на вас рассчитывать?

— Бес-с-сбзара — Митрич немного запутался в буквах, а я ему помочь не мог, поэтому лишь подтверждающе икнул.

— Прекрасно! — величественно кивнул директор. — Теперь по деньгам. Я думаю, пять тысяч рублей в неделю будет суммой, вполне адекватной прилагаемым вами усилиями?

— Каждому[9]? — поинтересовался я. Взгляд Светы, молча стоявшей сзади, казалось, скоро прожжет дыру у меня между лопаток. Но нас с Митричем уже понесло.

— Каждому! — подтвердил директор.

— Маловато будет[10]! — вмешался Митрич. — Добавить бы надо, барин. Овес нынче

дорог[11].

Директор вопросительно посмотрел на главу Попечительского Совета. Тот поморщился, как будто раскусил лимон.

— Хорошо, семь тысяч в неделю, — перевел директор. — Семь тысяч вас устроят?

— А чо, нормально, — не стал спорить Митрич. — Семь тыщ это не пять.

— Ну вот и договорились! — резюмировал директор. — Ну что, пойдете знакомиться с вашими воспитанниками?

И, не дожидаясь ответа, двинулся к двери. Уточка с Мордой пошли в кильватере, мы тоже присоединились к шествию.

— А говорил, что торговаться не умеешь! — подколот я Митрича. Реплика прозвучала неожиданно громко, Сергеевна и Семеновна вздрогнули, но ничего не сказали, ограничившись яростными взглядами.

Ох, чувствую, разнесут нас с Митричем сегодня вечером на молекулы. А и наплевать — семь бед, один ответ!

***

Шли мы долго, я даже успел немного протрезветь. Колледж «Лига молодых львов», как я предполагал, был построен в подражание Хогвартсу — все тот же древний замок, увитый плющом. Все то же безумное количество крытых переходов, винтовых лестниц и даже канатных переправ. Все то же безумное количество холлов, зимних садов, аудиторий и комнат разной степени обжитости, в некоторых из которых явно никогда не ступала нога человека. Ничего своего придумать не могут, честное слово, так и живут плагиатом.

Наконец, мы вошли в какую-то аудиторию, где бесновалась стая молодых приматов. Извините — ожидали преподавателя старшеклассники элитного российского колледжа. На наше появление никто не обратил ни малейшего внимания — все продолжали буйствовать, э-э-э, ожидать как ни в чем не бывало. И тут меня удивил Лошадиная Морда, который залиvisto свистнул, причем не используя пальцы. Свист оказался катализатором, запустившим любопытную реакцию — по буйствующей толпе запрыгали крики «Атас!», «Ректор!», «Ректор пришел!». Причем многие старшеклассницы слово «ректор» произносили с явственным любовным томлением. Пузанчик даже приосанился, чего нельзя сказать о представителе родительского комитета. Поборник дисциплины и порядка смотрел на все происходящее кривясь, как при зубной боли. Вскоре все обучаемые уже сидели за своими партами и пожирали глазами начальство.

Напыщенный ректор-директор занял кафедру. Уточка и Лошадиная морда уселись за рядом стоящий стол, накрытый зеленой скатертью — не дать, ни взять, бильярдное покрытие отодрали. Мы так и остались стоять у двери.

— Дорогие наши выпускники! — начал директор, — Прежде всего, позвольте от вашего лица поприветствовать председателя Попечительского Совета нашего колледжа, члена Совета директоров компании «Альтернативный мир» Илью Семеновича Мутадовского, традиционно курирующего наш Турнир Выпускников!

Выпускники вяло похлопали, достопочтенный Илья Семенович оторвал седалище, коротко поклонился и вновь плюхнулся на стул.

— Я еще раз поздравляю вас с окончанием теоретического курса нашего колледжа! Сегодня у вас был последний учебный день, а завтра мы начнем Турнир Выпускников! — директор вновь сделал многозначительную паузу.

На сей раз хлопали куда активнее, кто-то даже крикнул «Ура!».

— Ну а сейчас я собрал вас для того, чтобы разрешить последнюю формальность, препятствующую проведению нашего Турнира. Как вам всем известно, за неделю до начала Турнира двое наших выпускниц заявили, что не будут оплачивать услуги тренеров, и потребовали предоставить им бесплатных специалистов, как они выразились, «по прокачке». Руководство колледжа напомнило им, что Турнир Выпускников — не индивидуальная, а командная игра, и прежде чем выходить с претензиями, им следует собрать команду, солидаризирующуюся в своих требованиях...

На слове «солидаризирующуюся» я даже зауважал директора. Я бы это слово сейчас не произнес даже под угрозой расстрела.

— К удивлению руководства колледжа, нашлось все-таки трое обучающихся — последнее слово директор произнес так, что оно прозвучало синонимом слова «негодяев» — которые поддержали это странное, если не сказать больше, предложение этих двух выпускниц и составили с ними команду для участия в Турнире. И здесь я бы хотел выразить слова благодарности уважаемому Илье Семеновичу, который принял личное участие в решении возникшей проблемы. Я прошу выпускников, запросивших помощь бесплатных тренеров, выйти сюда.

О! А вот это уже интересно. Кого же нам там тренировать-то придется?

Вышли три девицы и двое юношей. О девицах сложно сказать что-то определенное — одетые в одинаковую форму колледжа они казались чуть ли не близнецами. Ну высокие. Ну симпатичные. Со спортивной фигурой. Ухоженные. Нет, так не пойдет, Дмитрий Валентинович, ваше пьяное сознание совсем уже работать не хочет. Как вы их различать будете? Надо искать особые приметы. Две блондинки, а третья — рыжая, как наша немка. Уже хорошо. У одной из блондинок пирсинг в носу, а у третьей... У третьей... Пусть будут губы. Губы богатые, как у Анджелины Джоли губы. Силиконом накачала, что ли? Так, с девками определились, переходим к пацанам. Ну, здесь проще, этих и инопланетяне не спутают. Один — вылитый директор в молодости: толстенький, кругленький и мягонький. Разве что ростом удался — как минимум на полголовы ректора выше. Второй — наоборот: невысокий, тощий, костистый. И смотрит нехорошо. Нос клювом и огромные хрящеватые уши. М-да, ни тот, ни другой — совсем не Ален Делоны. Безнадежно влюбленные? Тоже не похоже — стоят в стороне, девок глазами не пожирают. Да и девчонки, я смотрю, впечатления близких подруг не производят — все трое стоят по отдельности, выражение лица — «я не с ними, я жду трамвая[12]».

За этими размышлениями я и не заметил, что директор все это время что-то вещал. Очнулся я оттого, что Митрич врезал мне локтем под ребра, довольно чувствительно.

— Че встал, пошли! — свистящим шепотом призвал он. И впрямь — все наши уже выдвинулись от двери в центр аудитории. Мы с Митричем торопливо последовали за ними.

— Но прежде чем мы представим ваших тренеров, предоставленных компанией «Альтернативный мир», я прошу вас принять вот эти вот головные обручи, которые станут отличительным символом вашей команды.

И он быстро раздал пятерым школьникам головные обручи, похожие не то на простенькие диадемы, не то на эрзац-короны: обруч вокруг головы и три лепестка спереди.

— Прошу надеть. Прекрасно, вам очень идет, особенно дамам. Это нейроинтерфейсы, предоставленные компанией «Альтернативный мир». Как вам известно, профессиональные тренеры работают со своими подопечными, используя множество артефактов, позволяющих им отслеживать изменения показателей своего ученика и его динамику развития чуть ли не

поминутно. Бесплатные тренеры, естественно, таким арсеналом не располагают, но компания решила немного уравнивать шансы. Ну а теперь я представлю вам ваших тренеров. Прошу любить и жаловать...

Он опять сделал драматическую паузу, и в этот момент я звучно икнул. На меня мгновенно уставились десятки юных глаз и я отблагодарил их за внимание тем, что икнул еще раз.

— Ну вот с вас тогда и начнем, уважаемый Валентыныч. Почему у вас нулевой уровень?

— Ну это... Я только вчера получил полный аккаунт.

— Как вы его получили?

— Поймал золотую рыбку.

— Прекрасно. Сколько вам лет? — голос директора с каждым вопросом становился все жестче. Да, этот колобок руководящую должность занимает не зря, строить разговор он умеет.

— Семьдесят три.

Кто-то из детей присвистнул.

— Сколько вы играете в «Альтернативный мир»?

— Чуть больше двух месяцев.

— Вы до этого имели опыт игр с полным погружением?

— Нет, не имел.

— Как вы получили аккаунт в «Альтернативном мире»?

— Ну... Мне его дали в нашем доме престарелых.

— Это была какая-то социальная программа?

— Да.

— Как она называется?

— «Вторая молодость».

— Почему вы прибыли сюда в состоянии алкогольного опьянения как минимум средней тяжести?

— Ну... Так получилось.

А что я еще мог сказать? Директор развел руками — дескать, мне добавить нечего. После чего продолжил допрос.

— Почему у вас такой странный ник?

— Ну... Я сделал грамматическую ошибку, когда регистрировался. Но вообще-то...

— Спасибо, достаточно. Ваша основная профессия в игре?

— Рыбак.

И так далее, и тому подобное. Закончив со мной, он перешел к моим друзьям и очень быстро выставил полными ничтожествами и их. Это ведь очень просто, когда право задавать вопросы у тебя. Нужно только понимать — про что надо спрашивать, а про что спрашивать нельзя, чтобы не портить цельное впечатление. Сергеевну он, например, спросил про последнее место работы («уборщица») и срок работы на этой должности («пять лет»), и на этом благо разумно остановился. Это очень легко, выставить другого дураком, тебе ведь даже врать не придется — твой собеседник сам себя оклеветает, отвечая на правильно поставленные вопросы. Не зря говорят умные люди, «полуправда — хуже лжи».

Этот не то допрос, не то ток-шоу все тянулся и тянулся, и нас методично смешивали с грязью. Я видел, как все сильнее бледнеет Сергеевна, чувствовал, как и у меня внутри все сильнее нарастает раздражение. Не взорвался я до сих пор по одной-единственной причине

— любому опытному человеку было видно, что директор нарочно нас провоцирует, ему для чего-то было нужно, чтобы мы сорвались на скандал.

Наконец, Владимир Иванович с видимым сожалением закончил допрашивать Митрича и повернулся к своим выпускникам.

— Ну что, я думаю, вам все понятно? Особенно вам, Татьяна?

Девушка с пирсингом давно смотрела на происходящее злыми глазами.

— Нет, у меня есть вопрос. Это кто такой? — и она кивнула в сторону Цитамола.

— Это... мнэ... — замычал сбитый с толку директор. — Это миньон Валентыныча.

— А это? — столь же энергичный кивок в сторону преображенного Митрича.

— Это ваш тренер, Сергей Дмитриевич Дьяченко. Могу даже добавить, что, скорее всего, именно он станет вашим личным тренером.

— То есть это пет, а это руководитель нашей группы тренеров? Так?

— Э-э-э... Да.

— Да? — ее саркастически изогнутой брови позавидовал бы любой лук. — А какая разница?[13]

И тут меня как бес под ребро толкнул. Услышав про разницу второй раз за сутки, я просто не смог удержаться. Да и пьян я был, что уж там:

— Дело в том, — начал я, и на меня обернулись все присутствующие, — что один из них болгарин, а другой — румын!

И засмеялся. Митрич двинул меня локтем под ребра, и я опять звучно икнул.

В общем, шутка не удалась. Поняли ее, наверное, только мои сверстники, все остальные посмотрели на меня, как на полного идиота.

— Владимир Иванович, — Пирсингованая, посмотрев на меня даже не с раздражением, а с жалостью, развернулась к директору. — Вы же понимаете, что я не буду у них тренироваться!

— Будешь, Яковлева, будешь! — директор тепло, я бы даже сказал, отечески, улыбнулся. — А ты как думала — ты мне здесь будешь своими капризами нервы мотать, а мы тебе кланяться да угождать должны? Просила себе бесплатного тренера — получи и распишись!

— Я не буду у них тренироваться! — по слогам отчеканила она. — И вы меня не заставляйте!

— Я?! — притворно удивился ректор. — Я действительно заставлять не буду, это не моя работа. А вот они — заставят!

И он небрежно кивнул в нашу сторону.

— Как это, интересно, у них получится? — опять эта гнутая бровь. Как она это делает? — Силой заставят?

— Почему силой? Программно заставят, как же еще? Мы с вами в виртуальности, Яковлева, не забывай.

— Вы про... — она, кажется, догадалась.

— Да, да. Нейроинтерфейсы. — подтвердил директор. — Поскольку вы с вашими тренерами не связаны договорными отношениями, вас, собственно, вообще ничего не связывает, мы немного расширили их полномочия. С помощью этих обручей они смогут не только отслеживать ваше состояние, и динамику вашего развития, но и призывать вас на тренировку и, соответственно, отпускать. Примерно как петов.

Директор с ненавистью — я готов поклясться, именно с ненавистью — посмотрел на

Пирсингованую и с нажимом закончил:

— Это виртуальность, Яковлева, не забывай. А вы все — табула раса, из которых тренерам еще только предстоит сделать полноценных участников турнира. И руководство колледжа, как вы понимаете, обязано обеспечить студентам надлежащий уровень подготовки. Особенно таким выпускникам, как вы.

Пирсингованая молчала — она с силой дергала за обруч, пытаясь его снять. Убедившись в бесплотности этих попыток, она змеей прошипела:

— Вот как, значит?! Как щеночка, на поводок?!

И выскочила за дверь.

Директор развел руками и подытожил:

— Все могут быть свободны. Напоминаю, тестовые аккаунты вы сможете завести только завтра, но уже сегодня в библиотеке можно получить справки и гайды по доступным вам воинским классам. Настоятельно рекомендую воспользоваться этой возможностью, тренер-тренером, но лучше и самому представление иметь.

Как и положено в школе, финальные слова он произносил уже в пустой аудитории. Дети, естественно, сорвались с места сразу же после слова «свободны».

Остались только взрослые. Директор безразлично мазнул по нам взглядом:

— Вы тоже можете идти. Константин Сергеевич, — он кивнул в сторону Лошадиной Морды, — покажет вам ваши комнаты.

— Владимир Иванович, — вдруг подала голос Сергеевна, — а мы можем ознакомиться с личными делами своих подопечных?

— А зачем вам? — непритворно удивился ректор. — Впрочем, я не возражаю. С этим тоже к Константину Сергеевичу. Пойдемте, Илья Семенович.

Лошадиная Морда встал, коротко кивнул нам и направился к выходу.

Мы двинулись за ним.

[1] «А что скажет купечество?» — знаменитая реплика Остапа Бендера во время создания «Союза Меча и орала».

[2] Митрич делает распространенную ошибку. На самом деле в «Слове о полку Игореве», откуда и взята эта цитата, по древу растекались не мыслью, а мысью — то есть белкой.

[3] Отрывок из песни на стихи Константина Симонова «Корреспондентская застольная».

[4] Лампы в главной библиотеке страны, знаменитой «Ленинке» (ныне — Российской государственной библиотеке) всегда с зелеными абажурами, это незыблемая традиция. Меняются правители, государственный строй и века, но лампы всегда зеленые.

[5] Интернет-мем, посвященный эпидемии сумасшествия, косившей ряды меломанов в последней четверти двадцатого века. Заболевшие безумцы утверждали, что только усилители на лампах дают музыке какой-то особенный «теплый ламповый звук», который никогда не дадут усилки на транзисторах. Мем служит для обозначения слишком увлеченных любителей ретро, и применяется в самых разных сферах. Так подкалывают и ненавистников цифровой музыки, и читателей, уверенных, что электронные книги никогда не заменят бумажные и т. п.

[6] «Без руля и без ветрил» — строки из поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова, ставшие поговоркой. Выражение стало крылатым благодаря опере «Демон» Антона Рубинштейна. Позже классическое исполнение этой арии Федором Шаляпиным широко разошлось на

патефонных и граммофонных пластинках, что изрядно добавило известности этому выражению. «Ветрило» древнерусское слово, обозначающее «парус».

[7] Кстати, слово «стушеваться» придумал Федор Михайлович Достоевский. И всю жизнь очень гордился тем, что обогатил лексику русского языка, пусть и на одно только слово.

[8] Марк Аврелий Антонин — образец классического римлянина, римский император из династии Антонинов, философ, представитель позднего стоицизма. Последний из так называемых «пяти хороших императоров», о которых вы, если захотите, прочитаете самостоятельно.

[9] Отсылка к знаменитому эпизоду в фильме Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика».

[10] Знаменитая фраза из мультфильма Александр Татарского «Падал прошлогодний снег».

[11] Выражение «овес нынче дорог» большинство, наверное, помнит по романам Ильфа и Петрова, однако первым его употребил в своей повести «Подходцев и другие» знаменитый писатель Аркадий Аверченко. Именно так ответил извозчик в повести на вопрос, почему лошадь едет так медленно. В целом же — стандартный ответ извозчиков на вопрос — почему они так дорого заламывают. Аналогично реплике сегодняшних таксистов «Так бензин подорожал».

[12] «Я не такая, я жду трамвая» — фраза из стишка, ставшая поговоркой. Стишок был про девушку, стоявшую на обочине, которую приняли понятно за кого. Заканчивался стишок так: «Я не такая, я жду трамвая/Хотя погодите, сколько дадите?».

[13] См. примечание № 11 в Зачине.

Мы долго шли куда-то вниз, Митрич даже пробурчал:

— Оказывается, здесь еще и учителя в подвалах обитают, а не только скелеты в цепях.

— На себя посмотри! — мгновенно сориентировалась Семеновна. — Морда пустоглазая!

Митрич, который все время забывал, как он сейчас выглядит, только крякнул от досады. А наш провожатый, не проронивший до сих пор ни слова, наконец-таки разомкнул уста:

— Учителя живут наверху. А внизу не только скелеты, но и архивы. Вам же вроде личные дела нужны были? Кстати, мы пришли.

И впрямь — прямо перед нами была дверь с табличкой «Архив». За дверью тезка Станиславского немедленно уселся за стол с терминалом и, щелкая клавишами, поинтересовался:

— Если не секрет, зачем вам личные дела? Там ведь общедоступной информации — едва ли не только фамилия-имя-отчество. Все остальное — извините, тайна личности. К тому же они несовершеннолетние, так что на раскрытие личной информации требуется не только их разрешение, но и их родителей тоже.

— А что же делать? — неприятно огорчился Митрич.

— Ну... — протянул наш сопровождающий, — Можно, например, у меня спросить. Я все-таки их классный наставник.

— Спасибо вам заранее, — наша Снежная Королева опять включила мурчащую кошку, — мы непременно воспользуемся вашим щедрым предложением, но прежде можно один вопрос в сторону? Константин Сергеевич, скажите, пожалуйста, кто составлял опросник для директора, когда он нас, скажем так, коллективу представлял?

Лошадиная Морда внимательно посмотрел на Сергеевну, достал из нагрудного кармана очки, надел их и стал похож на грустную лошадь в очках[1]. Немного помолчал, и, наконец, ответил:

— Я, конечно. А почему вы спрашиваете?

— Видите ли, — пояснила экс-директорша, — ваш директор, безусловно, неглупый человек, но он и впрямь считает нас группой никчемных маразматиков. Меж тем человек, составивший эти вопросы, очень неплохо знает всю нашу компанию: точно понимает, что надо обязательно спросить, а где нужно остановиться. В общем — не надо сильно большого ума, чтобы понять — директора кто-то разыграл «втемную», кто-то, кому непременно надо было представить нас именно подобным образом. И закономерно возникает следующий вопрос — а кому этот таинственный человек хотел представить нас бесполезными балбесами? Директору? Председателю Попечительского совета? Взбунтовавшейся группе школьников? Или, напротив, школьникам, оставшимся лояльными к школьной администрации? Следующий вопрос — зачем он сделал, что это дает ему и чем это грозит нам?

— Стоп-стоп-стоп!!! — перебил ее Константин Сергеевич и вдруг неожиданно улыбнулся. — Я уже вижу, что репутацию на редкость въедливой и умной стервы, которая у вас уже потихоньку появляется в «Альтернативном мире», вы заработали не случайно. Вы прекрасно понимаете, что задаете слишком много вопросов, и у меня возникает встречный вопрос — а почему все эти вопросы вы не задаете себе мысленно, а произносите вслух? Давайте так — я пока не готов играть в эту игру, поэтому ограничусь ответом на первый вопрос, все равно вы бы скоро узнали.

Мы с Александром, несмотря на солидную разницу в возрасте, очень хорошие приятели. Так уж вышло, что в колледже именно я непосредственно занимаюсь Турниром. Александр же, как вы наверняка знаете, с самого начала замкнул на себя набор тренеров для воспитанников, а потом и вовсе стал обеспечивать все вопросы, связанные с взаимодействием «Лиги молодых львов» и «Альтернативного мира». Обычное, знаете ли, дело — Илья Семенович и Владимир Иванович курируют Турнир, то есть решают стратегические вопросы. А вот непосредственное обеспечение мероприятия, работа, как говорится, в поле, валится на менеджеров среднего звена, говоря предметно — на нас с Александром. С ним оказалось приятно работать, несмотря на некоторые его странности, и мы за эти четыре года хорошо сдружились. И видео ваших походов мы вместе смотрели — очень смешно! И ваши кандидатуры у начальства вместе согласовали: он со своей стороны подтолкнул, я со своей тоже немного подработал.

Что же касается остальных ваших остальных вопросов... — классный наставник в задумчивости потер мочку уха, — будем считать, что я их не расслышал. И не считите за бестактность, но все-таки последуйте моему совету — не лезьте вы в это дело. Не стоит интересоваться скелетами в шкафах руководства колледжа. У вас на этот турнир завязан более чем серьезный квест — лучше сосредоточьтесь на нем. Это для всех будет лучше. Хорошо?

И он вновь улыбнулся своей странной улыбкой грустной лошади.

Светлана молчала. Константин Сергеевич пристально смотрел на нее, явно ожидая ответа. Секунды тикали.

Наконец, Светлана ответила:

— Я могу вам пообещать, что не полезу в это дело из праздного любопытства. Но, как

вы правильно сказали, у нас на этот турнир завязан очень важный квест, который, собственно, и определит нашу дальнейшую судьбу в «Альтернативном мире». И если мне покажется, что успех выполнения квеста так или иначе связан с вашими тайнами мадридского двора — я оставляю за собой право отменить обещание не лезть не в свое дело. В силу того, что дело уже станет моим. Договорились?

— Договорились! — мягко улыбнулся классный. — Ну а теперь, если вы не против, я все-таки поработаю архивной справкой и представлю ваших подопечных. Начну с начала — Татьяна Яковлева и Ольга Слынько (на голографическом экране появились фото Пирсинговой и Губастой). Две некоронованные королевы колледжа и по этой самой причине — вечные соперницы, истово ненавидящие друг друга с первого курса. У них даже прозвища соответствующие: у Слынько — «Квин[2]», а Яковлеву зовут просто «Ро» — от «Роял[3]». Эти красавицы даже внешне похожи, и это послужило дополнительным катализатором конфликта. Причем похожи они не только внешне — у обоих очень влиятельные отцы, обе весьма неглупы, у обоих с младых ногтей[4] были все возможности и они активно этими возможностями пользовались, но при этом умудрились не избаловаться, наконец, обе привыкли быть первой. Они никогда не знали соперниц — до колледжа. Ну а здесь, как вы понимаете, нашла коса на камень. Для педагогов это был многолетний ужас — они грызлись постоянно, каждодневно и с чисто женским ожесточением. С первого же дня и до сегодняшнего момента. Если учесть, что каждая из них довольно быстро обзавелась целым шлейфом воздыхателей и поклонников, подруг, приятельниц и приживалок — и в эту постоянную грызню оказалась втянутой добрая половина контингента обучаемых... Сами понимаете, учителям эту парочку любить совершенно не за что. Не удивлюсь, если добрая половина моих коллег завела себе календари, где они вычеркивают дни, оставшиеся до их выпуска. По крайней мере, я именно так и сделал.

— Календарик — это не актуально! — встрял Митрич. — Надо было гибкий портновский метр купить и, начиная со стодневки, каждый день по сантиметру отрезать. У нас в армии всегда так делали!

— О, Господи, да кому интересно ваше казарменное народное творчество?! — зашипела Семеновна. — Вы, товарищ педагог, объясните лучше, как они в одной команде оказались?

— Да я, собственно, к этому и подвожу. Сколько я могу предположить, Турниру Выпускников эти две папины дочки придавали огромное значение, ведь именно он должен был стать финальной точкой этого вечного соперничества. Согласитесь, нет лучше способа определить, кто же в итоге оказался первой, чем в результате прямого противостояния. Кто из них кого убьет на турнире — тот и окажется Истинной Королевой, разоблачившей самозванку. Поэтому обе готовились к турниру практически весь последний год. К выпускному балу так не готовятся, как эти две взрослеющие королевы шли к финальной драке.

Они изучили все находящиеся в открытом доступе гайды по прокачке персонажей в «Альтернативном мире» и мануалы по ведению боевых действий. Но, как вы понимаете, этого совершенно недостаточно — в общедоступных гайдах нет и четверти необходимой информации, настоящие секреты прокачки никто никогда не светит. Поэтому они перебрали всех возможных тренеров по косточкам, пересмотрели все видеоролики в Сети, нанимали сталкеров и засылали их в «Альтернативный мир» в поисках малоизвестных крутых бойцов. Но и это еще не все. Весь год они подбирали из своих клевретов идеальную команду, нет — Идеальную Команду. Несмотря на то, что каждый год задания на Турнире абсолютно новые,

они весь год терзали выпускников прошлых лет и в итоге знали о прошедших турнирах все.

Даже боюсь предположить, во что их родителям обошлась вся эта подготовка. Но материальные траты — пустяк по сравнению с их психологическим состоянием. Ведь, по сути — каждая пошла ва-банк, сделала ставку на все, что у нее есть. Проигрыш и для той, и для другой станет тяжелейшей психологической травмой, и я, как педагог, жду окончания Турнира с ужасом. Именно с ужасом, я не утрирую — проигравшей понадобится целая бригада хороших психологов, чтобы вывести ее из тяжелейшего шока.

— Я все понял, это навсегда! — Митрич опустил свои пустые глазницы долу. — Со времен моей родной средней школы № 3 имени 30-летия Республики ничего не изменилось. Это профессиональное — все учителя могут говорить часами, но так и не дойти до сути. Нам не судьба узнать — почему они оказались в одной команде.

— Терпение, мой дорогой фальшивый скелет, терпение! — прервала его Семеновна. — Сколько я понимаю, докладчик уже добрался до этого драматического момента.

Классный воспитатель лишь благодарно ей кивнул и продолжил:

— Две недели назад полиция задержала отца Яковлевой, как ходят упорные слухи — с железобетонными доказательствами. Отец временно отстранен от должности, сейчас находится под домашним арестом, и — самое страшное для Ро — счета всех членов семьи заблокированы до окончания следствия. Разрешено еженедельно снимать только определенную сумму на жизнь, весьма, кстати, скромную. В общем, о найме тренера не может быть и речи.

— Мда, попала девочка... — протянула Светлана. — А родители ее что?

— А что родители, что они могут? — махнул рукой Константин Сергеевич. — Отец теперь даже не «сбитый летчик», а практически прокаженный. Сколько я понимаю, они сейчас ежедневно наблюдают эпическую картину «Крысы спешно бегут с корабля, отталкивая друг друга». Мать приезжала, рыдала у меня на плече в кабинете директора, умоляла дать дочери закончить и получить диплом. Мало ли, мол, как потом сложится, а диплом «Лиги...» — это всегда диплом «Лиги...». Проблема еще и в том, что наш виртуальный мирок — всего лишь зеркальное отражение реального мира, всей-то и разницы, что у нас «сбитым летчиком» стала Татьяна.

Классный тяжело вздохнул.

— А с ее характером от желающих свести счеты отбою нет, начиная от завистливых младшекласниц, и заканчивая... — он неопределенно ткнул пальцем вверх. — Но самым большим ударом это, конечно, стало для Ольги.

— В смысле для Ольги?! — удивился я. — Ей-то, наоборот, радоваться надо — победа ей теперь практически гарантирована!

Обе наши дамы посмотрели на меня с жалостью.

— Ты, Мить, и впрямь дурак! — безапелляционно заявила грубая Семеновна. — Впрочем, все вы, мужики, пеньки непонимающие. Объясню на понятном тебе примере. Готовился ты к спортивным соревнованиям, типа Олимпиады, несколько лет. Каждый день вкалывал, ничего другого в жизни не видел, все на это положил. Настроился на долгую и тяжкую битву, не ел, ни пил, к ней готовился. А за день от отъезда к тебе заходит тренер, чай пьет, и, уже уходя, в прихожей вспоминает: «Да, совсем забыл, тебе там победу присудили — за неявкой соперника. Так что ехать никуда не надо, я тебе тут на тумбочке медальку положу». Много тебе радости от той медальки будет?

— Именно так, — кивнул учитель. — На Слынько тогда смотреть страшно было — лица

на ребенке не было. Она день так проходила, а вечером заявила к Яковлевой в комнату, одна, без свиты. Всех оттуда выперла, и они часа три о чем-то беседы беседовали. Едва ли не первый раз за весь период обучения наедине пообщались.

А наутро обе и пришли к директору с заявлением о бесплатных тренирах. И где они только это положение выкопали! Наверняка, когда в период подготовки всю теорию наизусть зубрили. Я так понимаю, они и так, и сяк прикинули, и поняли, что это единственный способ им оказаться на Турнире в равных условиях и обеспечить себе честную победу или поражение. Пусть друг с другом сразиться не получилось — слишком в разных условиях они будут — но можно сражаться плечом к плечу. А потом посчитать, чей вклад в команду весомей будет. Кто больше, например, фрагов[5] набьет — тот и победил. И эту победу не оспоришь — она честная.

Говорю же — они не дуры. Но упертые — я вас умоляю. И соперничество это им весь мозг съело. Подростки же еще. По-моему, Татьяна больше не об отце плакала, а о том, что Турнир у нее сорвался, по сути.

— Все понятно, — вмешалась Светлана. — А команду они как набрать умудрились?

— Я же говорю — упертые как мама дорогая. Они, если потребовалось бы, чайной ложкой котлован под многоэтажный дом выкопали бы, что им та команда. Хотя да, еще троих найти было весьма непросто. У англичан, по моему, есть поговорка, точно уже не воспроизведу, но по смыслу: неважно, какие оценки у тебя в дипломе, куда важнее, в какой университетской спортивной команде ты выступал. Грубо говоря — заведенные связи важнее оценок или престиж имеет значение. А Турнир более чем престижен. Если два наших выпускника встречаются, первое, что они друг у друга спрашивают: «Ты каким в своем выпуске закончил?». И называемая в ответ цифра — это вовсе не его показатель по среднему баллу оценок. Это место, которое его команда заняла в Турнире. А уж фамилии двадцати победителей любой студент или выпускник «Лиги молодых львов» знает наизусть как «Отче наш[6]». Ну и возможность, пусть больше теоретическая, быть допущенным в «Альт», которым они все грезят и бредят! Да не просто так допущенным, а обладателем уникального достижения! В общем, что там говорить — шансов набрать команду у нашей парочки врагинь практически не было!

— Но... — вопросительно подсказала Светлана.

— Но им повезло. В этом году выпускаются несколько не совсем обычных выпускников, и наши королевны свой шанс использовали на сто процентов. Давайте, с вашего позволения, я продолжу представление ваших подопечных.

***

На экране появился портрет Рыжей.

— Аглая Леонидова, несчастный ребенок неадекватной мамы. Маменька ее, как это часто бывает, через ребенка реализует себя, пытается воплотить в жизнь все свои несбывшиеся мечты, а мнение субъекта воплощения ее не очень и интересуется. Вот и вбила себе в голову, что ее доченька должна получить лучшее образование в стране, вот и затолкала ее сюда. Проблема в том, что ей наш колледж — ну совсем не по деньгам. Споры нет, у себя в Дальнереченске, или как там родной город нашего Патрика называется, мама — самый крутой коммерсант.

— Патрика? — переспросила Светлана.

— Да, партийная кличка у нее — Патрик. Из-за цвета волос, естественно.

Мы задумались.

— Это в смысле «все ирландцы — рыжие[7]»? — предположил я.

— Господь с вами, кличку она из дома принесла, а откуда в Дальнереченске ирландцы?

Все проще — раз рыжая, значит лиса, раз лиса — значит Патрикеевна, Патрикеевна длинно — поэтому Патрик.

— Квин, Роял и Патрик — перечислила Семеновна. — Педагог, тебе не кажется, что с женскими кличками какой-то гормональный сбой произошел?

— Ничего страшного, зато у обоих мальчишек клички женского рода, — улыбнулся классный. — На чем я остановился? Да, на маме — владычице Дальнереченска. В общем весь город под ней ходит, даже мэра своего поставила. Знакомый, думаю, вам типаж, эдакая крестная мама уездного масштаба из цикла «я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Проблема в том, что по меркам нашего колледжа что мама, что Аглая, что бомж на вокзале — все примерно одинаковые нищоброды, а Дальнереченск, где вся эта компания проживает — дырка в заднице планеты. Ну и отношение к ребенку соответственное, дети — они же куда более жестокие, нежели взрослые: «Патрик, а что у вас в клубах диджеи ставят? Шансон года, наверное? Га-га-га... Патрик, а блокбастеры у вас, наверное, до сих пор в 3D показывают, да? Гы-гы-гы». К тому же сами понимаете, торговля всякими виртуальными штучками в нашем колледже процветает, а у Аглаи тупо денег никогда нет. Мама и так вкладывается через край, практически вся прибыль с дальнереченской торговли прямиком на счета нашего колледжа уходит. «Какие деньги, доча, ты что?! Я и так все в твое обучение вкладываю, все ради тебя, а ты... Что ты орешь, это ты матери вместо спасибо? Нет, ты будешь там учиться, а я сказала — будешь!». В общем, говорю же — несчастный ребенок. Ни счастья, ни подруг, ни мальчиков. В прошлом году, правда, подкатил к ней один, она аж расцвела от счастья...

Он обреченно махнул рукой.

— Куда там. Родители прознали, вставили отпрыску по первое число, а он говнюк оказался — взял и в самом деле отвалил. Она аж черная ходила, я за нее всерьез боялся. Но ничего, пережила. Она крепкая девочка, хоть и озлобленная, конечно, на весь мир.

Ну, с ней понятно — там ни о каком нормальном тренере с самого начала речь не шла. Максимум — маменька бы нашла какого-нибудь задолжавшего ей коммерсанта, имеющего аккаунт в «Альте», да заставила тренером отрабатывать. В общем, Патрика уговорить было, думаю, нетрудно. Сами посудите — всю жизнь ты здесь никто и звать никак, а тут к тебе две королевы колледжа приходят на поклон. К тому же, подозреваю, Ольга им еще и заплатила за вступление в команду. Насчет Петьки не уверен, а вот Патрик и Плюха от денег точно не откажутся.

— Я так понял, мы уже к мужикам переходим? — уточнил Митрич.

— Именно так, — подтвердил педагог, выводя на экран портрет рослого толстяка. — Прощу любить и жаловать, Петр Охлопков, более известный как «Петька-пара». Почему «Петька-пара» — понятия не имею, учится он вполне нормально, хоть и не отличник, конечно. Говорят, это из какой-то древней книжки, но я не читал.

— Я читал[8], - вмешался я, но учитель моими знаниями не заинтересовался. Как истинный педагог, он очень не любил, когда его перебивали, поэтому одарил меня суровым взглядом.

— Так вот, если Патрик пошла в команду по бедности, то Пара — из-за лени. Петька — феноменальный, я бы даже сказал — паталогический лентяй. По-хорошему, его уже сто раз должны были выгнать из колледжа, несколько подобных лодырей уже вылетели, но этот, как

видите, дотянул до выпуска. Причина проста — как я уже сказал, учится он вполне прилично. Здесь, кстати, у каждого ученика своя история, некоторые вполне на роман потянут, а у Петьки история — получше чем у многих. У него нормальная семья, папе палец в рот не клади, он свое всегда урвет. Урвал, прорвался, и поднялся весьма высоко. В отличие от многих коллег-олигархов, старую жену не бросил. Жена — классическая филологиня, удачно вышедшая замуж. В жизни ни дня не работала, всю жизнь у мужа за спиной, обеспечивала тыл. Петька — поздний и единственный ребенок, оба родителя на него, естественно, не надыхаются. Сынок сызмальства ни в чем отказа не знал, все ему позволяли, что хотел — вот и упустили пацана. Потому что хотел он одного — лежать и спать. Хорошо, что мама-филологиня привычки молодости не утратила, и сынишку тоже на книжки посадила. Вот и получается, что все, чего Петька хочет в жизни — это лежать, при этом спать или читать. Он и учится только потому, что от скуки учебники читает. Как маньяк — пока хотя бы несколько страниц глазами не перемелет, не заснет.

А так — и семья нормальная, и сам он парень неплохой. Добрый, веселый, никому зла не желает, но лодырь — невообразимый. Его и в классе любят, хоть и дразнят, конечно. Петьку, я думаю, именно на лени наши королевны и подловили, денег-то у папы хватает. Объяснили ему, что бесплатный тренер всяко его гонять меньше будет, чем персональный, которому большие деньги плачены. Тот-то уж, чтобы за деньги отчитаться, спокойной жизни Петьке точно не даст!

— С Петькой понятно, — перебила учителя Сергеевна. — А последнего наши девицы-заговорщицы на чем завербовали? Неужели на нежных чувствах сыграли?

Педагог включил на экране портрет ушастого задохлика и рассеянно ответил:

— Господь с вами, Тарасик — и любовь? Это даже не смешно. Плюху на жадности завербовали. Плюха — это ведь сокращенное от «Плюшкин».

— Гы-гы, а я думал — плюхи он часто получает, — заржал Митрич. — Рожа у пацана такая... Специфическая. Кирпича просит, как в народе говорят, гы-гы.

— Случается и такое, врать не буду. Но в целом — прошу любить и жаловать, известный всему колледжу экономист-монетарист Плюха, он же Тарас Либерман. Либерман, правда, только последние три года, а до этого был Приходько. Паталогической жадности человек, из тех, что тонуть будет, но на крик «Давай руку!» не прореагирует. Ничего никогда никому не даст!

Тоже, надо сказать, по-своему несчастный пацан. История, в общем-то, обычная, житейская. Мама его тяжелым поведением никогда не отличалась, в эскорт-услугах работала, ну и залетела от богатого клиента. Подумала — и оставила ребенка, решила, что богатый папенька никак не даст родной кровиночке с голоду умереть, ну и она при ребенке свой бутерброд с икрой иметь будет. Вот только папа у Тарасика оказался скупердяем тем еще — у сыночка это генный набор играет. Сразу послал маменьку на три буквы, заявил, что на такой тупой развод он никогда не поведется, быть-то он был, не отрицает, но кого там в тот вечер в кокаиновом угаре только не было! В общем, сына категорически признавать не хотел, генетическую экспертизу оплачивать — тем более. Ну маменька и начала сама на экспертизу копить. Вот только копить эта попрыгунья-стрекоза никогда не умела, работать — тем более, а Лондон — город очень дорогой. Как они там вдвоем жили — даже не догадываюсь, но нехитрую истину «Бедность — это отвратительно» наш Тарасик выучил на пять баллов. Хорошо еще, на лето его дедушка с бабушкой в Винницу забирали, потому и язык не забыл, и витаминами хоть иногда подпитывался. Но все равно с голодухи только

метр с кепкой и вырос. В общем, как мне его мама рассказывала, рачительность в Тарасике проснулась лет в пять. К восьми он уже знал, где что подешевле купить можно и восхищал всех владеющих окрестными магазинчиками арабов и пакистанцев непревзойденным умением торговаться. К десяти семейный бюджет де-факто вел уже он, а к двенадцати Тарасик скопил не экспертизу.

Представляете?! Два года мальчишка зажимал каждый цент, а экспертиза в итоге так и не понадобилась. Когда они с мамой явились к биологическому родителю за биологическим материалом для экспертизы, выяснилось что папаша и сынуля — одно лицо. В самом прямом смысле, близнецы-братья плюс-минус разница в возрасте, как Ленин и партия[9]. А когда папенька с сыночком пообщался и выяснил все особенности сыночкиного мировоззрения, которое у наследника давным-давно сформировалось — так просто пришел в восторг! Расчувствовался и, несмотря на всю свою скупердяистость, дал сыночку свою фамилию и назначил неплохой пансион. Плюс, отдельным пунктом, оплату обучения в нашем колледже.

Я так понял — годы бегут, Либерман-старший не молодеет, бизнес-империю все равно кому-то оставлять рано или поздно придется, а кроме Тарасика, других кандидатов-то и нет. Остальные дети — оторви да брось, если им отдавать, лучше сразу все заводы и пароходы напрямую в казино отнести, да на фишки обменять. Так что Тарасик с мамой теперь у отца в поместье в отдельном доме живут, пацан у нас учится, плюс отец его потихоньку к делам подтягивает.

— Ну прям рождественская сказка про сироту получилась, — расчувствовалась Семеновна.

— Это не сказка, это жизнь, к сожалению. Плюха — один из самых проблемных моих учеников, — покачал головой Константин Сергеевич. — Нет, отношения с отцом он, конечно, поддерживает, делами бизнеса искренне интересуется, пансион получает, «спасибо» отцу говорит, другие теплые слова. Вот только эти годы нищеты он отцу не простил, и не простит никогда. И когда придет время — как тот богомол, откусит папашке голову без малейших эмоций. Он очень умный парень, очень хорошо учится, вряд ли кто из этого выпуска взял от обучения в колледже больше, чем он. Вот только...

Его не любят. И правильно делают, потому что и он не любит никого. И не любил никогда. Он предельно рационален, я думаю, что процентов семьдесят со своего пансиона он откладывает на стартовый капитал. Знаете, люди, пережившие сильный голод, до смерти не могут наестся и прячут сухари под подушку. Вот у него та же история с деньгами. Я более чем уверен, что он и с отца деньги на тренера получил, и с Ольги за вступление в их команду взял.

— Но погодите, вы же сами говорите, что победа в Турнире — это огромный неформальный капитал, который все жаждут получить. А теперь вдруг самому жадному студенту этот капитал и даром не нужен, он его разменял на не такие уж и большие, думаю, деньги. Что-то не сходится у вас! — вдруг встряла Светлана.

— Никакого противоречия! — мгновенно откликнулся классный руководитель. — Тот капитал, который дает победа в Турнире, нашему Плюшкину и даром не нужен, это не интересующие его активы. Высокое место в Турнире дает престиж, возможность неформальных отношений с сильными мира сего, а Тарасику на это, по большому счету, наплевать. Он все очень адекватно оценивает, и прекрасно понимает, что душой компании ему не быть никогда. С его характером у него никогда не будет друзей, его никто никогда не

будет любить, в лучшем случае — будут терпеть. Поэтому на всяких вечерах встречи выпускников ему делать нечего, и первый, кто это понимает — он сам. Вот он и «взял деньгами[10]». Небольшими? Ну, во-первых, не такими и небольшими, а во-вторых, даже небольшие деньги лучше чем ничего. Именно так Тарасик и мыслит — предельно рационально. Иногда мне кажется, что он и родился таким вот старичком и никогда не был ребенком.

Педагог замолчал. Молчали и мы.

— А вы хороший учитель, — вдруг сказала Нина Семеновна. — Из настоящих. Из тех кто и в интернате зачуханном за копейки — по высшей мерке в работу вкладываться будет.

— Спасибо, — сухо сказал Константин Сергеевич. А потом вдруг улыбнулся. — А у нас, думаете, не интернат? Интернат и есть. Не во всяком детском доме такие переломанные судьбы, как у нас. Большие деньги — это всегда большие проблемы, эта парочка по отдельности не ходит. А большие проблемы слишком часто оборачиваются большими бедами. Но в принципе, вы правы, мне эти дети дороги. Я их люблю. Потому, наверное, и рассказываю вам все так подробно. Вы производите впечатление приличных людей, и я надеюсь, после этого рассказа не ударите их ненароком по больному месту. Которых у них хватает.

Мне показалось, что он с трудом удержался от слов «Урок окончен, можете быть свободны».

— Ну все, наверное. Что знал — рассказал. Артефакты для наблюдения за прогрессом учеников и управления их присутствием на тренировках должны принести в ваши комнаты. Пойдемте, я вам их покажу.

— Одну минуту, — попросил Митрич. — А вы можете собрать их завтра на еще одну встречу с нами? Которая будет уже без посторонних? Мне бы не хотелось притаскивать их туда силком.

Педагог задумался.

— Один раз, наверное, смогу. Но я не буду этого делать постоянно. У вас будет только одна попытка. Или вы как-то убедите их тренироваться с вами, или вам придется, как вы сказали, «таскать их силком». Куда приводить?

— Дайте подумать... — Митрич поскреб бритый — в предельном смысле этого слова — затылок. — У вас же наверняка должно быть что-то типа данжа для тренировок?

— На начальные уровни, как я понимаю? Конечно, есть, и не один. С какими мобами вы предпочитаете?

Митрич оскалился в своей многозубой улыбке:

— А давай классику — скелетов и прочую нежить!

— Договорились. Записываю вашу группу в подземелье на десять утра, остальное время уже занято. Координаты данжа скину почтой.

— Отлично. Приведете тогда их к данжу в половину десятого?

— Приведу, что ж не привести, — покладисто согласился классный руководитель. Потом он явно начал колебаться — говорить или нет, но все-таки решился. — Только зря это все.

— Что зря? — удивился Митрич.

— Тренировки все эти ваши зря. У вас нет шансов с этой командой. Вообще никаких, даже самых мизерных. Причем я не предполагаю, я знаю. Александр очень точно обозвал эту компанию: «анти-дрим-тим». А знаете, почему? Они в большинстве своем неплохие дети,

некоторые даже хорошие, но вам досталась худшая команда в колледже. Потому что этой команде собрались единственные пять студентов на потоке, у которых нет ни малейшей мотивации выигрывать турнир. Никто из них этого не хочет. Королевишны давно оставили мысли о победе, сейчас они хотят только выяснить отношения между собой, а на результаты им, по большому счету, плевать. А у остальных мыслей о победе никогда и не было: Патрик зла на весь мир, Пара будет сачковать и филонить, Плюха просто считает участие в Турнире глупой потерей времени. И с этой компанией вы собрались обыгрывать ребят, которые год готовились к этой схватке, и которые каждую ночь во сне видят свою победу? Серьезно?

— Серьезно. — Митрич и впрямь был сама серьезность. — Есть у меня одна идея. Сами завтра увидите.

Уважаемые читатели, на этом заканчивается бесплатная часть второй книги "В бой идут". Дальнейшие обновления будут доступны только подписчикам. Мне хочется проверить одну вещь. У нас часто говорят "Каждый труд должен быть оплачен". Это не так, оплачена должна быть только та работа, результаты которой востребованы людьми. Вот я и хочу проверить — насколько людям нужно то, что я пишу. Обновления будут не менее 20 тысяч знаков каждую неделю, но я постараюсь делать их чаще.

[1] Сперва думал, что этот образ я придумал сам, а потом вспомнил, что такой персонаж был в замечательной сказке Вениамина Каверина «Много хороших людей и один завистник».

[2] Queen (англ.) — королева.

[3] Royal (англ.) — королевский, царский, царственный, монарший.

[4] Выражение «от молодых ногтей» очень давнее и в современный язык пришло из древнерусской литературы. Встречается в памятнике литературы XII в. «Послание Никифора, митрополита Киевского, великому князю Вододимиру» («из млад ногтей очисти») и в «Повести от Ульянии Муромской» («от молодых ногтей Бога возлюби»). Смысл выражения раскрывает его версия, которую употребил И. А. Крылов в первой редакции своей басни «Старик и трое молодых» (1807): «К трудам от мягких я ногтей моих привык». По сути, другой вариант пресловутых «детских пяточек» от Никиты Михалкова.

[5] В данном случае — «игроков-соперников».

[6] Интересно, а сколько моих читателей знают наизусть «Отче наш»?

[7] Святой Патрик — небесный покровитель Ирландии. И, да — в хрестоматийном образе ирландца рыжий цвет волос обязателен.

[8] Петька-пара — персонаж великолепной книги пермского писателя Льва Давыдычева «Лелишна из третьего подъезда».

[9] «Партия и Ленин — близнецы-братья, кто более матери-истории ценен?» — строки из поэмы Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин», ставшие крылатой фразой.

[10] Выражение «взять деньгами» пошло от советских денежно-вещевых лотерей, где, в случае выигрыша, можно было забрать товар (часто дефицитный, вроде автомобиля), либо, если выигранный товар не нужен — «взять деньгами». Эта система породила множество анекдотов типа такого (извините за крепкое словцо, но в этом анекдоте без него никак не обойтись):

Муж с женой лежат в постели перед сном, муж держит в руках газету с результатами тиража и сверяет с лотерейными билетами.

— Что выиграл? — интересуется жена.

— Х*й! — отвечает расстроенный муж.

— Деньгами не бери! — мгновенно реагирует супруга.

***

— Митрич, так что ты задумал? — поинтересовался я, когда мы, вылезши из капсул, пили чай у себя в уголке.

— Да, шапожина, колись давай. — поддержала меня Семеновна. — Я же вижу, ты что-то задумал, у тебя даже в игре было очень хитрое выражение лица. Черепа.

Светлана промолчала, но внимательно посмотрела на нашего военного. Очень внимательно.

Митрич откашлялся:

— Тут такое дело... Они, понимаешь ли, подростки.

— Типа того, да, — подтвердил я.

— Вот! — почему-то обрадовался Митрич. — И ко мне новобранцами привозили считай что тех подростков. Дважды в год привозили, так что я с ними наобщался. И знаешь что я понял? Подростки — они очень специфичный контингент. Пугать их бесполезно. Они боятся только сверстников, а условных «взрослых» — совсем не боятся. Они в этом отношении еще дети, и у них детская установка — взрослый не может причинить мне физический вред, он же взрослый. Просить или уговаривать их тоже бесполезно — у этих недорослей мощнейший комплекс «меня не уважают и не принимают всерьез». Поэтому не дай тебе бог ничего у них просить! Если есть даже малейшая возможность самоутвердиться путем «захочу — казню, захочу — помилую», то он из тебя все кишки вымотает. Вот.

— Ты не тяни, ты дальше говори! — прикрикнула на него Семеновна.

— Ну смотрите сами. Как еще можно их уговорить тренироваться у нас? Подкупить? Даже не смешно. Остается только одно — удивить. Удивленный подросток теряет волю и его можно брать голыми руками. Вот завтра и будем их удивлять!

— А подробнее можно?

— Нельзя! — категорично ответил Митрич, шумно всосал остатки чая в кружке и спешно засобирался. — Так мне пора, завтра надо быть в форме. Да, еще! Митя, скажи мне как художник художнику — тебе в жизни драться приходилось?

— Даже не знаю, что тебе и сказать, — растерялся я. — Давно этим не занимался, а так... В школе считается?

— А как же!

— Ну там частенько было, у нас район пролетарский был, поэтому раз в неделю стабильно. В армии я, опять же, срочную честно отслужил, а там — сам знаешь... Потом 90-е. Дальше, конечно, чем дальше, тем реже, но случалось иногда. Особенно когда таксовал. В общем, я не большой любитель этого дела, но кое-какой опыт имелся. Все как у людей.

— Прекрасно! — Митрич был в очень хорошем настроении. Он раскланялся с нами и колобком выкатился в коридор.

— От ведь темнила! — Семеновна даже сплюнула в сердцах. — Чуштвую, завалит он нам вше. Там подроштки, с ними аккуратно надо, а он начнет орать, как у шебя в казарме привык — и все! Можно шразу попрощаться.

— Не, зря ты, Нин, — не согласился я. — Я ведь только когда отслужил, понял, что

армия — это не только дуболомство и строевая. Это очень древний институт, и традиции там весьма богатые, там очень многому поучиться стоит. Те же методики манипулирования людьми в армии столетиями шлифовались. А это отнюдь не только подчинение и подавление личности, хотя и это тоже. Просто подчинением всего не добьешься, и страхом в атаку людей не поднимешь. Взять ту же строевую подготовку — вроде кому она сегодня нужна? Наследство Средневековья, когда солдатам важно было уметь строй держать. Но на самом деле, когда в строю идешь, интервал-дистанцию держишь, ножку как все тянешь — такое чувство появляется... Его очень трудно словами передать. Это даже не коллективизм, не чувство команды...

Я задумался, как бы сформулировать.

— Ты как будто растворяешься. Как будто становишься частью какого-то большого животного, которое состоит из тебя и таких как ты. Эдакая гигантская сороконожка, которую вы все вместе создали, к жизни вызвали, и только вместе можете удержать. Стоит лишь чуть сбиться — она тут же рассыпается на кучу ваших «я». Но пока — ты просто балдеешь от силы, мощи и всемогущества этого существа. Коллективная магия призыва какая-то, по-другому не скажешь. А потом к людям, вместе с которыми ты этого монстра вызывал, совсем по-другому начинаешь относиться. Вроде бы все как было, но какая-то перегородка у вас внутри сломалась, какое-то чувство единства, общности появилось. И никакими другими способами подобного «чувства локтя» у человека не вызвать, словами это не объяснишь. В общем, методик всяческих там хватает и послужившие офицеры обычно ими очень неплохо владеют. Многие из методик, конечно, на специфические армейские условия завязаны, но и Митрич у нас не дурак. Придумает, как адаптировать.

— Митрич может, — кивнула Света, и даже вечно поносящая «сапога» Нина согласно промолчала. — Пошли спать, Сережа прав, завтра трудный день, выспаться надо.

***

Назавтра, когда мы пришли к капсулам, митричевская уже работала. На столике лежала записка, где аккуратным, чуть подрагивающим стариковским почерком было написано: «Пойду посмотрю, что там у них за полигон. Подтягивайтесь, координаты должны на почту прийти».

Координаты на почте и впрямь были, и, прихватив реализовавшегося в своей комнате Андрюшку, мы отправились на место. Но на месте нас ожидал сюрприз — несмотря на то, что встреча была назначена на половину десятого, а сейчас не было и девяти, все пятеро наших подопечных, уже слонялись по полигону, явно ожидая нас. Константина Сергеевича с ними не было. Не было и Митрича, который где-то шараялся.

— Ну наконец-то! — увидев нас, воскликнула Татьяна, — Сколько вас можно ждать?

Она быстрым шагом подошла к Цитамолу и встала перед ним, смерив его глазами.

— У нас к вам важное дело. Сегодня объявят о начале Турнира, но заводить пробные аккаунты можно уже сейчас. К сожалению, нам не дают это сделать, оказывается, для заведения аккаунта и выбора специализации необходимо разрешение прикрепленного тренера. Мой личный тренер, как выяснилось, вы, Сергей Дмитриевич. В вашем пульте управления нужно нажать кнопку «Да». Сделайте это, пожалуйста.

— Так, эта... Того... — засуетился Цитамол, смущенный оказанным ему вниманием.

— Ну, началось! Так я и думала! — прямо истекая презрением, отчеканила претендентка. — Решили нас подоить? Господи, где же вас таких только нашли? И во сколько же вы оцениваете этот, несомненно, очень тяжелый труд? Зарываться не советуем,

думаю, вас уже просветили что денег у меня сейчас немного. Но на опохмелку вам хватит.

— Ну... Это... — мямлил Цитамол, явно не зная, что сказать.

Старшеклассница прожигала его своими синими глазами, и скелет совсем засмутился. Он открывал и закрывал рот, наконец, он не выдержал, и ляпнул:

— Валенки!

— Что — «валенки»? — опешила принцесса.

— Что такое валенки? Часть древнего латного доспеха? Да? — Цитамол смотрел на юную диву почти торжествующе. Мы едва сдерживали смех.

— Я... Я не понимаю вас. — наконец выдавила из себя Татьяна.

— Девушка, отстаньте вы от божьего создания. Это моб[1]. А ваш тренер — это я.

Все присутствующие дружно грохнули, а громче всех — конечно же, подростки, включая Андрюшку.

К нам подходил Митрич. Он был почти великолепен — в кожаном костюме с бахромой, кожаных же мокасинах, с луком за плечами и в заливчатски сдвинутой на костяной затылок широкополой шляпе. Как обычно, Товарищ капитан жевал травинку-колосок, гоняя ее по всему своему великолепному оскалу.

— А я, грешным делом, принял вчера ваше «А какая разница?» за шутку. Кто же знал, что вы всерьез. Осмелюсь дать совет — если вы начнете запоминать ники, вы избежите подобных конфузов.

Претендентка в королевы стояла красная как рак, и с ненавистью смотрела не на Митрича даже, а на покатывающуюся со смеху Слынько. Я понял, что вот-вот и девушку закоротит, и тогда раздастся взрыв. Ситуацию, сам того не ведая, разрядил Цитамол:

— Мбвана, что она хотела? — поинтересовался он у меня.

— Мбвана[2]?! — фыркнула гордячка, и отчеканила презрительно, — Вы еще и расисты!

— Я тебе потом объясню, — пообещал я скелетону.

— Ладно, это все прекрасно, но давайте к делу. Девушка, вы что-то хотели?

— Да! Пожалуйста, дайте санкцию на заведение тестового аккаунта и воинской специализации. Сразу предупреждаю — денег много не дам! — выпускница хорошо умела держать удар и уже почти оправилась от смущения.

— Гусары денег не берут![3] — мгновенно отбрил Митрич, и, повернувшись к остальным, поинтересовался, — А вы, молодые люди, как я понимаю, здесь по этому же вопросу?

Молодые люди нестройным «ага» и кивками подтвердили его предположение.

— Прекрасно! — кивнул Митрич, и, обращаясь уже к нам, добавил, — Ну что, господа тренерский штаб, думаю, разрешение на заведение игрового аккаунта мы можем дать без проблем. Нажмите, пожалуйста, кнопочки, как нас просили.

Мы все выдали своим питомцам разрешение. Мне, кстати, достался Петька-пара. Татьяна, как я понял, у Митрича. Интересно, а из оставшихся кто к кому попал?

Когда у студентов над головой появились уже известные нам клички с пометкой «0 уровень», неугомонная Татьяна немедленно поинтересовалась:

— А специализацию?

— А вот с этим давайте подождем, барышня, тем более, ее не обязательно выбирать сразу, — сказал Митрич спокойно, но твердо. — Мы вас послушали, послушайте теперь нас.

Он вышел вперед, встав так, чтобы его всем было видно.

— Я прекрасно понимаю, что вы считаете нас бесполезными старыми дураками, которых прислали сюда, чтобы унижить вас и посмеяться над вами. В какой-то степени это так и есть — мы действительно немолоды, у нас небольшой опыт игры в «Альтернативный мир» и назначили нас к вам именно с этой целью. Поэтому нам понятна ваша точка зрения.

Теперь послушайте, пожалуйста, нашу. С нашей точки зрения вы — еще более бесполезные юные идиоты, которых на начинающемся Турнире проще всего пристрелить из жалости. Потому что вы ничего не умеете, вы вообще пока никто и звать вас никак.

Школьники недовольно зароптали.

— А что вам не нравится? — удивился Митрич, — По-моему, это очевидно. Вот вы, молодой человек!

Он ткнул костяным пальцем в Петьку-пару.

— Сколько вам лет?

— Шестнадцать.

— Какой у вас рост?

— Метр восемьдесят девять.

— Вес?

— Сто двенадцать килограмм.

— Как у вас со здоровьем?

— Да не жалуюсь. — Петька широко улыбнулся.

— Прекрасно. Прощу на ринг! — и Митрич показал на самый настоящий боксерский ринг. — Раздевайся до трусов. Перчатки только надевать не надо, пусть будет обычная драка, ощущения на ринге я выставил на 50 %. То есть будет больновато, но с 50 %-ной скидкой, и забить до смерти включенная система не даст, выбросит на 5 %. А пострадавших Нина Семеновна потом отлечит, если что.

Тут в разговор вмешалась вторая принцесса, Ольга:

— Вы, похоже, из тех людей, которые любой вопрос предпочитают решать не словами, а кулаками. Напоминаю на всякий случай, — у нас нулевой уровень.

— Во-первых, на Турнире многие вопросы вам придется решать именно что с помощью насилия. Во-вторых, наш боец тоже будет нулевого уровня. Митя... — он посмотрел на меня.

Я кивнул и пошел к рингу. А пока я шел и раздевался, Митрич пояснял:

— Как вы видите, Дмитрий Валентинович на голову ниже и вдвое легче. Драться они будут в трусах, поэтому никаких плюсов от одежды не будет. И пусть «Альт» уравнивает всех людей в самочувствии, Валентынычу, как вы помните, изрядно за семьдесят, а физические параметры сюда переносятся от реального тела. Поэтому у нашего бойца много ниже сила и ловкость, а выносливость будет уменьшаться вдвое быстрее. А теперь посмотрим, что из этого получится. Готовы?

И после нашего «да» Митрич дал гонг.

Драка получилась очень короткой. Мой будущий ученик ринулся на меня неудержимым паровозом, как какой-нибудь японский ёкодзуна[4]. Набрав огромную инерцию, он, похоже, рассчитывал расплющить меня о канаты, но я ему этого сделать не дал. Собственно, он все сделал сам, мне оставалось только отступить в сторону и подставить подножку.

Пара плюхнулся об пол гигантской медузой, разом выбив из себя почти треть хитов. Остальные выбил я — оседлав противника и активно охаживая его кулаками по почкам. Причем все это время Пара позорно кричал «Больно!» и визжал закалываемым подсвинком. Когда он забрался в вершины, близкие к ультразвуку, Митрич не выдержал, и объявил:

«Брейк! [5]».

Все три девушки смотрели на Петьку с плохо скрываемым презрением, и только Плюха казался невозмутимым, лишь взгляд его близко посаженных глаз методично фиксировал все происходящее, перепрыгивая с одного участника действия на другого.

Это презрение не осталось незамеченным Митричем:

— А что вы так на него смотрите? Вы думаете — вы лучше? Я же вам говорил — пока вы представляете собой полностью бесполезный балласт. Отойдем-ка метров на сто в сторону, там арена для групповых схваток.

Пока мы шли, Митрич объяснял условия предстоящего поединка:

— Биться будете пятеро на одного на мечах. Арена тренировочная, поэтому она автоматически уравнивает противников в уровнях, то есть, в нашем случае, пересчитает все параметры Андрея на нулевой уровень. Понятно?

— Понятно.

Это был еще больший позор, чем моя драка с Петькой-парой. Схватка заняла ровно минуту. Студенты перли буром, толкались и мешали друг другу. Андрюшка танцевал с мечом между ними, но никого не трогал, а лишь уклонялся от ударов. Все это время он давал громкий обратный счет от шестидесяти: «Двадцать! Деятнадцать! Восемнадцать!». Когда он дошел до цифры «пять», меч сверкнул в воздухе серебристой молнией и Плюха упал на пол. Ван-шот! Четыре — и сложился Петька-пара. Девушки попытались встать спина к спине, но не успели. Три — И Патрик валится на пол кучей тряпья. Два — и Квин смотрит в небо пустыми глазами. А Ро бывший Рукожоп уложил красивым круговым ударом на цифру «один».

Ноль! И Андрюшка, кинув меч в ножны, поклонился нам.

Митрич, перегрузив арену, воскресил всех участников схватки, и спросил тихо:

— Кто понял, в чем ваша главная ошибка?

— Мы вас недооценили, — неожиданно подал голос Плюха.

— И это тоже, но главное не в этом. Вы плохо распорядились имеющимися активами. Да, мы изрядно уступаем в мастерстве профессиональным тренерам, но мы во многом превосходим вас. И даже если бы мы были теми чмошниками, какими нас показал вам директор, все равно можно было бы найти, как нас использовать. Любой человек хоть в чем-то, но превосходит вас, даже самый никчемный. Особенно — если человек вас намного старше. Мы уже говорили это Андрюшке, и вам повторю — время это тоже капитал. Митя не супербоец, он просто жил впятеро дольше и за эти годы набрался опыта в драках, которого у вас нет. У нас просто было больше времени выучить тот или иной навык, которым мы можем обучить вас.

Понятно?

— Понятно, — Татьяна насупилась.

— Мир? — Митрич опять улыбнулся — раззявил свой зубастый рот — и протянул ей руку.

— Мир! — последовало ответное рукопожатие.

— Все согласны? — Митрич обвел глазами юный контингент. Недовольных не оказалось. — Тогда пошли в главный корпус, там через 15 минут будут задание первого тура объявлять.

[1] Митрич не совсем точен. Моб — это любой движущийся объект в игре (собственно, потому и моб, от английского mobile), в том числе и сами игроки. Но да, обычно мобами

называют монстров — враждебных игроку сгенерированных компьютером существ.

[2] Оказывается, я до сих пор не объяснил это слово. «Мбвана» — это просто «господин» на суахили. Традиционное обращение негров к белым людям, которое часто встречается, например, в африканских рассказах Хемингуэя. В 60-е, во времена бешеной популярности Хемингуэя в СССР, слово стало очень популярным. По сути, африканский эквивалент термина «сахиб» в британской Индии.

[3] Финальная фраза из анекдота про поручика Ржевского, уходящего от проститутки.

[4] Ёкодзуна — высший титул в японской борьбе сумо. Это той, где борются толстые мужики с голыми задницами.

[5] Брейк (от англ. break — «перерыв, пауза») в боксе команда рефери, предписывающая соперникам временно приостановить борьбу и отойти друг от друга.

***

Торжественное открытие Турнира происходило во внутреннем дворе замка. Весь замок был иллюстрирован[1], из окон свисали разноцветные штандарты, по подоконникам и карнизам бегали какие-то странные мелкие существа, которые, останавливаясь, выпускали в воздух то гирлянду мыльных пузырей, то очередь из разноцветных красок для праздника «холи», а то и небольшой фейерверк.

Во дворе тусовалась масса народу. Некоторые, накрывавшие столы и подтаскивающие подносы с тарталетками и фруктами, явно были на работе. Другие столь же явственно настроились на отдых. Это были юные выпускники в форменных костюмах; любовно разглядывающие их взрослые, явные родители; и подчеркнуто безразличные взрослые спортивного телосложения — похоже, тренеры. Все было как и положено на подобных мероприятиях — собравшиеся группки знакомых лениво болтали не о чем, большинство народа, сучая, слонялись из угла в угол в ожидании команды «К столу!».

— О, а вот и мои! — Петька-Пара разулыбался во весь рот и отошел к не менее улыбчивой паре. Его родители были живой иллюстрацией расхожего тезиса, что пары, прожившие вместе более 25 лет, неизбежно становятся похожими друг на друга. И впрямь — оба невысокие (рослый Петька был выше их на полголовы), оба толстенькие, оба в очках, и даже улыбка у них была почти неотличимой — доброй и немного покровительственной. Прямо плюшевые винни-пухи какие-то, и только жесткий и давящий взгляд отца, брошенный в нашу сторону, продемонстрировал, что с этим «пряничным человечком» ухо следует держать остро.

Наши подопечные откальвались от группы один за другим. Вот Плюха отошел к молодой и красивой, но немного крикливо одетой женщине. Зато мать Ольги, наоборот, была образцом вкуса и стиля, но взглядом, которым она посмотрела на нас, можно было травить тараканов. А вот Татьяна меня удивила. Ее встречали оба родителя, причем отец выглядел прокаженным в буквальном смысле слова — никто в собравшейся толпе не рискнул подойти к нему ближе, чем на полтора метра.

— Это мои! — зачем-то пояснила принцесса, и неожиданно добавила, — Пойдемте, познакомлю.

Мысленно пожав плечами, я двинулся следом за бунтаркой.

— Это мои родители, Людмила Сергеевна и Владислав Алексеевич. А это наши тренеры: Светлана Сергеевна, Нина Семеновна, Дмитрий Валентинович, Сергей Дмитриевич и Андрей.

— Очень приятно — улыбка у Людмилы Сергеевны была очень милой, хотя взгляд — каким-то затравленным. Прокаженный папа ни с какими заверениями выступать не стал, а только молча кивнул.

Сергеевна улыбнулась в ответ и непринужденно завела какую-то светскую беседу. Ну да, бывшему директору комбината не привыкать к подобным тусовкам. А вот я, да и Семеновна с Митричем, явно чувствовали себя не в своей тарелке. Андрюшка же, похоже, всерьез собирался убежать.

В общем, пока директорша о чем-то мило болтала с опальными родителями, мы потихоньку отошли в сторону. Патрик, кстати, отошла вместе с нами, и стоило мне вопросительно взглянуть на нее, как девушка с вызовом выкрикнула:

— Да, моей мамы не будет! У нее нет аккаунта в «Альтернативном мире». И что?

— Да господь с тобой, деванька! — и дурно воспитанная Семеновна красноречиво покрутила пальцем у виска, — Не будет, так не будет, нам-то что? Моей мамы тоже не будет, и...? Ты это, знаешь ли, заканчивай. Мы тебе не твои одноклассники-мажоры, мы, слава богу, нормальные люди, нам плевать, у кого сколько денег, был бы человек хороший.

Продолжить объяснения о преимуществах жизни нищевродов помешали размеренные удары в колокол. Это били часы на донжоне замка. После того, как часы отбили полдень, громадные двери замка открылись и изнутри выплыла круглая платформа, сделанная в виде огромной черепахи, раскрашенной в фирменные цвета колледжа. На спине у черепахи была установлена трибуна, за которой стоял директор, приодевшийся по случаю праздника в фирменную мантию.

Черепаха плыла в воздухе, загребая широкими лапами. Когда она проплывала над нами, я увидел, как зверь косил лиловым глазом, и понял, что ошибался — это была не сделанная платформа, а живой огромный моб.

Черепаха сделал круг над собравшимися и зависла в воздухе метрах в пяти над землей.

— Дорогие друзья! — начал директор торжественную речь, — мне очень приятно видеть вас на нашем празднике! Сегодня у нас большой день — сегодня начинается пятый, юбилейный Турнир! Как вы помните, каждый выпускной Турнир в Колледже Молодых львов уникален. Слово «уникальность» в последние годы используют настолько часто, что оно уже практически потеряло свое изначальное значение. Но когда я говорю — «уникален», я имею в виду уникальность в прямом смысле этого слова. Благодаря нашим уважаемым спонсорам (по периметру панциря черепахи цепочкой пошли изображения логотипов вложившихся в колледж компаний), специально для Турнира лучшими специалистами компании «Альтернативный мир» были написаны новые, никогда не использованные ранее локации. И я говорю нашим выпускникам — вы станете первооткрывателями этого мира! Вы первыми ступите на его территорию! Вы будете первыми!

Тут директор еще более возвысил голос, и принялся практически орать:

Вы будете первыми! — повторяю я, потому что эти слова, лучше чем какие-либо другие, характеризуют наших выпускников. Выпускники Колледжа Молодых львов всегда были и будут первыми, и ныне, и присно и во веки веков!

— Фига себе его по пафосу прибило! — не удержался Митрич. А директор меж тем продолжал орать:

— Именно вам вскоре предстоит решать судьбы страны и мира. Именно вам сейчас придется доказать всем, что вы лучший выпускник лучшего колледжа России!

И хотя это и казалось невозможным, Владимир Иванович принялся орать еще громче:

— Я! Объявляю! Пятый! Выпускной! Турнир! Колледжа! Молодых! Львов ОТКРЫТЫМ!!!

Все вежливо захлопали.

Директор немного сдулся, как воздушный шарик, и продолжил уже нормальным голосом:

— В этом году в правила Турнира введено очень важное новшество, и именно поэтому он получил название Турнира Трех жизней! У каждого участника турнира будет только три

жизни. Я обращаюсь к участникам, необходимо чтобы вы это поняли — это правило действует как в открываемых локациях, так и на территории колледжа! Любой из вас с этой минуты живет свою первую жизнь. И если вы потеряете эту жизнь — на тренировке, при выполнении задания, вследствие несчастного случая, ползете на крышу и поскользнетесь — вы уйдете на перерождение, и возродитесь в своей личной комнате в колледже. После этого вы начнете жить свою вторую жизнь, а третья будет последней. Упреждая возникающий вопрос — да, Турнир уже начался! Если после фуршета на выходе из замка установленный кем-то за дверью арбалет всадит вам болт в живот и вы отправитесь на перерождение — такой поступок будет считаться действием в пределах правил. Но если за секунду до гибели вы заметите с той стороны арбалета своего одноклассника, нажимающего на спуск — ваш одноклассник будет снят с турнира. То есть — убивать можно, попадаться нельзя! Имейте это в виду.

Если кто-то из команды потратит все свои три жизни, он выбывает из турнира, но команда может продолжать свои выступления без него, пока в ней остается хотя бы один участник. И если этот участник победит, титул победителей турнира получают все пять участников, в том числе и выбывшие до срока.

Если все участники турнира будут выбиты до его окончания, титул победителей получит последний из оставшихся в живых.

Во всем остальном правила стандартные. Команды состоят из пяти выпускников каждая. Распределение специализаций внутри команды не оговаривается. Хотите выставить четырех танков и одного хила — никто вам и слова не скажет, разве что пальцем у виска покрутят.

Народ захихикал. Директор приободрился.

— Чтобы уравнивать шансы, на начальном этапе можно использовать только стандартное вооружение и защиту, которое будет выдано вам на складе в любой момент в соответствии с объявленной вами специализацией. Смена специализации невозможна. Если вы получили снаряжение мага, а завтра прибежали — нет, я хочу быть танком! — вас оставят с жезлом и в робе. Донат на турнире запрещен, участники не могут покупать вещи с улучшенными характеристиками за реальные деньги. Однако разрешены к использованию вещи и предметы, выбитые из мобов, извлеченные из кладов, либо изготовленные собственноручно в процессе тренировок и выполнения заданий. Тренироваться можно как в колледже, так и в тех самых специально созданных локациях. Портал в первую из них был включен с началом турнира на заднем дворе колледжа рядом с футбольным полем. Вещи и предметы, как вы сами понимаете, можно выбить только в этих локациях, в самом колледже ничего падать не будет, здесь и мобов-то нет! — закончил фразу директор под общий смех.

Пользуясь паузой, я огляделся по сторонам. Слушали директора очень внимательно, особенно тренеры. Похоже, условия Турнира и впрямь были тайной для всех участников до его начала. А директор меж тем продолжал:

— Хотя нет, мне тут подсказывают, если кто-то тайно убьет другого участника турнира на территории колледжа и облутает его тело — у него будет шанс выбить что-то полезное. Еще один важный момент. При подготовке на территории колледжа тренеры сохраняют все свои характеристики, в общем, все будет как сейчас. Тренеры могут сопровождать свои группы в локации, но там их аккаунт автоматически превращается в рабочий, с нулевыми параметрами по всем характеристикам, кроме ремесла. В общем, выбить, как вы говорите, убер-плюшку, тренеры вам не помогут при всем желании. И опять таки важный момент —

тренеры могут сопровождать группу только в режиме тренировок. Во время выполнения заданий, — а их будет, как вы помните, четыре, — в локацию не сможет пройти никто, кроме членов команды. Но для оставшихся здесь тренеров будет организована прямая трансляция. Чтобы они, как говорится, могли потом разобрать со своими подопечными все совершенные командой ошибки.

Еще по поводу выбитых с мобов вещей с улучшенными характеристиками. Да, их обмен и продажа разрешены, но только через аукцион, который начал свою работу с началом Турнира.

Ну что — пожалуй, что и все? Мне осталось только объявить первое задание, которое вы все должны будете выполнить ровно через неделю, в следующий понедельник.

Хотя нет, мне тут опять подсказывают. Этот турнир его разработчики, компания «Альтернативный мир», сделали тематическим. Но тема турнира не раскрывается. И если кто догадается, какая тема является общей для всего того, что будет происходить во время турнира, тот получит преимущество перед остальными участниками турнира. Разработчики даже специально подчеркнули — «значительное преимущество!», именно так они и сказали.

Ну а теперь... — директор сделал мхатовскую паузу — я объявляю тему первого задания из четырех. Это задание будет довольно традиционным, но от этого не менее сложным. На первой неделе вам предстоит создать сыгранную команду, а по итогу пройти этой командой масштабируемый данж! Подземелье будет непростым, и команды, которым не удастся его пройти, закончат свое участие в турнире.

Ну, а теперь — директор широко улыбнулся, — любимые наши выпускники, дорогие гости, уважаемые тренеры — прошу к столу!!!

Столы с яствами вспыхнули всеми цветами радуги, заиграла негромкая музыка, и первые выпускники, тренеры и родители, оживленно обсуждая объявленные условия, направились к столам, как вдруг произошло неожиданное.

Черепаша, на которой стояла трибуна с выступающим директором, вдруг вытянула шею и, как мне показалось, принялась. Потом она суматошно заработала лапами, и, быстро набирая скорость, полетела к столам.

— Пе-е-ерсики! — высоким голосом проблеяла она. Мне показалось, что я ослышался, но блеяние повторилось, — Мои пе-е-е-е-ерсики!!!

Черепаша неслась в направлении столов все с большей скоростью, при этом довольно быстро снижалась. Перепуганный директор что-то кричал в микрофон, но тот не работал, и его никто не слышал. Хлынувшая было к столам толпа остановилась неподалеку, с любопытством наблюдая за черепахой. И тут она преподнесла второй сюрприз: с криком «Мои пе-е-ерсики! Мои!!!», черепаха завернула крутой вираж и приземлилась прямо в центр собравшейся толпы. Причем на месте не осталась, а заскользила над землей как на глассере, безжалостно давя всех, кому не повезло оказаться у нее на пути.

Началась паника. Женщины дико визжали, люди бросились врассыпную, давя друг друга, а какой-то ловкий официант, бросив поднос, бежал прямо по столам, уходя из-под удара. Уйти ему не удалось. Когда черепаха погасила инерцию и остановилась, оставив за собой кровавый в прямом смысле слова след, она посмотрела на разбегающихся людей маленькими злыми глазками. После чего, выдохнув еще раз: «Мои!!!», она выдохнула из пасти пламя и принялась по широкой дуге поливать огнем пространство перед собой.

Крики сжигаемых заживо людей усилились многократно. В это время почему-то включился микрофон и пространство заполнил какой-то животный визг директора,

который, как выяснилось, был еще жив и — более того, — так и стоял на спине черепахи, вцепившись в трибуну. А еще через секунду «на громкую» включились чьи-то переговоры:

— Мать твою, что с мобом?!

— А я знаю?! Агро зашкаливает, на команды не реагирует! Безопасники где? Ты понимаешь, что нас завтра через задницу наизнанку вывернут?

— Да бегут твои безопасники, бегут уже, не пыли ты!

Работники службы безопасности действительно прибежали меньше чем через минуту, но помощь их уже не особо и требовалась. Черепаха, несмотря на всю свою мощь, была очень медлительной, и после страшного первого удара уже мало что смогла сделать. Выжившие родители с детьми быстро разбежались, а тренеры среагировали быстро. Многие из них и не таких монстров валили, поэтому не прошло и тридцати секунд, а мгновенно переодевшиеся в броню бывалые бойцы уже садили по ней молниями, стрелами и шестоперами.

Нам повезло — мы оказались в стороне от места приземления черепахи, но я, честно говоря, не потерял лицо чудом. Я все-таки человек сугубо мирный и к подобным неожиданностям непривычный. Поэтому после первого удара я совсем было уже собрался мчаться куда-нибудь с выпученными глазами и с криком «Мама родная, да что же такое делается, живых людей убивают!». Но Митрич мгновенно толкнул в мои объятия Аглаю-Патрика, я инстинктивно схватил девчонку за плечи. А наш вояка уже орал:

— Митя, уводи девчонку, Андрюха, за мной, Семеновна, наших малых ищи, если кого-то не до смерти — постарайся вытащить! Это, блин, кто-то из финалистов у соперников жизни обнуляет, зуб даю!

Я и глазом не успел моргнуть, как он большими прыжками умчался по направлению к черепахе, на ходу инструктируя «сына полка»:

— В ближний бой не лезь, босс не на наш уровень, заклинаниями издалека долби.

Семеновна, охнув, тоже куда-то исчезла, а я, опомнившись, за руку потащил Патрика за угол кирпичной замковой стены.

Минут через пятнадцать все более-менее успокоилось. Черепаху обнулили, лута из нее, кстати, никакого не выпало, да и очков отсыпали не сказать, чтобы щедро. Митрич расстроился и бурчал, что он не нанимался всяких гадов кончать за «спасибо». Хотя, конечно, что он, что Андрюшка, что Сергеевна, которая тоже успела покидать в черепаху файрболлы, по уровням и наносимому урону и близко не стояли рядом со своими соратниками в этом нечаянном бою.

Пострадавшие тоже перестали голосить — кто отреспился, кто разлогинился, оставшихся быстро отлечили лекари, которых среди тренеров хватало. Но в целом — праздник был безнадежно испорчен. Народ активно ругался, а кое-кто и откровенно матерился, чья-то экзальтированная мама уже минут десять кричала в лицо пойманному ей директору что-то про «теракт», «как допустили» и «да вы знаете, с кем вам придется объясняться». Директор экзекуцию сносил со смирением, но его выражением лица можно было бы не боясь квасить кислую капусту.

Наша команда отделалась сравнительно легко — на респаун улетела только Ольга-Квин. Петька и Ро находились довольно далеко от места происшествия, и не пострадали, а Плюху вытащила Семеновна. Наш экономист вместе с мамой попал под огонь «огнемета», получил при этом кучу дебафов, и когда Семеновна его нашла, находился в красном секторе. Здоровья у него осталось всего 13 %, и эта цифра с каждой секундой уменьшалась. Слава

богу, мозги оказались не задеты и нажимать кнопку «Выход», что наверняка привело бы к перерождению, Тарас не спешил. А может быть, свою роль сыграла знаменитая жадность Плюшкина, которая не позволила ему потерять одну жизнь, раз их всего три дали. Так или иначе, но Семеновне поначалу удалось только приостановить темпы падения здоровья — низкий уровень лекарственных способностей не позволял ей снять львиную долю дебафов. Так они и проводили время — она его безостановочно отлечивала, а он безостановочно матерился на русском, английском, арабском и панджаби[2].

На счастье Тарасика, мимо пробежал кто-то из прокаченных лекарей-тренеров. Поглядев на эту странную парочку, он мгновенно снял все дебафы, и со словами «Ну, отлечить ты и сама сможешь» помчался дальше.

Сейчас все наше воинство собралось в кучу и Татьяна, традиционно ответственная за общение со взрослыми, поинтересовалась:

— Сергей Дмитриевич, скажите только — что у нас по плану на завтра?

— Что значит «на завтра»?! — возмутился Митрич.

Уважаемые читатели, у меня к вам предложение. Сценарий турнира и впрямь прописан по мотивам одной общей темы. Кто догадается, какая тема является общей для всего того, что будет происходить во время турнира, тот получит от меня приз. Догадки можно высказывать прямо в комментариях. Понятно, что сейчас слишком рано строить какие-либо догадки, но на будущее — имейте в виду.

[1] Ошибка: автор хотел написать «иллюминирован».

[2] Панджаби — самый распространенный язык в Пакистане. Хотя он и не является официальным (официальными языками в стране являются урду и английский), тем не менее, панджаби является родным языком для почти 45 % населения страны.

— Что значит «на завтра»?! — возмутился Митрич. — А сегодня что? День только начался.

Наши подопечные переглянулись.

— Ну, мы думали, — все-таки стресс, нам надо прийти в себя, особенно Ольге с Тарасом. Не каждый день такие громкие террористические акты случаются, — неуверенно начала объяснять Татьяна, но ее перебили самым беспардонным образом. Ольга только что явилась с перерождения, потеряв одну жизнь из трех, и по этому поводу пребывала в самой натуральной ярости. И, похоже, только искала, на ком бы ее сорвать.

— За себя говори, овца! — громко отчеканила Слынько. — Если ты со страху обделалась, не факт, что все остальные такие же. Стресс у нее, видите ли! Овца.

Татьяна мгновенно стала красной, как свекла, и в ответ не то чтобы сказала — скорее зашипела:

— За словами следи, кошка драная. А то ведь допросишься, я тебе объясню однажды. Так объясню, что навсегда запомнишь.

— Ой, блин, страшно как! — продолжала наезжать Ольга. — Ну давай, объясняй! Что ж ты только обещаешь всегда? Давай, чего ждать? Все равно всем сейчас не до этого, никто и внимания не обратит! Ну что же ты?

И она, став в боевую стойку и отведя назад ногу, сделала приглашающий жест.

Татьяна застыла в неуверенности.

— И правда, что же ты? — вдруг неожиданно сказал Митрич. — Сколько можно уже из-за угла друг на друга шипеть и пакости исподтишка делать? Турнир начался, драки вам только что разрешили. Лучшего момента не будет, разберитесь уже раз и навсегда. Или, по крайней мере, хотя бы злость выпустите. Давай, пошла!

Последняя фраза прозвучала командой, и Татьяна распрямившейся пружиной прыгнула вперед. Ольга попыталась встретить ее ударом ноги, и даже попала, но принцесса не обратила на это ни малейшего внимания. Похоже, многолетняя ненависть, действительно, прорвалась, найдя выход. Татьяна, к моему удивлению, не стала бить соперницу — прорвавшись, она просто двумя руками схватила Ольгу за шею, и сдавила ее.

— Вот и все, дрянь! — страшным голосом прошипела она. — Доигралась ты. Сейчас с тебя и вторая жизнь спишется. Допросилась ты, Оленька, кушай теперь.

Ольга обрушила на соперницу град ударов. Она беспорядочно молотила Татьяну руками и ногами, но та не обращала на это ни малейшего внимания. Принцесса даже не делала никаких попыток уклониться — она стоически встречала все прилетающие удары, и лишь все сильнее стискивала шею. Вскоре в глазах Ольги вспыхнула паника — она поняла, что ее тактика оказалась проигрышной. У нее началось удушье, и полоска здоровья поползла в оранжевую зону, постепенно ускоряясь. Она еще больше запаниковала, и начала беспорядочно дергаться, пытаясь освободиться. Но Татьяна была к этому готова — она изо всех сил дожимала соперницу, бультерьером вцепившись той в шею.

— Да не дергайся ты без толку! Думай, дура, думай! — неожиданно встрял с репликой Митрич.

Как ни странно, это подействовало. Ольга замерла на мгновение, а потом вдруг побабьи вцепилась сопернице в волосы, и потянула ее на себя, падая на спину. Татьяне ничего не оставалось, как упасть на нее, вот только к тому моменту Ольга уже успела упереться ей в живот коленками. Руки всегда проигрывают в силе ногам — и не прошло и пяти секунд, как Татьяна убедилась в истинности этой сентенции. Ольга буквально отбросила ее ногами от себя, сорвав руки с шеи. Миг — и обе принцессы уже на ногах, кружат, пожирая взглядом друг друга. Злобы во взглядах меньше не стало, но вот безоглядного желания броситься в схватку больше не было, готовность прямо сейчас уничтожить соперницу исчезла. Обе обожглись, обе в глубине души понимали, что недооценили соперницу, поэтому обе осторожничали.

— Ну, хватит! — не выдержала Светлана. — Заканчивайте свои бои в грязи, сделайте милость.

— Ага, щас! — по-прежнему пожирая глазами Татьяну, кровожадно ответила Ольга. — Сейчас, только ее жизни со своими уравнию — и закончу!

— Ты и впрямь дура, что ли? — вступила в разговор грубая Семеновна. — Ты чем условия слушала? Даже если ты ее действительно убьешь — у нее одна жизнь из трех снимется, а вот ты турниру ручкой насовсем помашешь.

Возразить на эту абсолютно резонную реплику было нечего, и степень кровожадности обеих соперниц резко рухнула.

— Блин, точно! — Ольга, забыв про соперницу, повернулась к Семеновне. — Блин, как же я затупила! Надо было дать ей меня задушить — сегодня и попрощались бы уже навсегда.

— Да для тебя тупить — нормальное состояние! — огрызнулась Татьяна, также опуская руки.

Драка закончилась сама собой.

— Ну что, — подытожил Митрич, — Драться вы обе не умеете даже на двойку, но вот голова у вас, слава богу, в драке периодически включается, поэтому обеим троечку поставлю. Драка — это не кто сильнее ударит, запомните раз и навсегда. Драка — это кто кого передумает.

— Так вы что, — первой догадалась Ольга, — специально нас стравили? Как собак?

— А что такого? — не стал отнекиваться Митрич. — Во-первых, вас и травить-то не требовалось, сами друг на друга кинулись, как только я подсказал, что уже можно. Во-вторых, вам действительно пора было немного пар стравить, а то вы такую глубокую личную неприязнь испытывали к потерпевшему[1], что это мешало бы тренировкам...

— К какому еще потерпевшему? — поинтересовалась Патрик.

— Неважно! — отмахнулся Митрич, — Ну а в третьих, нам надо специализации в команде раскидать, а для этого мне надо знать, кто из вас на что способен. Но здесь еще разбираться и разбираться.

— В смысле?! — не поняла Татьяна, — Мы давно уже все распределили. Мы с этой овцой (она небрежно кивнула в сторону Ольги) будем дамагерами-дистанционниками. Я лучницей, а она магиней быть хочет, будет огненными шарами швыряться. Петька самый здоровый, его в броню обряжаем и танковать ставим. Плюха дохлик и воевать не рвется, поэтому его в хилы. Ну а рыжая пусть кем хочет, тем и будет. Хочет — бафером, хочет, пусть тоже дамажит, мне без разницы.

Андрюха не сдержался и громко хмыкнул, получив в ответ гневный взгляд Ро.

— Ну что — нормальный расклад, — степенно кивнул Митрич. — Все с ним согласны?

Ольга подтверждающе дакнула, Петька жизнерадостно закивал, уже явно представляя себя с головы до ног закованным в адамантиевую броню, Патрик ограничился легким кивком, и только Тарас остался невозмутимым, никак не отреагировав на вопрос.

— Тогда у меня только один вопрос — продолжил Митрич. — А рейд-лидером у вас кто будет? Кто в бою команды будет раздавать?

— Ну... — Татьяна заметно смутилась. — Мы этот вопрос еще не обсуждали. Обсудим и выберем.

— Ага! — жизнерадостно кивнул Митрич, — Бабу-ягу выберем прямым тайным голосованием. А если из выбранного командир будет как из говна пуля? Если выбранный окажется бездарностью хуже Петросяна?

— Кого? — опять поинтересовалась Патрик.

— Да неважно, — опять отмахнулся Митрич, и продолжил добивать королевишну. — А если не только с командиром, но и с танком промажете и танк из Петьки, к примеру, окажется не танком, а велосипедом? Вдруг он боль терпеть не может? Вы вообще чем условия слушали? Смена специализации зап-ре-ще-на! Заявили Петьку танком — значит, танковать ему ко конца турнира. Впрочем, с таким подходом он для вас не затянется.

— А как надо? — вдруг подал голос Тарасик, которого, казалось все происходящее нимало не интересовало.

— А ты бы как сделал? — ответил Митрич вопросом на вопрос.

Прижимистый финансист пренебрежительно хмыкнул:

— Ну, собственно, вы уже настолько прозрачно намекнули, что ответ уже и дебилу по силам. Наверное, надо загнать нас на тренажеры, и заставить каждого действовать в различных боевых обстоятельствах. Посмотреть — у кого к чему склонности и только потом в зависимости от сделанных выводов распределять роли.

— Именно так — кивнул Митрич. — Только после этого я вас еще раз эдак десять в тестовое прохождение данжа отправил бы, и только после этого окончательно распределил роли. Слишком уж высока цена ошибки.

— Тут, типа, еще один вопрос есть — вдруг встрял в разговор Андрюшка — о распределении ролей. Тут, типа, такая специализация: танк, хил, два дамагера и бафер или еще один дамагер. Так?

— Так! — подтвердила Татьяна, оперевшись взглядом в Андрюшку. — А что не так?

— Не нет, нормально все, — наш «сын полка» неожиданно покраснел. — Чисто классический расклад. Только здесь он не годится типа. Слишком жесткий.

— В смысле? — к разговору подключилась Ольга. — Что значит «жесткий»?

— Ну я, типа, про правило «трех жизней» — было заметно, что наш воспитанник дико стесняется, оказавшись в центре внимания таких красавиц. — Кароч, я не хочу накаркать, но до финала вы доживете не все. Полюбасу. Три жизни — это капец как мало. А если у вас хил ластами щелкнет? Или танк? Что тогда делать будете — лукаря танковать ставить?

— А какие варианты? — реплики рыжей сегодня, похоже, будут ограничиваться только вопросами.

— Ну эта... — замялся Андрей. — Гибридов качать, универсалов, чтобы подстраховка на замену была. Тех же паладинов, хотя бы парочку. С основной специализацией в дамаг, но на крайняк они и хила заменят, и танка. Это будут хреновые хил и танк, но это всяко лучше чем вообще никакого. Их качать, конечно, сложнее, но я сам типа пал, да и дядя Сережа паладиновскую прокачку как раз хорошо знает. То есть два гибрида, плюс полноценный

танк, плюс полноценный хил, а пятый — наверное, все-таки маг. Чё за группа без мага? Тогда даже если двое лягут, оставшиеся трое по любому нормально работать смогут, да и вдвоем скорее всего тоже, если, конечно, не хил с магом останутся.

— А ты растешь, внучек! — улыбнулся Митрич. — И полугодом не прошло — а уже соображать начал. Вот что значит правильное трудовое воспитание.

Андрюха после этих слов зарделся еще сильнее.

— Ну что? — Митрич обвел всех взглядом. — Пошли на площадку, будем ваши способности выяснять? Сколько я понимаю, на тренировочных площадках мы можем сколько угодно околачиваться, так? Татьяна, Ольга, вы, говорят, все правила наизусть вызубрили — так или нет?

— Так — кивнула Ольга. — Заявить специализацию внутри группы и получить оружие и броньку мы можем хоть за минуту до первого задания.

— Так что, — не выдержал Петька, — мы в локацию сегодня что ли не пойдем? Добряки выбивать не будем?

И все посмотрели на Петьку. Он смутился и на вопросе не настаивал.

***

Группа уже третий час впахивала на тренажерах. В данный момент Петька уже четверть часа тупо отрабатывал один-единственный удар, Патрик и Плюха на скорость проходили полосу препятствий, а обе принцессы с отвращением молотили друг друга в невесть каком уже по счету спарринге. Митрич, довольный как слон, ходил между подопечными, как судья на соревнованиях по бальным танцам и что-то периодически записывал в блокнотик. Мы вчетвером сидели в сторонке и вели неспешную беседу.

— Не нравится мне все это, — бурчала Семеновна. — Ну какой из меня нафиг тренер? Мне самой здешней медицине еще учиться и учиться. Я себя каким-то Хлестаковым чувствую.

— Тогда уж чувствуй себя княжной Таракановой — ответил я. — Тоже самозванка, только женского пола.

— Таракановой не хочу, — буркнула Семеновна. — Она плохо кончила, я помню.

— Тут не поспоришь, — согласился я. — Кончила и впрямь плохо.

— Мне это все тоже не нравится, но по другому поводу — включилась в беседу Сергеевна. — У вас нет ощущения, что нас «ведут»?

— В смысле? — не понял я. — Шпионят за нами, что ли? Да брось, Света, кому мы нужны.

— Да не шпионят. Как бы это объяснить... Понимаешь, Митя, раньше мы сами себе хозяева были. Плохо ли, хорошо, но делали то, что сами решали сделать. Мы сами определяли свою дорогу в игре, понимаешь. А в последнее время мы делаем только то, к чему нас подталкивают. Это я и называю — «нас ведут». Не мы играем, а нами играют, понимаешь? И это мне решительно не нравится.

— Понял. Да, есть такое, и мне это тоже не нравится. Но, с другой стороны — ты же сама понимаешь, что альтернативой было не принять задание, слить квест и отправиться на поверхность под клинки караташевских нукеров — летать на перерождение.

— Да все я понимаю. Но если это не называется «подталкивать» — то что такое подталкивать? И вообще, надо разбираться, что здесь у них творится. Что бы там Константин Сергеевич не говорил, я все-таки покопаюсь. Не нравится мне все то, что здесь происходит. Одна эта черепаха чего стоит.

— Митрич уверен, что с черепахой кто-то из участников конкурентов убирал, — подкинул реплику я. — Только я не понял, что ты расследовать собралась? Черепаху и без нас копать будут так, что до Австралии дороуют. Скандал-то громкий получился.

Светлана долго молчала, потом, наконец, ответила:

— Не знаю. Я пока не знаю, что здесь расследовать, но что-то непременно придется. Если вы вдруг оказались в темной комнате вместе со слоном, он непременно даст о себе знать. Так и здесь — слон здесь точно есть, и мы его еще не раз услышим. Тогда и станет понятно — что расследовать.

На этом разговор и закончился, потому что Митрич заорал:

— Андрюха, иди сюда! Так, закончили упражнения! Закончили, я сказал! Сейчас по одному проходим спарринги с дядей Андреем, а ты, Андрюха, смотри — кто из них что стоит. Мить, можно тебя с Цитамолом? Так, кто не занят с дядей Андреем, спаррингует со скелетом!

***

Ни в этот, ни в следующий день Петька-пара в локацию не попал и добычи никакой себе не добыл, кроме мозолей на руках. Митрич гонял молодежь нещадно, по самым разным тренажерам, в самых разных комбинациях. И остановился — не могу не отдать должное его офицерскому чутью — наверное, за минуту до неизбежного взрыва. Это, на самом деле, большое искусство — остановиться вовремя. Сначала нашим подопечным было даже интересно, потом они уже начали потихоньку ворчать. И их можно понять — занятия на тренажерах были довольно нудными, а тут еще и одноклассники постоянно масла в огонь подливали. Большинство из них уже и со специализацией определились, и снаряжение получили, а кое-кто уже и в локацию сходил и первыми трофеями похвастаться успел. И только ты, как идиот, все еще бегаешь по полосе препятствий и молотишь палкой макивару. И, главное, заставляет тебя это делать какой-то непонятный скелетон, который еще неизвестно — соображает в прокачке или нет.

В общем, к концу второго дня бунт уже назрел. На Митрича все чаще бросали злые взгляды, ему все более дерзко отвечали, корчили рожи за спиной. И на исходе второго дня, когда уже начало темнеть, бунт начался.

— Так, закончили! — в тысячупятисотый раз за день заявил Митрич, — Все ко мне, построились!

Но строиться никто не стал.

— Сергей Дмитриевич, а давайте вы нам сначала кое-что объясните, а потом уже будем строиться, расстраиваться и все такое!

Восстание начала, конечно же, неумная Татьяна. И даже Ольга молчаливо стала на сторону соперницы — правда, не отказала себе в удовольствии потолкаться вперед и встать рядом с Татьяной. Остальные сгрудились за ними.

Митрич улыбнулся своей жутковатой улыбкой скелета:

— У меня другое предложение. Давайте вы построитесь, а потом мы уже начнем мою пресс-конференцию с вопросами и ответами.

— Нет, давайте вы все-таки сначала кое-что объясните... — вступила в разговор Ольга. Все-таки подростки — бараны редкого упрямства.

— Так, стоп! — прервал ее Митрич. — Я правильно понимаю, что вы хотите задать мне вопрос и получить ответ?

— Да, и поэтому...

— И поэтому вам нужно сделать одну необременительную вещь — построиться в шеренгу. Вы же хотите получить ответ на вопрос, а не скандал устроить? Так ведь?

— Да, но... — немного растерялась Татьяна.

— Ну так постройтесь! Вы дольше рассуждаете.

Подростки не нашлись что ответить, и нехотя встали в подобие шеренги. Но взгляды их не предвещали ничего хорошего.

Митрич же продолжал гнуть свою линию.

— Я вообще-то собирался сделать небольшое объявление. Послушаете меня или у вас очень срочный вопрос?

— Ну говорите — выдавила из себя Татьяна.

— Вот спасибо, вот уважили! — возрадовался Митрич. — Но на самом деле я хотел пояснить одну простую вещь. Почтенные мальчики и девочки, мы не в армии, и каждый из вас немного поумнее обычного призывника, поэтому я попробую воззвать к вашему разуму. Как вы думаете, почему через пять дней некоторые ваши одноклассники уже вылетят из Турнира? Какая самая главная причина?

— Ну... — неуверенно начала Татьяна.

— Самая распространенная причина — они будут действовать неправильно! — жестко заявил Митрич. — А неправильно они будут действовать потому, что не смогут договориться. Это самая большая проблема, когда несколько человек вынуждены действовать одновременно. У каждого свое мнение, каждый пытается продавить свое мнение, в итоге вы начинаете мешать друг другу. А растопыренные пальцы даже при большей силе всегда проиграют при ударе сжатому кулаку. Какой выход? Выход только один, другого человечество за все тысячелетия своего существования так и не сумело придумать. Выход этот — единоначалие. Выбирается, назначается или выдвигается сам один командир, а все остальные добровольно (или не очень добровольно) отказываются от своего мнения в его пользу. Отказываются от своего права действовать самостоятельно и соглашаются выполнять команды командира. Каждый член команды жертвует своей личной свободой, но сама команда из-за этого многократно усиливается. Даже если командир отдает глупые приказы — до тех пор, пока остальные ему подчиняются, их команда будет сильнее той, где командира нет. Просто потому, что члены команды с командиром действуют в едином направлении и складывают свои усилия, а без командира — в разных и их усилия взаимоуничтожаются.

Вы неглупые юноши и девушки, но сейчас вам придется действовать в области, которую вы очень плохо знаете. Вы ее знаете теоретически — по литературе, гайдам и опыту игр без погружения. Вот только проблема — никто никогда не выиграл ни одной битвы по книжкам. Война — это очень древняя область человеческой деятельности и одна из немногих, где опыт важнее знания. Человек, который подрался десять раз непременно побьет человека, который прочел десять книг по единоборствам, но никогда не смотрел в глаза противнику.

Поэтому, как мне казалось, вы добровольно отказались от своего мнения и передоверили руководство мне — в силу того, что я обладаю большим, по сравнению с вашим, военным и боевым опытом. Так?

Или нет так? Может быть, что-то изменилось? Может, у вас появились какие-то сомнения? Так поделитесь ими, мы пока еще не в бою, и это еще можно сделать.

И Митрич сделал долгую паузу, выразительно глядя на свое воинство. Ответил ему, к

моему удивлению, не Татьяна и не Ольга, а Тарас.

— Это верно, вы опытнее любого из нас. Но мы совсем не уверены, что вы опытнее тренеров в других командах. Вернее даже так — мы уверены, что в других командах гораздо более опытные тренеры, хотя бы потому, что они этим делом зарабатывают на жизнь, а у вас опыт в игре — пара месяцев. Меж тем другие тренеры давно уже разбили своих учеников на специализации, а кое-кто даже выпустил их в локации и они оттуда даже вынесли кое-какую добычу. Там самым их команды усиливаются, а мы так и прыгаем на тренажерах. Возникает вопрос о вашей квалификации, а за ним следующий вопрос — а нужно ли вас слушаться, может, вы ничего полезного нам и не присоветуете?

Митрич несколько раз хлопнул в ладоши.

— Bravo! Спасибо, Тарас, ты еще раз подтвердил, что я не ошибся. Хорошо формулируешь, искренне говорю — bravo! Да, ты прав и ты очень логично рассуждаешь. Я действительно гораздо менее квалифицированный тренер, чем тренера в других командах. Но, поняв «А», ты почему-то остановился и не понял «Б». А «Б» заключается в том, что, поскольку я гораздо менее квалифицированный тренер, мне требуется гораздо больше времени на понимание расклада и принятие решения. Кроме того, большинство тренеров давно знает свои команды и своих подопечных, а мы вас впервые увидели позавчера. Именно поэтому вы и прыгаете здесь уже два дня — потому что я все еще сомневался, а ошибаться мне никак нельзя — слишком уж велика цена ошибки. Так что — да, эта задержка связана с моей низкой квалификацией, но у вас просто нет других вариантов — вы сами выбрали бесплатного тренера. Это было не мое, а ваше решение.

Подростки пристыженно молчали.

— А теперь самое время задать умный вопрос! — улыбнулся Митрич. — Ну? Кто догадался?

Петька, как в школе, поднял руку.

— Да?

— Вы сказали: «Я все еще сомневался». Не «я сомневаюсь» а «я сомневался», — и Петька победно улыбнулся своей неотразимой улыбкой плюшевого мишки.

Митрич опять похлопал в ладоши.

— Bravo номер два! Да, Петя, решение о раскладе ролей в команде уже принято. Я, собственно, именно за этим и просил вас построиться.

Глядя на лица подростков, я в полной мере понял выражение «есть глазами». Им действительно было очень интересно узнать результат, ради которого они два дня скакали на тренажерах.

— Раз у нас уже пошел разговор начистоту, — продолжил Митрич, — я вам не просто скажу, кто из вас будет кем, а еще и поясню, почему я принял такое решение. Как говорил Суворов, «каждый солдат должен знать свой маневр», а вы вполне заслужили это разъяснение. Итак, танком в нашей будущей непобедимой команде будет Аглая Леонидова.

Патрик вытаращила глаза. Все остальные выглядели не менее удивленными.

— У Аглаи есть одно ценнейшее для танка качество — такой скилл, как «терпение», у нее прокачен сильнее, чем у вас всех, вместе взятых. Сколько я понял, вы и ваши одноклассники активно прокачивали его ей все эти несколько лет. Кроме того, у нее накопилось много злости, а злость в человеке можно переключать. Если в драке эта злость перекинется на противника, она будет стоять насмерть в буквальном смысле слова. Короче, Аглая — идеальный танк.

Патрик стала пунцовой. Как всякая рыжая, она краснела быстро и сразу.

Ольга и Татьяна... Вы, как и предполагали, будете дамагерами, только не дистанционниками, а бойцами ближнего боя. Проще говоря — вы обе будете качать паладинов и именно вы будете подменять танка и хила если их выбьют. Резоны самые простые — вы наиболее мотивированные члены команды, вы привыкли побеждать и именно вы в наибольшей степени настроены на победу. Кроме того, простите уж, я в курсе вашего соперничества и заключенного вами пари на выигрыш, которое заключено вами на этот турнир. Поэтому мне показалось справедливым дать вам одинаковую специализацию, чтобы вы по-прежнему пребывали в равных условиях.

Теперь настал черед краснеть нашим принцессам. Нов целом они казались скорее довольными, как и Патрик. Все-таки у девушек существует необъяснимая любовь к тяжелой броне. Хотя почему — необъяснимая? Такая броня — красивая вещь, выглядит шикарно и женщина в ней становится неотразимой. А наши все трое — красотки. Меж тем Митрич продолжал свои дозволенные речи:

— Теперь Петр. Не обижайся, Петька, но ты самый отвратительный солдат в команде, боец из тебя — как из говна пуля. Не вздумай, даже на миг не смей задумываться о том, чтобы связать свою судьбу с армией!!! У тебя нет ни одного качества, необходимого воину — ни смелости, ни злости, ни терпения, ни стойкости — и так далее, и тому подобное. Не обижайся, это нормально — ты просто рожден не военным, ты гражданский до мозга костей. Но есть один плюс. Ты, Петя, добрый человек. По настоящему добрый, не напоказ, а внутри. Поэтому если твой друг будет орать, заживо разъедаемый кислотой после плевка или истекать кровью с отрубленной рукой — ты будешь, конечно же, отчаянно трусить, но при этом все-таки их лечить. Самоотверженно и безоглядно. Поэтому, уважаемые ученики, знакомьтесь — Петр Охлопков, наш будущий хил.

От ушей Петьки можно было бы прикуривать. Если бы в «Альтернативном море» не был бы забанен табак, конечно.

— Ну и последний член нашей команды. Тарас, не обижайся, но по физическим кондициям ты на бойца ближнего боя никак не тянешь. Поэтому готовься изучать боевую магию, будешь фаерболлами кидаться и бафы накладывать.

И последнее. Когда я вам говорил о единоначалие, растопыренные пальцы и кулак и тому подобное, вы наверняка понимали — люди неглупые, что я командовать буду только здесь. В локациях уже — максимум советовать, большего не смогу. А уж во время выполнения заданий... Ну, в общем, вы поняли, вам нужен свой командир, рейд-лидер. Человек, который будет в бою делать из вас единый организм, когда пятеро будут действовать как единое целое. Это точно ни Татьяна и ни Ольга — ни одна из вас не примет другую в качестве командира. Это не Петька — у него нет даже намек на лидерские качества. Это не Патрик — танк в качестве рейд-лидера это абсурд, рейд-лидер должен видеть бой со стороны, а танк по определению всегда в самой гуще боя. Таким образом, остается единственная кандидатура. Капитаном вашей команды будет Тарас Либерман, прошу любить и жаловать.

Я впервые видел Тарасика удивленным. Не скучающим, не снисходительно улыбающимся, не безразлично-равнодушным — а удивленным. Все-таки неправ Константин Сергеевич, не старичок Плюха. Он все-таки еще подросток.

А Митрич продолжал распоряжаться:

— Сейчас вы все впятером бежите в штаб Турнира и Тарас, как командир, подает

рапорт на специализацию в команде. Потом получаете аттестаты и чешете на склад, получать оружие, броньку, и вообще все, что удастся выпросить. Тарас, большая просьба — займись этим лично, и проследи, чтобы какого дерьма кому-нибудь не подсунули. Ты же понимаешь, этих балованных лохов только ленивый не обжулит.

Тарас утвердительно кивнул и добавил:

— Не переживайте, Сергей Дмитриевич, я сделаю.

Сказано это было таким тоном, что я заранее не позавидовал кладовщику, которому придется иметь дело с Тарасиком. Стоило посмотреть ему в лицо, чтобы понять — этот выдавит все. До капли, до граммулечки, как зубную пасту из тюбика.

— Ну и прекрасно! — улыбнулся Митрич, который заранее радовался мукам нелюбимых им кладовщиков. — Завтра в семь утра встречаемся здесь. Два часа на отработку первичного взаимодействия и уходим в локацию.

— Как в локацию? — не удержалась пораженная Ольга. — Вы же говорили — как минимум с десятков заходов в тестовый данж для отработки работы в команде.

— Ситуация изменилась, — коротко пояснил Митрич. — Вы же сами сказали, что вы отстаете от других команд. Поэтому отрабатывать взаимодействие будем в условиях, максимально приближенных к боевым. Если выживете — боевое взаимодействие отработаете за пару дней, и еще прибарахлитесь немного. Если на вайп уйдете — сами виноваты, дураки.

Митрич посмотрел на ошарашенные лица наших подопечных и не удержался:

— Да не трусьте вы так. Это, конечно, случайность, но у вас хорошая команда подобралась. Если ртом мух ловить не будете — у вас есть все шансы не только выжить, но и Турнир выиграть. Лучше скажите, что там за монстры в локациях? Вам же одноклассники наверняка уже проболтались.

Рты открыли все, но первым успел Петька:

— Демоны. Только не черти рогатые, а какие-то странные.

[1] Фраза из фильма «Мимино» Георгия Данелия.

На следующий день наши подопечные пришли уже в казенном прикиде новобранца, и разве что копытом не били — так им не терпелось отправиться в локацию навстречу приключениям. Особенно импозантно смотрелся толстый Петька в белом древнегреческом хитоне, лавровом венке и с жезлом в руках. Митрич, увидев его, сразу же замурлыкал под нос «Наш Архимед, наш Архимед, наш Архимед, на все сумеет дать ответ![1]». Все наши три латные воительницы выглядели примерно одинаково, в стиле «плохонькая бронька на хорошенькой девушке», а вот Плюхе напялили тюрбан, какой-то короткий и тесный халат, зато туфли, в компенсацию, были размером на пять больше положенного и с загнутыми вверх носками. Не дать, не взять — Маленький Мук. Впрочем, самого чародея это нимало не смущало — Mr. Liberman-jr был доволен как слон. Как заверил нас Тарасик, он вчера перебрал эту «свалку мусора» пошгучно, и дает голову на отсечение, что все самое лучшее в этом «скопище барахла» досталось нам.

Судя по реплике Ольги: «Угу, четыре часа вчера там проторчали, я думала, что мы никогда оттуда не уйдем» — не врал.

В целом же, повторюсь, народ рвался опробовать полученное снаряжение в деле, поэтому все задания Митрича на отработку первичного взаимодействия выполнялись на «ать-два». Они даже нас заразили этим своим энтузиазмом, и Семеновна, не в силах терпеть, даже намекнула Митричу — не пора ли, мол, нам пора? Ответить военный не успел — неожиданно появился Константин Сергеевич.

Сияя своей лошадиной улыбкой, завуч пошел к тренирующимся выпускникам, поздоровался, и невинным тоном поинтересовался:

— Ну, и как у вас дела?

— Э-э-э... Нормально, — за всех ответила Татьяна.

— Как тренеры? Может, какие-нибудь претензии есть?

— М-м-м. Да нет, пока все нормально.

— Ну и хорошо. Вы, я смотрю, уже и снаряжение получили. Когда в локацию собираетесь?

— Да скоро вроде как. Сергей Дмитриевич сегодня обещал.

— Да? — завуч как будто бы задумался. — Это хорошо. Вы поосторожнее там, очень уж много жизней дети теряют, про тренеров вообще разговора нет, те пачками улетают с единичками жизни-то. Вообще, какие-то странные локация ребята из «Альта» сделали, группы через раз на вайп уходят, а еще ни одного задания не было. Если так и дальше пойдет, у нас в финале играть некому будет.

— Спасибо за предупреждение, — поблагодарил подошедший Митрич. — Но нам действительно пора. Попробуем все-таки посмотреть, что там в локациях происходит. Где, вы говорите, портал?

— Все там же, — классный воспитатель изучающе мерил Митрича глазами и почему-то периодически поглядывал на Сергеевну, которая сегодня вела себя тише воды, ниже травы. — На заднем дворе, рядом с футбольным полем. Имейте в виду — место высадки рендомное, выбирается случайно в каждом случае.

— И за это тоже спасибо, — еще раз кивнул Митрич. После чего, уже не обещая внимания на педагога, скомандовал, — Все за мной!

И, не оглядываясь, направился к заднему двору.

***

Перед порталом Митрич еще раз внимательно всех оглядел и дал последнее напутствие:

— Помните все, что я говорил. Самое главное — не теряйте головы. Пока вы контролируете себя и окружающую обстановку, пока действуете разумно — у вас есть шанс выжить. Нет — сливайте воду. И помните — когда вы вместе, шанс выжить повышается на порядок.

Тарас, давай, создавай группу. Первым в портал идет танк, потом два паладина, следующие хил и маг. Мы — вслед за вами. Понятно?

— Ква! — зачем-то подтвердил Тортик.

— Скотинку-то отзови, — посоветовала Семеновна. — Какой там от него толк с работячим уровнем жизни? И ты, Мить, убрал бы своего Цита.

Я оскорбился.

— Цитамол не пет, он миньон. Я его ни отозвать, ни призвать не могу, он живет сам по себе, я ему не хозяин. Вернее — как раз хозяин, но он существо автономное и в известной степени самостоятельное.

Семеновна только рукой махнула, и обратилась непосредственно к скелету.

— Слышь, Цитамол, может, ты нас здесь подождешь? Там, куда мы идем, мы потеряем всю свою силу, и убить нас сможет кто угодно с одного удара.

— Нет! — презрительно отверг предложение Цит. — Я с мбваной.

— Ну, с мбваной так с мбваной! — второй раз махнула рукой Семеновна.

— Да пусть идет, — заступился я за суповой набор. — Жалко что ли? Да и привык я к нему, если его рядом нет, и неуютно уже как-то.

— А я что? — поинтересовалась немка. — Пусть идет, коль хочет, небось, не обожрет нас там.

— Все, хорош болтать — прервал нас Митрич. — Пора. Молодежная команда, вперед, двинулись как я сказал.

Первой в портал ушла Патрик, потом обе принцессы, Петька и Плюха. У нас первым пошел Андрюха, потом с Митричем пропустили вперед девчонок, потом Митрич крикнул:

— Давай, Мить, я замыкающим буду.

Я кивнул и шагнул в портал.

Выбросило нас очень удачно — прямо на главной площади какой-то деревушки. Причем тропическо-банановой деревушки — судя по эстетике местных хижин, больше всего напоминавших бунгало. Когда мы с Цитом ступили на песок, которым была отсыпана площадь, наши уже занимались налаживанием отношений с местным населением. Не все, правда, Петька тараторил что-то вроде «Во, нормальная песочница, стартовая деревня, пойдем сейчас к старосте квест на крыс брать». Все остальные обступили изрядно напуганного смуглого аборигена в набедренной повязке, из которой он соорудил что-то вроде трусов.

— Мы друзья. Фирштейн? Дру-зья! — по слогам вжевывала ему Семеновна. — Понял Маугли? Блин, что ж ты трудный-то такой... Хинди руси бхай бхай![2] Андестенд?

— Скажите ему, пусть нам квест какой-нибудь даст! — влез в разговор Петька.

Тут напуганный взор местного жителя наконец-таки зафиксировался на Цитамоле и

телепортнувшемся Митриче. После этого глаза аборигена вылезли из орбит, а рот открылся настежь:

— А-а-а-а!!! Демоны!!! Демоны!!! Нечистая, братцы[3]!!! — завопил он громче паровой сирены и с невероятной скоростью унесся вдаль, стуча босыми пятками по песку. Вскоре его крики про демонов раздавались уже с другого конца деревни.

Привлеченные воплями, из хижин выскакивали все новые и новые жители деревни. Причем не одни, а в компании с разнообразными видами холодного оружия. Когда количество любопытствующих превысило пару десятков, а выражение лиц уже не оставляло сомнений в их намерениях, Митрич отдал неуставную команду:

— Валим отсюда!

И мы, топоча ничуть не хуже недавнего «Маугли», побежали прочь из деревни.

***

Поначалу нам везло — из деревни мы выбрались без потерь. Проблемы начались позже — вокруг деревни были самые настоящие джунгли, а, значит, бегать там можно было только по тропинкам. Как вы догадываетесь, тропинки эти местные знали гораздо лучше нас. Поэтому вскоре крики «Живьем брать демонов!!![4]» начали раздаваться уже буквально в паре-тройке метров за нашей спиной.

Когда все уже поняли, что оторваться от погони не удастся, и с минуты на минуту нас начнут бить, мы неожиданно выбежали на берег реки. Мгновенно сориентировавшийся Митрич заорал:

— В воду, быстро! А мы с Цитом попробуем их увести.

Хорошо, что я тоже тормозить не стал, и, прыгая в воду с высокого берега, успел крикнуть:

— Цит, беги с Митричем!

Скелет, который за прошедшее время любить воду, мягко говоря, так и не научился, с радостью припустил по берегу вслед за нашим предводителем команчей.

Аборигены, судя по всему, любили воду не больше Цитамола. По крайней мере, прыгать в реку за нами никто не стал — все, потрясая копьями, продолжили погоню за скелетами. Только один, самый дохлый, остановился, плюнул в воду с берега, и сообщил нам:

— Мы ваши рожи запомнили, демоны. В следующий раз не сбежите.

И припустил за своими друганами, которые гнались за скелетами с криками «Живьем брать демонов!» и, почему-то, «Царь-то говорят — ненастоящий!!!»[5].

Речка была неширокой, и на противоположный пологий берег мы выбрались минут через десять.

— Тарас, как там Митрич с Цитамолом? — поинтересовалась Сергеевна у Плюхи.

— Серые оба. Ушли на перерождение, — лаконично ответил тот.

— Плохо, но терпимо. — резюмировала директорша. — По крайней мере, вы жизни не потеряли — уже плюс. Андрюша, принимай должность военного советника — ты у нас после Митрича самый опытный.

Андрюшка кивнул:

— ОК, тетя Свет. Но вообще-то мы, типа, попали, конкретно.

— В смысле? — не понял я. — Митрича жалко, конечно, но вообще мы, по-моему, неплохо выкрутились. Вышли из хреновой ситуации с минимальными потерями.

Другие тоже вопросительно посмотрели на нового предводителя. От внимания Андрюшка, как всегда смутился:

— Да я, типа, про портал. Как мы обратно-то возвращаться будем? В деревне нас сразу обнулят.

— Блин! — не сдержался я, — И впрямь, что теперь делать будем? Может, ночью попробуем пробраться?

— Да ну! — не согласился «сын полка». — Они наверняка настороже будут. Да и уровни у местных — под десятку. Я предлагаю по окрестностям пошарахаться, другие порталы поискать. Это все-таки песочница, да и вряд ли «альтовцы», типа, для выпускников полноценную локу писали. Скорей всего — небольшой пяточок земли. Заодно качаться будут, даже если ниче не найдем, прокаченными в деревню всяко лучше возвращаться.

— Резонно — согласилась Сергеевна. — Но последнее слово все равно за Тарасом, рейд-лидер все-таки он.

— Качаемся. — кивнул Плюха.

— Тогда так, — вмешался Андрюха. — Тропинки узкие, а роги у нас нет, поэтому первым идет танк, за ним один пал, третьим хил. Пал защищает хила и страхует танка. В середине — мы, работяги, и маг. Замыкающим — второй пал.

Через десять минут на перерождение ушла Сергеевна. Чертов тигр прыгнул с дерева неожиданно[6], причем в самую середину процессии и одним ударом лапы отправил директоршу на перерождение. Мы кинулись врассыпную, а студенты, обнажив мечи, ломанулись к тигру. Несмотря на то, что это был их первый бой, действовали они довольно неплохо, это даже я понял. Сначала они дали возможность Патрику набрать агро, и лишь потом, когда тигр начал биться о ее щит как какой-нибудь черноморский прибой, вступили в схватку. В три меча и файерболлы тигра кончили довольно быстро — не прошло и двух минут. Петька хоть и явно трусил, но, как и предсказывал Митрич, лечил, а не убегал.

Как только пакостливый Шер-хан рухнул замертво, из-за дерева тут же вышла Семеновна, и, на ходу доставая разделочный нож, двинулась к нему со словами:

— Ну, полосатая морда, сейчас посмотрим, чем ты мне гибель подруги компенсировать будешь...

В качестве компенсации тигр выделил нам латные сапоги с +3 к защите и колечко на +1 к интеллекту.

— Сапоги Патрику, колечко Петьке, — тут же распорядился Плюха. Все только молча кивнули.

Минут десять мы двигались без приключений, а потом выбрали не то на болото, не то на солончак, облюбованный кабанами 2 уровня. Андрюха тут же отправил выпускников на прокачку, и вскоре наши выпускники пахали как на конвейере: Патрик вытаскивала свинтусов по одному, остальные бодро разбирали их на запчасти, после чего в дело вступала Семеновна и разбирала запчасти на предмет лута. Локация, похоже, и впрямь специально писалась под выпускников, по крайней мере лут там падал раз в десять чаще, чем в оригинальном «Альтернативном мире». Семеновна даже начала бурчать что-то про «хорошо живут мажоры, я тоже так хочу». Так или иначе, но через полчаса, как по заказу, обновками обзавелись все: Татьяна сменила казенный меч на выпавший топор (без плюсов, но с лучшими характеристиками по урону), Тарасику досталось повышающее урон ожерелье («только для магов»), а Ольге перепал новый шлем, с хорошими характеристиками, но очень стремный на вид. Больше всего он напоминал тот тазик, который носил на своем лысом черепе цитамоловский коллега Мидон, и принцесса, посмотрев на себя в блестящем щите Патрика, заметно расстроилась.

Вскоре после выпадения тазика кабаны кончились, и респаунда мы решили не дожидаться. Во-первых, непонятно, когда он будет, а во-вторых, необходимость найти альтернативный портал в колледж никуда не исчезла. Вот только поиски продвигались из рук вон плохо. Джунгли — они джунгли и есть: всяческая ботаника стоит сплошной стеной и не хрена не видно. Мы, конечно, добросовестно скитались по разным тропинкам, но каждый из нас понимал — толку в этом было чуть, мы сто раз могли пройти в полуметре от портала и не заметить его.

Наконец, Ольга не выдержала:

— Слушайте, ну что мы ерундой занимаемся?! Понятно же, что так мы ничего не найдем. Давайте уже плюнем на поиски и начнем нормально качаться. Несколько дней до испытания у нас есть, поднимем уровни, выьем нормальную экипировку, вернемся, и вырежем эту чертову деревню.

Семеновна, которая опять была не в настроении, тут же пробурчала:

— «Вырежем...». Нашлась, тоже мне, лейтенант Келли[7] доморощенный.

Андрюшка же просто помотал головой.

— Я посчитал — луг тут, конечно, лучше падает, а вот уровни растут как обычно. За три дня вы максимум до третьего уровня подниметесь, а в деревне все в основном — пятый-шестой. И то — третий вряд ли, здесь качаться особо не на ком. Мы за полдня только одну поляну с кабанами и нашли. А вслепую тыкаться не вариант, так мы все время только на поиски и потратим. В общем, что там искать, что здесь искать — однох... То есть эта... Все равно, кароч.

И Андрюшка, замаявшись, смутился окончательно.

Неловкое молчание прервал чей-то голос:

— Молодые люди, я правильно понимаю, что вы чего-то ищете?

***

Мы принялись заполошно озираться вокруг, только Семеновна, не потеряв присутствия духа, громко ответила:

— Ну, насчет «молодых людей» сентенция не бесспорная, но вообще, ты бы показался, мил-человек! А то как-то кричать в белый свет некузяво[8].

— Согласен, — раздалось в ответ, и из-за толстого ствола дерева, напоминающего баобаб, вышел высокий мужчина, держащий в руках лук, и с мечом за поясом. — Позвольте представиться, меня зовут Якша. Я местный охотник, выслеживал тигра, который повадился воровать моих овец, и вдруг услышал ваши голоса. Мне стало любопытно — кого это занесло в нашу глухомань. Тем более, что по округе ходят слухи о появившихся пару дней назад демонах, возникающих из ниоткуда и исчезающих в никуда. Вот я и решил полюбопытствовать — не демоны ли вы?

И мужчина обезоруживающе улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, очень располагающая к себе.

— И не побоялись? — не отвечая на вопрос, поинтересовалась Семеновна. — А вдруг мы и есть те самые демоны?

— Нет, не побоялся. — еще раз улыбнулся неожиданный визитер. — Меня не так просто убить, это раз. О демонах чего только не болтают, людям вообще свойственно врать, но кое-какие сведения о них совпадают у всех. В частности, все сходится на том, что демоны эти не очень опасны. Примерно половину из них может убить даже ребенок, причем с одного удара. Другие посильнее, но несколько сильных мужчин справятся с ними без труда.

Ну а поскольку я, не считите за хвастовство, лучший охотник в округе и без труда смогу справиться с несколькими сильными мужчинами, то отправился послушать — о чем же вы говорите, без особой боязни.

— И что — послушали? — Семеновна, взявшая переговоры на себя, похоже, решила разговаривать вопросами.

— Послушал, — не стал спорить охотник. — И, не считите за обиду, мне показалось, что вы и есть те самые демоны, которые к тому же что-то ищут. Я не знаю, что такое «портал», поэтому не могу сказать точно — что же вам надо.

— Что ж, — развела руками Семеновна, и не менее обезоруживающе улыбнулась. Когда ей это было надо, немка могла быть очень обаятельной. — Не вижу смысла скрывать — скорее всего, мы и есть те самые существа, которых вы называете демонами, и которые появляются из ниоткуда и исчезают непонятно куда. Вот только мы — не демоны. Мы просто люди, которые попадают в ваш мир из другого мира посредством...

Докторша сделала секундную паузу.

— ... ну, скажем так, «с помощью колдовства». Не подскажите, кстати, как у вас тут к колдовству относятся? На кострах колдунов не жгут? Вы уж простите, но мы действительно ничего не знаем о вашем мире.

И Семеновна вновь мило улыбнулась.

— Господь с вами, милейшая незнакомка! — замахал руками Якша, которому, похоже, нечаянно начавшаяся игра в «куртуазную беседу» доставляла искреннее удовольствие. — Какие костры, мы, слава богу, не варвары. У нас колдовство — это почтенная, уважаемая, и, смею заметить, весьма прибыльная профессия. Но вы продолжайте, я весь внимание!

— Да я, собственно, уже практически закончила, милостивый государь. Мы попадаем в ваш мир с помощью колдовства, который мы называем «порталами» — над землей возникает эдакое овальное окно, пройдя в которое, можно попасть из нашего в ваш мир и обратно. К сожалению, портал, через который мы попали в ваш мир, оказался для нас недоступен, вот мы и решили попробовать найти другой.

— Либо, усилившись, вернуться к первому, и вырезать там всю деревню, — с милейшей улыбкой продолжил Якша. — Я ничего не перепутал? И, кстати, раз уж у нас зашел такой доверительный разговор, а зачем вообще вы и ваши соотечественники переносятся в наш мир? Из ваших слов я понял, что этих, как вы их называете, «порталов» в нашем мире много. Очень уж это походит на вторжение. А нет ли случайно у вас и ваших коллег недобрых намерений по отношению к обитателям нашего мира? Ну и последний, наверное, вопрос — вы можете назвать хоть одну причину, почему я не должен прямо сейчас вас всех убить?

Он опять улыбнулся и закончил:

— У вас минута. Я вас слушаю.

Повисло тягостное молчание. Дети, включая Андрюшку, смотрели на меня и на Семеновну. А мне, честно говоря, никаких разумных аргументов в голову не приходило. Я вообще никогда не задумывался, а как выглядит деятельность игроков с точки зрения так называемых «неписей». И я только сейчас понял, что, наверное, не очень красиво. Мягко говоря.

Меж тем заговорила Семеновна:

— Откровенность на откровенность. Да, у многих визитеров из нашего мира могут быть недобрые намерения. Но люди везде разные — и у нас, и, полагаю, у вас. А мы все-таки люди, а не демоны, это действительно так. Что касается нас, то мы не причинили зла ни

одному разумному обитателю вашего мира. А вот обитатели той деревни, в которой мы появились в вашем мире, кинулись убивать нас, не дав нам вымолвить и слова. Я понимаю, что у нас нет ни одной причины доверять друг другу, но могу поклясться: все, чего мы хотим — это вернуться в свой мир. И именно решившие убить нас жители вашей деревни лишили нас этой возможности, сделав бездомными бродягами. Так стоит ли возмущаться агрессивными словами — не делами, а всего лишь словами этой молодой девушки? Или в вашем мире понятие «месть» отсутствует?

— Да нет, месть у нас есть, и даже довольно часто практикуется. — рассеяно ответил явно задумавшийся охотник. — И, кстати, я так и не услышал ни одной причины, по которой от мести следует воздержаться мне. Мы ведь с вами по разную сторону баррикад, с этим вы, надеюсь, спорить не будете?

И тут мне в голову, наконец-то дошла давно ожидаемая умная мысль.

— Убивать нас, достопочтимейший, не стоит хотя бы из-за полной бессмысленности этого занятия. — вступил я в разговор, стараясь придерживаться заданной планки куртуазности. — Вы ведь не могли не задуматься — зачем эти демоны лезут сюда, будучи такими слабыми? Почему, если их может убить любой сильный мужчина, а то и годовалый ребенок, они лезут в ваш мир и ведут себя в нем так нагло? Ответ простой — мы не умираем в вашем мире. Умереть мы можем только в своем, а погибнув в вашем, мы в ту же секунду возрождаемся у себя дома. Именно в этом разгадка, для нас путешествие в ваш мир — не более чем экскурсия, простое утоление любопытства и возможность пошалить, подобно ребенку. Именно поэтому мои соотечественники ведут себя у вас подобно детям, безоглядно, глупо и шумно — ваш мир для нас не очень реален. Ваша речь показала мне, как неоднозначно выглядит наше поведение с вашей точки зрения и заставила устыдиться поступков своих соотечественников. И я готов поклясться вам, что я не подниму руку ни на одного из обитателей вашего мира, за исключением диких зверей и злых монстров. Если эти обитатели, конечно, не будут пытаться убить нас. Думаю, то же самое с удовольствием сделают и мои спутники. А убивать нас и других обитателей нашего мира бессмысленно — ты тут же возродимся и вновь придем к вам порталом, обозленные и недовольные. Нас можно только заставить задуматься, и вам, почтенный, это удалось.

И я, в знак завершения речи, поклонился своему собеседнику. Охотника, впрочем, моя речь абсолютно не проняла. Он скорчил презрительную гримасу.

— Мне неприятно уличать вас во лжи, но вы обманываете меня. Крестьяне, убившие так называемых «демонов», говорили, что те очень не хотели умирать.

— Но, с другой стороны, и не относились к смерти так, как к ней относятся ваши соотечественники — как к неповторимой трагедии, не так ли? — переспросил я. — Ответ на ваше замечание очень простой. Умирать здесь для нас больно — это во-первых. За каждую смерть, принятую здесь, нас лишают некоторых благ там, в нашем родном мире. И пусть со мной случится все самое страшное, если я вру!

— Хм... — протянул Якша. — А почему я должен вам верить? Я за свою жизнь не встречал ни одного человека, который не боялся бы смерти. Да что там люди — даже дикие звери всеми силами стараются избежать гибели. Разве что глупые насекомые летят в огонь — но они безмозглые. Вы на безмозглых не похожи. У вас есть какие-нибудь доказательства, что смерть в нашем мире ничего для вас не значит?

Я уже открыл было рот, но тут вскочил Андрюшка. Судя по его сияющим глазам, ему в голову пришла какая-то идея.

— У нас говорят: «Чем сто раз услышать, лучше один раз увидеть». Смотрите!

Он отбежал в сторону от нас и встал к стволу дерева.

— Плюха, убей меня. Ну быстрее, считаю до трех! Раз! Два!

Третьего слога не прозвучало. Тарасик пожал плечами и метнул в тренера огненный шар. Андрюшка улетел на респаунд, а его тело мешком свалилось к подножию дерева.

— Он мертв? — поинтересовался охотник, невозмутимо, хотя и с видимым интересом, наблюдавший за происходящим.

— Посмотрите сами, — предложила Семеновна.

Якша отошел к дереву, внимательнейшим образом осмотрел тело Андрюшки, и, наконец, резюмировал:

— Мертвее не бывает. Немного же вам надо. Вы все такие хилые?

— У всех по разному... — несколько туманно ответил я, не желая раскрывать все козыри.

— Наверное, надо позаботиться о теле? — предложил абориген. — Похоронить или сжечь?

— Зачем? — искренне удивился я. — Он уже ожил в нашем мире и, наверное, сейчас идет беседовать и погибшими ранее членами нашей команды. А это просто пустая никому не нужная оболочка.

— Спорное суждение, — пробормотал мой собеседник.

— Что, простите? — переспросил я.

— Да нет, ничего. Случившееся впечатляет, да. — признался охотник. — Но как вы докажете, что это не было жертвенной гибелью ради спасения остальных?

Я пожал плечами:

— Ну, давайте сейчас наш колдун убьет меня. Или лучше пусть вон та красивая девушка, — я кивнул на зардевшуюся Татьяну, — зарубит меня мечом, ради разнообразия впечатлений. Потом еще кого-нибудь. И будем так поступать, пока вы, наконец, не поверите — гибель в вашем мире это неприятная, но не фатальная для нас вещь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Охотник молчал. Молчал долго, явно что-то решая. Потом опять улыбнулся своей неотразимой улыбкой.

— Ну допустим. О чем вы в таком случае хотели меня попросить?

— Мы уже говорили — ответила Семеновна. — Все, что мы хотим — это отправиться порталом домой. Из той деревни, в которую мы попали в вашем мире или любым другим порталом — без разницы. Не слышали ли вы, где находится то самое «ниоткуда», через которое в ваш мир попадают демоны?

Охотник на вопрос не ответил, и сам в свою очередь спросил:

— Где находится эта ваша злосчастная деревня?

— Это не очень просто объяснить, — ответил я, — Мы не так хорошо ориентируемся в джунглях (и мысленно добавил — а карту в интерфейсе тебе не покажешь). Совершенно точно могу сказать только, что это за рекой.

— Тогда этот вариант отпадает, за рекой меня никто не знает, я за реку не хожу. Попробуем второй вариант. Опишите подробно — как выглядит этот ваш «портал»?

Портал описывала Семеновна, признанный специалист по части словестных и прочих портретов. Охотник очень внимательно выслушал и резюмировал:

— Да, я это видел. Но это далеко, мы сегодня не успеем дойти. Через час стемнеет, до

моей усадьбы далеко, но у меня здесь неподалеку есть хижина, где я ночую, когда охочусь в этих местах. Предлагаю заночевать там, а утром я отведу вас к вашему portalу. Согласны?

Конечно же, мы были согласны.

***

До хижины мы дошли минут за сорок. Могли бы и быстрее, но по дороге Якша встретил того самого тигра, которого выслеживал, и покончил с вором, как говорят комментаторы, «при подавляющем превосходстве одного бойца». Военские умения нашего провожатого впечатляли, да, хотя Якша был всего лишь пятого уровня.

Хижина оказалась вовсе не хижинкой — охотник явно поскромничал. Это было вовсе не бунгало, крытое пальмовыми листьями, а скорее изба с крепкими стенами и дверьми.

Когда мы вошли внутрь, наш хозяин заложил засов, скинул тушу тигра в угол и подошел к очагу.

— Надо бы огонь развести, ужинать пора — деловито промолвил он.

— А что у нас на ужин? — поинтересовался толстый Петька, глотая слюнки. — Тигрятина? А она вкусная?

— Да нет, не тигрятина, ответил хозяин. — Думаю, жаркое из твоего мяса, толстый паренек, будет гораздо вкуснее.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом, — ответил Якша. — Я верю, что вы не демоны. Но почему-то никто из вас даже не поинтересовался, не демон ли я.

И он улыбнулся своей неотразимой улыбкой Алена Делона[9].

[1] Песня из мультфильма Юрия Пряткова «Коля, Оля и Архимед».

[2] В переводе с хинди — «индийцы и русские — братья». Официальный лозунг советско-индийской дружбы. Провозглашен Н. С. Хрущевым на митинге в Бангалоре 26 ноября 1955 года. Нашему поколению в основном известен по книгам (и фильмам) Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» и Льва Кассиля «Будьте готовы, Ваше Высочество».

[3] Эту реплику разработчики локации явно украли из фильма Эдмонда Кеосаяна «Неуловимые мстители».

[4] А эту — из фильма Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

[5] Там же.

[6] Автор знает, что тигры не лазают по деревьям. А вот специалисты, писавшие эту локацию, похоже, были не в курсе.

[7] Уильям Лоуз Келли-младший — офицер американской армии, один из организаторов знаменитой «бойни в Сонгми» во время войны во Вьетнаме. Единственный осужденный за убийство (часто — с предшествующими пытками и массовыми изнасилованиями) четырех сотен мирных жителей в нескольких вьетнамских деревнях. Приговорен к 20 годам лишения свободы, фактически провел три с половиной года под домашним арестом, после чего был помилован.

[8] Слово «некузяво» вошло в русский язык из лингвистической сказки Людмилы Петрушевской «Пуськи бятые», опубликованной в 1984 году в «Литературной газете». Поскольку сказка короткая, а я ее люблю, то не удержусь, и приведу ее здесь полностью:

Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит:

— Калушата, калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

— Оее, оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздрезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит:

— Бутявок не трямяют. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

— Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

Хотелось бы также отметить, что сам цикл Петрушевской есть развитие идеи великой фразы академика Л.В. Щербы, придуманной им для вводных лекций к курсу «Основы языкознания» в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Фраза эта звучит так: ««Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка»».

[9] Ален Фабьен Морис Марсель Делон — известный французский актер. Не пьел одеколон.

Мы на несколько секунд онемели, а демон меж тем изменился, или, точнее, принял свой истинный облик. Лицо и руки Якши стали черными. Не шоколадными, как у негров, а именно что черными, антрацито-угольного цвета. На лице цвета «черный бархат» горели глаза: радужка стала оранжевой, а зрачки — звериными, вертикальными. И только улыбка осталась прежней — обаятельно-умиротворяющей и даже прорезавшиеся клыки ее не портили.

— Вы нас что, съесть хотите? — заикаясь, поинтересовался Петька.

Ты очень догадлив, невоздержанный в еде паренек, — съязвил демон. — Для нас, демонов, человеческое мясо — непревзойденный деликатес. Ничто с ним по вкусу даже близко не сравнится. А тут полугодовой, считай, запас сам ко мне домой явился. Добровольно и своим ходом, мне даже нести ничего не потребовалось.

Лекция о подвигах хозяина на ниве гастрономии была прервана громким хохотом. Это смеялась Семеновна:

— То есть ты, придурок... — у нее даже лицо покраснело от хохота — нас сюда на мясо, что ли, привел?! Вот уж точно, «дебилы бешенные», как говорил один министр.

— Что ты хочешь сказать, женщина? — даже не проговорил, а скорее прорычал хозяин.

— Да только то, что наши тела в этом мире исчезают через несколько минут после смерти. Если бы ты, дебил демонический, обернулся, уходя, то мог своими глазами увидеть, как тело Андрюшки растворилось в воздухе.

— Ты не врешь, старуха! Да, я вижу истинную сущность всех существ и истинную суть сказанных слов — таково мое проклятие! И ты, мать твою, да переродишься ты плевком на базаре, не врешь! — черное лицо хозяина пошло кровавыми прожилками, он явно был готов взорваться.

В сердцах демон воткнул свой меч в стол, и тот затрепетал, вибрируя.

— Что ж, если еды не будет, придется ограничиться удовольствием. Вам не повезло, исчезающие ничтожества — вы будете умирать долго и мучительно. А начну я с тебя, старуха, — и демон сделал пару шагов, намереваясь сцапать Семеновну за шиворот.

Петька звучно икнул и сделал шаг назад. Принцессы побледнели, лицо Тарасика так и осталось невозмутимым. А Патрик вдруг рыжей молнией ринулась вперед, и плечом врезалась в демона как в регби или каком-нибудь американском футболе. Несмотря на свое несовершеннолетие, все наши девчонки уже вымахали изрядными кобылками, и удар почти семидесяти килограмм, с ускорением врезавшихся ему в живот, демон не выдержал. Якша с грохотом отлетел к стенке.

— Гасим гада! — абсолютно спокойным голосом подал неуставную команду Плюха, и запустил фаерболом в поднимающегося хозяина.

Надо сказать, что именно начало боя Митрич отрабатывал с нашими студентами чаще всего и дольше всего, поэтому все сработали четко, как на тренировке. Не успел Якша подняться, как его уже пластали мечами с трех сторон. Девчонки сработали четко, блокировав все возможности прорваться как к мечу, так и к Петьке с Тарасом, отступившими на несколько шагов. Мы с Семеновной давно уже лежали на полу, стараясь сжаться в комок и не мешать.

Отсутствие меча, на которое я возлагал основные надежды, демон отыграл практически сразу. С нехорошей улыбкой любитель человечинки откуда-то извлек кинжал, которым и принялся умело отбиваться от наших мечников, успевая не только парировать их удары, но и наносить свои. Разница в уровнях и опыте быстро дала себя знать, и индикаторы НР девчонок быстро поползли по направлению к красной зоне.

— Петька, не спи! — закричал Тарас, ни на секунду не прерывавший «шаровую бомбардировку». Ведущуюся, надо сказать, с весьма неплохим результатом — именно маг наносил демону максимальный урон.

— Да лечу я! — заорал в ответ Петька. — У него дамаг охрененный, он по десять процентов с удара сносит!

— Девки, зелья пьем! — тут же скомандовал Тарас, — Все, что выдали, пьем, не жмемся! Экономить некуда!

Забившись в угол, я наблюдал за дракой. Конечно же, противник нам достался «не по росту», но, к моему удивлению, и заведомо неравным бой тоже не выглядел. Митрич не врал, когда говорил, что работа в группе не складывается, а умножает потенциал каждого участника. Танковали в этом бою, по сути, трое сразу, и каждый из них заведомо уступал своему противнику. Вот только их было трое, а он — один. Поэтому пока он убивал одного, минимум двое убивали его.

Демон был не дурак и что общий счет складывается не в его пользу, понял довольно быстро. Он трижды делал попытку вырваться из «полукольца» трех девушек, притиснувших его к стене, и зарубить Петьку, а при удаче — и Тарасика. Но не дали — это Митрич тоже успел отработать. Девушка, оказавшаяся «на острие главного удара» уходила в глухую оборону, а две оставшиеся рубили с удвоенным усердием. Так продолжалось до тех пор, пока здоровье демона не ушло в красную зону.

Как только оранжевый цвет сменился красным, Якша громко крикнул что-то гортанное, трижды топнул ногой, завертелся волчком, вдруг вспыхнул колдовским зеленым пламенем и принялся рубиться... Хотел сказать «как демон», но он, собственно, и был демоном.

Почти сразу после применения абилки Петька закричал:

— Плюха, у него дамаг вырос вдвое! Я всех троих отлечивать никак не успею! Кого-то по любому сольем.

— Блин! — выругался Тарасик. — Девчонки, у вас как с банками?

— Ты дебил? — крикнула Татьяна, одновременно доставая демона мечом в выпад. — Их по одной и было, а ты сам сказал пить!

И впрямь — Тарасик что-то затупил. В стартовом наборе было одно-единственное зелье лечения, и только Петьке с командиром добавили еще по одной банке на ману. Меж тем здоровье всех трех мечниц неумолимо уменьшалось.

— Тарас, не тупи! — орал Петька. — Кого мне отлечивать?

Тарас только на секунду задержался с ответом, со злобой вlepив по демону очередным огненным шаром.

— Ольгу! — наконец крикнул он. — Ольгу лечи!

И вдруг произошло небывалое — у Тараса Либермана проснулось что-то человеческое.

— Девчонки, сорри. Ну никак всех не вытащить! Вломите ему напоследок! — проорал он звонко.

— Нормально все, не парься! — крикнула в ответ Татьяна, и ее меч замелькал с удвоенной частотой. Она еще успела пошутить, — Вы только к нам не спешите.

А через десять секунд тело принцессы рухнуло на земляной пол хижины.

Патрик меж тем демонстрировал лучшие образцы безоглядной русской провинциальной драки — она злобным хорьком металась вокруг противника, безостановочно матерясь и поминутно требуя от демона сдохнуть. Так дерутся только в глухой провинции, где драка издревне была одним из главных городских развлечений, и именно бойцовские качества человека определяют его репутацию минимум на треть.

Последнее «сдохни, сука!» раздалось, когда Аглая разменяла последние пять процентов здоровья. Демон, добывая, торопливо нанес два финальных удара, но рыжая еще успела не то попросить, не то скомандовать:

— Завалите его!

Просьба была исполнена буквально секунд через тридцать. Пока Ольга бультерьером висела на Якше, не позволяя ему отвлечься на кого-либо, кроме нее, сместившийся в другой угол Тарас спокойно, как на стрельбище, всадил демону в затылок серию из трех шаров. Последний прошел критом и здоровенный демон, неверяще взревев, рухнул лицом вперед. Несколько раз дернулись ноги и Якша застыл недвижно.

Мертвая тишина стояла секунду, а то и две. А потом...

Потом все (не исключая нас с Семеновной) орало что-то невнятное так, что я искренне удивился тому, что все стекла в избушке остались целыми.

И лишь когда все понемногу успокоились, Семеновна с нехорошей улыбкой достала свой разделочный нож...

Лут с демона упал богатый: металлическая кираса с хорошими плюсами к защите, лук с убойными, судя по всему, характеристиками, тот самый кинжал, которым он так ловко орудовал, целая россыпь склянок на здоровье, ману и одна, под названием «Берсеркер» — на тридцатисекундное повышение демага вдвое. Денег тридцать семь рублей. И еще...

Боевые грабли. Не вру — самые настоящие боевые грабли. С очень даже неплохим уроном и плюсами как к защите, так и к атаке.

— Ну что — по-моему, все просто прекрасно. — резюмировал я. — Пацаны, правда, без обновок остались, зато девчонкам сразу россыпь всего. Надевай, Оленька, хоть полюбуемся на тебя.

— Это не мне — насупилась Ольга. — Это девчонкам. Кираса Патрику нужнее, а грабли пусть овца забирает. Ей они как раз по характеру и к лицу. А мне и кинжала хватит.

— Это все хорошо, — понимающе покивал головой я, — Но сейчас нам хороший танк нужен, и чем упакованней, тем лучше. Так что надевай все.

Ольга пожала плечами, и принялась облачаться. Надела кирасу, прицепила на пояс кинжал...

— Грабли не возьму! — безапелляционным тоном заявила она.

— Не понял, — удивился я.

— Погоди ка — отодвинула меня в сторону Семеновна и изучила грабли. — Ну все понятно. В отличие от всего остального, грабли — с привязкой к владельцу. То есть — кто из воинов или паладинов из первый в руки возьмет — тот и будет с ними бегать до конца игры.

— И в чем проблемы? — удивился я. — Сколько я понимаю, грабли — самый уникальный предмет из выпавшего. Разве что лук круче, но он нам ни в дентату, ни в рабоче-крестьянскую[1].

— Лук на аукцион пойдет, в первый раз, что ли? — отрезала Семеновна. — А грабли...

Ну ты тормоз, Митя. Это же грабли.

— И что? — продолжил тупить я.

— А то! А она — девочка! — немка явно начала злиться.

— А, дошло, — наконец-то догадался я. — Она что, стесняется, что ли?

Семеновна лишь выразительно покачала головой и дважды стукнула согнутым пальцем по голове.

— Да, стесняюсь! — не выдержав, с вызовом заявила Ольга, — Мало мне этого тазика на голову было, да? Еще и грабли давайте мне дадим. И переименуем меня в Страшилу Мудрого[2], чего уж там, давайте!!!

И я с удивлением понял, что принцесса и впрямь собирается заплакать. По-настоящему, не шутя. Нет, все-таки никогда я женщин не пойму.

Семеновна, испепелив меня взглядом, приобняла Ольгу за плечи и увела в угол, где они принялись негромко шептаться. Я пожал плечами и присоединился к Тарасику, который при помощи Петьки, похоже, решил проверить на прибитость и привинченность все предметы в избушке демона. Увы, но все наши потуги оказались безрезультатными. Даже воткнутый в стол меч нам так и не удалось вытащить — хреновые из нас оказались короли Артуры[3].

Получив в результате поисков ровно нулевое количество трофеев, мы с Петькой махнули рукой и уселись на лавку под окном. И только неутомимый боец трофейного фронта Тарасик продолжал шнырять по избушке. В данный момент он зачем-то копошился возле останков демона, добросовестнейшим образом препарированных Семеновной.

В это время девчонки наконец-то вышли из угла. Ольга еще пару раз хлопнула носом, затем, не глядя на нас, демонстративно прошла в угол, взяла грабли и закинула их на плечо.

— Долго мы здесь еще зависать будем? — поинтересовалась она в пустоту.

— Опа! — вдруг донеслось из угла, где зависал Тарасик. — У него голова берется.

— В смысле? — не понял я.

— Ну ее можно взять и в инвентарь положить. Так и пишут: «голова демона Якши».

— Фига себе! — протянула Ольга! — Тарас, какой ты молодец! Пошли же скорее!

— Куда? — непонимающе протянул я. Семеновна, соляным столбом замершая за моим плечом, согласно кивнула.

Мне не понравилось, как они посмотрели на нас с Семеновной. Все трое, даже Петька. Вот совсем не понравилось. Так смотрят на детей, сказавших тост за взрослым столом, и радостно чокающихся со всеми своей кружкой с компотом.

— В деревню, где мы появились, куда же еще? — удивленно пояснила Ольга. — Это же явный квест, причем для тупых. Вы что — в игрушки никогда не играли?

— Э-э-э... — начал я, но меня решительно прервала Семеновна.

— А ничего, что за окном — ночь? — язвительнейшим тоном поинтересовалась она. — Я понимаю, что у молодых вода не держится, им все надо прямо сейчас и немедленно, но, может, мы все-таки здесь переночуем, а уже утром отправимся? Нет, конечно, если вам так необходимо, чтобы вас кто-то сожрал в ночи, я не против. В конце концов, демократия — это общественный строй, при котором каждый волен валять дурака и губить Родину и свою жизнь.

Я просто люблю эту женщину! Иногда. Так красиво отыграть наш конфуз. Bravo, Киса, вот что значит школа[4].

— Извините, — пристыжено прошептала Ольга. — Как-то забылось про время за этим всем...

— Завтра здесь, в семь утра, деванька! — Семеновна царственным кивком прервала жалкий лепет оправдания[5]. — И вы, пареньки, не опаздывайте. Путь-дорожка у нас неблизкая.

О, Семеновна опять включила «деревенскую сказительницу». Не, этот спектакль уже без меня, тем более что сегодня явно уже никакого кина не будет[6].

— Счастливо, ребят! Вы сегодня молодцы! До завтра! — попрощался я и нажал «логаут».

***

Наш поход в деревню затянулся. Ночью жадный Тарасик посчитал, сколько ему осталось до второго уровня, понял, что совсем чуть-чуть, и повел всю нашу команду фармить кабанов, которые наверняка уже возродились:

— Голова-головой, а в деревню лучше прийти не нубасами первоуровневыми. — пояснял он. — Больше уважения будет! Опять же, надо проверить, как мы втроем воевать сможем и сыгратся усеченной командой.

Митрич, с которым мы поддерживали связь по почте, идею одобрил и заявил, что он в таком случае нас ждать не будет, а отправится с Андрюхой и девчонками в локацию. Пусть Патрик с Татьяной очки набивают и осваивают работу двойкой, благо состав группы позволяет.

На кабаньей полянке Тарасик, конечно же, не успокоился, пока не упокоил всех кабанов до единого. Ольга, которой пришлось «вытаскивать» их по одному, хоть и ворчала по поводу людской жадности, но не сильно — очков все-таки подняли прилично, второй уровень апнули все (кроме, конечно, нас с Семеновной). А вот с лутом не задалось — он, похоже, накапливался и напрямую зависел от времени, прошедшего после возрождения свинтусов. Так или иначе, ничего мы, кроме одной банки на здоровье, не выбили, а до деревни, населенной демононенавистниками, добрались уже ближе к вечеру.

Приближались мы к ней с большой опаской — а ну как выскочат опять эти психованные с криками «Демоны! Демоны! Демоны старшей школы![7]». Наконец, глазастый Тарас заметил какого-то пацана.

— Слышь, мелкий, иди сюда! — позвал он, высунувшись из кустов.

— Да я-то скоро вырасту, а вот ты так карапузиком и останешься. — парировал пацан, который и шагу не сделал в нашем направлении.

— Ты че сказал, недомерок!!! — обидное слово «карапузик», кажется, всерьез задело нашего предводителя. — Сюда иди!

— Ага, сейчас, — пообещал пацан, но убежал в итоге совсем в другую сторону.

Тарасик монотонно ругался, мы молча ждали. Но пацан не наврал — он действительно вскоре появился с тремя стражниками.

— Там они, — показал он пальцем, — В кустах прячутся.

— Эй, вы там! — некуртуазно обратился к нам один из стражников, поудобнее перехватывая копьё. — А ну вылезайте, а то сейчас мужиков позовем.

Пожав плечами, мы вылезли из кустов. Увидев меня, один из стражников радостно заорал:

— Демоны! Я же говорил — вернутся они, нету им здесь жизни. Жжет им подошвы наша святая земля! Смотри — половина перемерла небось уже, попередыхали к свиньям собачьим!

Это был тот самый плевавший в воду недомерок, не советовавший нам возвращаться.

— Эй, демоны, чего приперлись-то? — любезно поинтересовался он.

— Сам ты демон, ужин Шер-хана! — нелюбезно ответила Семеновна. — А мы тебе не демоны, а люди, просто из другого мира пришедшие. А вашего местного демона мы, кстати, убили. Вы с ним, небось, сколько лет маялись, а мы за день управились. Старосту зови, омыватель попы Хатхи[8]!

— Это какого-такого нашего демона вы убили? — отодвинув в сторону уже задохнувшегося от негодования коротышку, вступил в разговор другой стражник, здоровенный бородатый мужик в набедренной повязке.

— Да того самого! Морда черная, глаза рыжие, зовут Якшей. Яшку Степаныча Черномордина приговорили! — надрывалась Семеновна.

— Врете, — махнул рукой стражник, сразу потерявший к нам интерес. — Якше такие как вы — на один зуб. Он бы вас еще на подходе из лука расстрелял, вы по джунглям ходите как стадо слонов.

— Ладно, — он повернулся к своим товарищам, — зовите мужиков, мочить будем демонов. Живем сказали больше не брать, жрут больно много.

— Врем, значит? — Семеновна расвирепела. — Ах ты, дитя джунглей, корму Сахидикобраза[9] тебе в корму! А ну, Тарас, покажи ему!

Наш предводитель извлек голову демона и издали показал ее здоровому стражнику.

— Ну и что у вас там? — лениво поинтересовался стражник. — Капусту, что ли, у кого на огороде сперли?

И он ленивой походкой направился к нам. Вскоре, впрочем, его настрой мгновенно переменялся и здоровый стражник (а звали его, кстати, Чомпе) начал перемещаться в пространстве быстро и суетливо.

Не прошло и десяти минут, как мы уже стояли перед старостой. А староста сидел под навесом из пальмовых листьев на главной площади деревни.

— Вот они, господин староста, — льстиво улыбаясь, докладывал Чомпе, — те самые демоны, которых мы того дня гоняли. Ну помните — два скелета у них еще было?

— А, это те, которые первыми появились? — толстый староста даже на внеплановой аудиенции не перестал жевать. — Помню, конечно. Они еще в реку попрыгали, как лягушки. И что хотят? В плен сдать? Проголодались, что ли? Ты им скажи, что нам пленные демоны без надобности, все равно от них толку никакого нет.

Староста почесал под мышкой и пристально посмотрел на нас.

— Слушайте, товарищи демоны, у вас там что — настоящие демоны появились? Что вы к нам лезете, как тараканы, по три банды за день? Мы вас уже убивать вспотели. Не, ну правда — мы мирные люди, долго нам еще вас на тот свет отправлять?

— У нас, — саркастически сказала Семеновна — никаких настоящих демонов там нет. А вот У ВАС по крайней мере один настоящий демон был!

— Что значит «был»? — не менее саркастически поинтересовался староста. И даже хмыкнул с негодованием, — Хм, «был»!

— Короче, — устало вздохнула немка, — Нет времени объяснять. Тарас, показывай.

К чести старосты, ни бегать, ни мелко суетиться, подобно стражнику, он не стал. Нет, он, конечно, подпрыгнул на своем троне, крытом пальмовыми листьями, но убежать не стал. Видимо, накрепко вызубрил нехитрую истину: «Генералы не бегают, потому что в мирное время это вызывает смех, а в военное — панику».

Он долго и внимательно разглядывал голову — у Тарасика даже рука затекла держать

этот немалый калган за волосы. Потом, наконец, резюмировал:

— А похож! Только морда лица у него какая-то... — он неопределенно поводит в воздухе рукой, — недовольная.

— А с чего бы ему довольным быть? — удивленно поинтересовалась Семеновна.

— Ваша правда, не с чего, — легко согласился староста. — Заметьте, я уже соглашаюсь с вами, и, фактически, иду на уступки. Так на чем мы договоримся?

— Ну... — неопределенно протянула Семеновна, но староста ее перебил:

— Тридцать семь рублей пятьдесят... Да черт с вами — семьдесят копеек! Больше вам никто не даст, мамой клянусь! Соглашайтесь, демоны, до конца нашей акции осталось ровно тридцать секунд! Дальше будет дешевле. Ну что — по рукам?

— Стоять! — абсолютно ровным голосом сказал Тарасик. — Нина Семеновна, давайте дальше я. А то товарищ, похоже, совсем берега потерял.

— Кстати, — влез в разговор ни разу не испугавшийся староста. — Там у демона никакого лука не валялось? А то есть здесь... — он опять неопределенно покрутил рукой в воздухе, — интересующиеся товарищи. А то и господа.

— Погоди, родной, — многообещающе кивнул Тарасик, — дойдем и до лука.

Час спустя мне надоело слоняться по деревне и я вернулся на главную площадь. Староста с Тарасиком все еще продолжали переговоры. Судя по всему, они вели вялую позиционную войну и до прорывов, похоже, было все еще ой как далеко. Староста выглядел изрядно измочаленным, но уважения к собеседнику в его глазах явно прибавилось:

— Молодой человек, а вы точно не из нашей деревни родом? — с неподдельным интересом поинтересовался он.

— Ой, перестаньте сказать! — зачастил Тарасик с невесть откуда взявшимся акцентом. — Ежели вы имеете сказать за «не из наших ли вы, молодой человек», то я — таки да! Тарас Марикович Либерман к вашим услугам! Так что насчет пятнадцати и мы переходим к луку?

Староста посмотрел на Тарасика, как на дурака, и тот смутился.

— Я ничего не понял, ну да и пес ним. Кстати... — староста обвел глазами всех членов нашей команды, собравшихся в этот момент вокруг навеса. — А что вы меня тут, можно сказать, заживо раздеваете? У меня же нет еще никаких подтверждений, что демон Якша покинул этот грешный мир, кроме вашего слова и этого обрезка человеческой конституции!

И он брезгливо потыкал пальцем в стоящую на столе голову.

— Чомпе! — заголосил он так, что всем стало понятно, что проводить в эту деревню телефон не имеет никакого смысла. — Чомпе, где ты ходишь?

В конце улицы возникло облако пыли. В нем быстро перебирал ногами здоровенный стражник.

— Извините, господин староста, — запыхавшись, объяснил стражник, добежав до навеса. — Там просто опять демоны из своей дырки полезли.

— Ой, да покидайте вы их обратно в ту же дырку, сколько уже можно? — предложил староста. — Ты вот что, Чомпе. Ты возьми пару ребят и сгоняйте к хижине демона. Проверьте — правда ли его эти орлы убили.

Он наклонил голову к стражнику и, понизив голос, пояснил.

— Ну и так... — он опять неопределенно покрутил ладонью в воздухе — посмотри там все...

Стражник понимающе кивнул:

— Сделаем!

И мгновенно исчез.

— Ну вот, — теперь староста обратился напрямую к Тарасику. — Вы пока погуляйте здесь, ребята, а когда они вернутся — продолжим разговор. В трактире вам могут предложить горячие обеды и прохладительные напитки, за наличный, естественно, расчет. Не скучайте.

И староста встал с явным намерением отбыть в свою резиденцию.

— А вам это... — неожиданно подал голос Петька — Ничем помочь не надо?

И замер в классической позе игрока, выпрашивающего квест — полусогнутая спина, заискивающий взгляд и добрая, как ему самому кажется, улыбка.

— Как же не надо! — всплеснул руками староста. — Крысы в подвалах, можно сказать, заедают! Пойдете крыс геноцидить? Оплата похвостно и репа растет. Только вы поаккуратнее, мы одних ваших демонов для прикола туда послали — до сих пор никто еще не вышел. Ну что — идете?

[1] *Vagina dentata* (с лат. — «зубастая вагина») — мифологическая часть женского тела в мифах самых различных народов мира от римлян до японцев. Рабоче-крестьянская Красная армия (сокр. РККА) — полное официальное название Красной армии.

[2] Страшила Мудрый — один из главных героев серии книг Александра Волкова про Волшебную страну с Изумрудный городом.

[3] Имеется в виду знаменитый «меч в камне» из легенд о рыцарях Круглого стола. Легенда гласила, что вытянувший этот меч из камня станет королем Англии, и именно будущий король Артур смог это сделать. Иногда меч в камне отождествляют с Эскалибуром — легендарным мечом короля Артура, Иногда Эскалибур — меч короля Артура отождествляют с мечом в камне, но в большинстве текстов они являются разными мечами.

[4] Цитата из книги И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев».

[5] Кто-то явно читал лермонтовскую «Смерть поэта».

[6] И «Джентльменов удачи» смотрел.

[7] «Демоны старшей школы» — цикл новелл Исибуми Итиэйи, по мотивам которого были созданы манга и аниме. Очень популярны среди молодежи из-за повышенного внимания автора к вопросам секса.

[8] Шер-хан (тигр) и Хатхи (слон) — персонажи книги Р. Киплинга «Книга джунглей», рассказывающей о приключениях Маугли и его друзей.

[9] Оттуда же.

Э-э-э... Я заметался в выборе. С одной стороны — вроде бы нам предлагают классический «данж из песочницы», про обязательность крысиного геноцида даже я в курсе. С другой — печальная судьба коллег-выпускников, сгинувших в подвале, как бы намекает, что с крысами все не так просто. С одной стороны, раз уж нам, едва ли не единственным из попавших в эту деревню, удалось выжить, надо быстрее продавать голову почившего демона и делать ноги через портал. С другой — староста прямым текстом сказал, что репутация после истребления крыс вырастет, и наверняка награда за ту же голову будет больше. С одной стороны — нашим питомцам надо качаться, с другой — еще и первого испытания не было, а у нас уже минус три жизни из пятнадцати имеющихся...

Чтобы заполнить возникшую паузу, я поинтересовался:

— А сами-то почему грызунов не выведете? У вас, слава богу, охотники есть посильнее нас.

— Мы не можем, чужеземец, — развел руками староста. — Мы поклоняемся Ганеше, поэтому крыса для нас — священное животное.

— Брешет, небось, как сивый мерин, — шепнула мне на ухо Семеновна — Ганеша — это слон, при чем здесь крыса? Просто небось своим платить надо, а пришлые лохи все бесплатно сделают. Даже не за еду работать будут, а за репутацию и добычу.

На нашу беду, староста обладал хорошим слухом:

— Это вы, чужеземные демоны, мне собрались рассказывать про Ганешу? Во-первых, Ганеша никакой не слон[1], а во-вторых, крыса — вахана[2] Ганеши, это знают даже маленькие дети.

— Извините, — потупилась Семеновна, но глава деревни только махнул рукой.

— Ну так что — идете? — в нетерпении повторил староста. — У меня обеденный перерыв, дома еда стынет.

— Э-э-э... Нам надо подумать, — наконец выдавил из себя я.

— Думайте, — покладисто согласился староста. — И вообще, давайте так. Вот вам ключ от подвалов, где вход — любой покажет. Если надумаете — идите, воюйте. Нет — через два часа ключ отдадите, когда я вернусь.

Староста встал со своего пальмового трона и, насвистывая «Где баобабы вышли на склон[3]», отправился восвояси.

Я поделился своими сомнениями с народом, и Семеновна махнула на меня рукой:

— Ой, делов-то... Пусть лошадь думает, у нее голова большая.

— Чего? — вдруг заинтересовался Петька

— Я говорю, есть у нас специалисты по уничтожению, пусть они и решают. Тут Митрич в личку стучится, погодите минут пять, я с ним в реале переговорю.

И глаза Семеновны закатились, сигнализируя о том, что персонаж в «эвее».

Глянув на наше воинство, я с удивлением увидел, что глазки у них блестят, и выглядят они очень заинтересованными. Наконец, Петька не выдержал:

— А они муж и жена в реале, да?

Я малость смешался, но тут же выкрутился:

— Тайны личности разглашению не подлежат. Я же не спрашиваю вас о вашей личной

жизни, молодой человек.

Петька смутился, зато Ольга захихикала:

— Петькина личная жизнь тайной не является. Нельзя засекретить то, чего не существует в природе.

— Зато у тебя этого выше крыши, — не остался в долгу насупившийся толстяк, и, кривляясь, передразнил, — «Краткое описание личной жизни Оленьки в августе. В трех томах».

Но Ольга, к моему удивлению, не обиделась, а продолжила хихикать:

— О! А Петенька, оказывается, следит за моей личной жизнью! Кто бы мог подумать? Слушай, ну я просто польщена. Ты уж прости, Петя, я не готова дать тебе ответ немедленно, но ты не теряйся. В конце концов, рыцарь ты, или просто погулять вышел? С лавровым венком на голове. Объяви меня своей прекрасной дамой, совершай в мою честь подвиги, прикупи в пару к венку лиру и распевай серенады в мою честь. Глядишь, мое сердце и дрогнет. И я премирую тебя своей личной лентой, которую ты сможешь привязать к своему жезлу. Бантиком.

От ушей Петьки можно было прикуривать. Да что там прикуривать — на них можно было плавить оловянных солдатиков. Он буркнул что-то неразборчивое и ломанулся куда-то в сторону, подальше от нас.

Тарасик сидел с невозмутимым видом. Я помолчал-помолчал, а потом все-таки не выдержал:

— Ну и дура.

— Не поняла, — мгновенно откликнулась Ольга.

— А что тут непонятного? Дура и есть дура. Со всех сторон. Я уж не беру человеческие отношения, но это даже просто не рационально. Петька тебе уже не просто смешной пацан-одноклассник, вы сейчас с ним в одной лодке. Ему тебя еще сто раз лечить и с того света вытаскивать.

— Ой, да перестаньте! — поморщилась Ольга. — Куда он денется? Отлечит, да еще и за счастье считать будет меня спасти.

— А вот не факт, девонька, не факт... — не согласился я. — Я вот, например, совсем не уверен, что в следующий раз Петька спросит, кого ему вытаскивать. Он ведь и сам решение принять может — кого спасать, кого бросать.

— Да даже и если спросит, не факт, что я скажу то же, что и вчера — неожиданно встрял в разговор Тарасик. На нас он при этом не смотрел, по-прежнему пялясь куда-то вдаль.

— Опа, нормальное заявление! — оживилась Ольга. — Наш куркулёк проснулся. А тебе я чем не угодила?

— Да мне на тебя наплевать и забыть, я тебя и твою компанию все эти годы придурками озабоченными считал. — ровным голосом ответил Либерман. — Но мы впятером сейчас в деле. И решения я принимаю и принимать буду исключительно с точки зрения интересов нашего совместного предприятия. А равных акционеров не бывает, это сказки. Вклад у каждого — свой, разный. Кто-то за дело болеет, а кто-то только на свой карман работает, пусть и в ущерб общим интересам. Меня вчера тебя жалко стало, ну и подумал, что по справедливости надо всем по две жизни оставить, раз уж так обстоятельства сложились. А вот сегодня я уже подумал бы — надо ли вытаскивать человека, который из-за своих гормональных заскоков компаньона в дерьмо макает?

— Так что мне его — целовать и облизывать надо было? — Ольга взвилась разъяренной тигрицей. — Что ты вообще знаешь про гормональные заскоки, ты, блин, девственник лопухий! Вообще, капец, конечно — на потоке две сотни нормальных парней, и только у нас в команде — два главных клоуна курса, на которых ни одна нормальная девчонка ни разу не посмотрела! И они еще меня будут учить, как мне личную жизнь строить. Ваще гон какой-то, застрелиться проще, блин!

Тарас безразлично промолчал, а я все-таки не выдержал.

— Вот только все эти твои ухажеры-дружки и прочие нормальные парни куда-то резко потерялись, когда тебе помощь нужна была. Не списать дать или в клуб вместе сходить, а нормальная, серьезная помощь, когда за решение проблем друга проблемами для себя самого расплачиваешься. Почему-то ни один из них не готов оказался своими выпускными результатами, ради тебя, такой прекрасной, пожертвовать. Только эти два клоуна.

Ольга молчала. Судя по всему, ответить ей было нечего.

— Вот и подумай, девонька, — улыбнулся ей я. — Мне кажется, здесь есть о чем подумать.

И в это время — очень вовремя, надо сказать, очнулась Семеновна. Она оглядела нашу компанию, и что-то мгновенно учуяла своим бабьим чутьем.

— Ну что тут у вас? Не успела Нина Семеновна отойти на минутку — переругались вдрызг? А Петьку куда дели? Петро!!! А ну иди сюда! Что ты там слоняешься с рожей как у кабинета стоматолога?

И лишь когда надутый Петька подошел к нам, докторша продолжила.

— Короче, так. По словам Митрича, деревня эта успела уже нашуметь на весь колледж. Все группы, которые вышли этим порталом, кроме нашей, легли в полном составе. Ор стоит до небес, почти все тренера «очкуют», как он сказал, вести свои группы в локацию и «дрючат» их на спортивных площадках в колледже. Те группы, что успели пойти в локацию и выйти другими порталами, мелко крестятся от счастья, и выходить не торопятся, намереваясь урвать от такого счастья по максимуму. На других выходах, по слухам, все нормально, mobs посильные, и игроки если и сливаются, то «по естественной криворукости». Опять-таки по слухам, руководство колледжа уже успело здорово «посраться» с разработчиками локации, но «альтовцы» стоят мертво, свой косяк не признают и претензий не принимают — все, дескать, в пределах игровых возможностей.

Наш «сапог», как услышал, что мы отношения со старостой наладили, возбудился как в стриптиз-клубе, и принялся орать, чтобы вы втроем не лезли, а пошли к порталу и договорились о беспрепятственном проходе остальных членов группы. Данж, дескать, надо проходить в полном составе, чтобы сыгранность перед недельным испытанием наработать. А они там все будут стоять на низком старте, и получив от нас «добро», будут прыгать через портал, пока в нужную деревню не попадут. Все равно, мол, «очереди у портала не наблюдается, тихо, как на кладбище». А потом уже всей толпой и пойдём крыс геноцидить.

— Блин, а староста домой ускакал, обедает. Что — будем его от тарелки с супом отрывать? — расстроился Петька.

— Ну вот еще! — буркнул Тарасик. — Старосту потревожить всегда успеем, попробуем сами сперва проблему решить.

— Ну так пошли к порталу, — поднялся я.

— Пошли! — согласилась Семеновна. — Только, Оленька, подойти, пожалуйста, ко мне, посплетничаем по дороге.

***

Семеновна с Ольгой и впрямь шептались всю дорогу, причем милое личико Ольги сначала было злобным, потом непреклонным, потом озадаченным, потом расстроенным, а потом мы пришли.

— Привет, служивые! — с ходу направился к стражникам Тарасик. — Чомпе по заданию старосты уже убыл?

— Да уж полчаса как убыл, — кивнул один из стражников, чье лицо мне показалось знакомым. — А вы что приперлись? Опять голову принесли?

— Да не, мы по делу, — отозвался Тарасик. — Взяли подряд на зачистку подвалов ваших от крыс (он вытащил из рюкзака и продемонстрировал стражнику старостин ключ), но нас маловато осталось, сейчас к нам подкрепление должно прибыть. Вот и пришли проконтролировать, чтобы вы их случайно на лангет не пустили.

— Какой еще лангет[4]? — оскорбился стражник. — Мы тебе кто — демоны-людоеды, что ли?

Семеновна злобно наступила Тарасу на ногу, и милейше улыбнулась стражнику.

— Да господь с тобой, служивый! Ты его не слушай, он у нас дураковатый. А если дураковатый становится при ключе, сам знаешь, его дураковатость сразу же вдвое увеличивается.

— Это точно! — хохотнул стражник, — Вон хоть нашего интенданта взять. Дурень-дурнем, язык узлом завяжешь, пока объяснишь ему, что тебе со склада требуется. Но зато при ключе. Уж так он этот ключ любит, что, по-моему, и в сортире с ним не растается. Сидит и любится.

Стражник заливисто заржал, и, успокоившись, предложил:

— Ладно, садитесь вон там, в теньке. Портал оттуда как на ладони, если вдруг ваши полезут, сразу кричите.

Кивнув, мы отправились в тенек. Тенек — это правильно, время перевалило за полдень и жара становилась совершенно непереносимой. Не спасал даже ветерок — было полное ощущение, что сидишь под струей мощного промышленного фена.

Семеновна быстро отбила Митричу сообщение «Скачите, лошади, скачите![5]» и села в тени, отдуваясь:

— Ну и жара... Как эти маугли здесь живут? Здесь можно яйца в пыли придорожной запекать.

— Вот ты заладила со своими маугли... — отозвался я. — Ты у Киплинга что ли, ничего, кроме «Книги джунглей» не читала?

— А как их еще называть? — отмахнулась Семеновна. — Маугли — они маугли и есть. Можешь считать меня расисткой, если что.

— Да ладно тебе. Киплинг сам индусов еще хлеще называл.

— Например? — искренне заинтересовалась Семеновна.

— Например, «наполовину демонами, наполовину детьми». В своем знаменитом неполиткорректном стихотворении «Бремя белых». У нас обычно первую строфу переводят как:

Неси это гордое Бремя -

Родных сыновей пошли

На службу тебе подвластным

Народам на край земли -

На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей[6].

Хотя у Киплинга черным по белому было «half-devil and half-child».

Внезапно заинтересовался даже Тарасик:

— Фига себе он расист, оказывается. Сейчас там за такое сразу — белый билет и «стоп-лист» во все средства массовой информации. Хотя, справедливости ради, сказано очень точно. Уж я-то на них насмотрелся, они и в самом деле во многом как дети. При всей их хитрости и уме — так же, как дети, хвастаться обожают, так же на «слабо» ведутся с полпинка... Да там вообще весь набор младших классов.

— Ну, «стоп-лист» не «стоп-лист», — ответил я, — а с Киплингом англичане уже много лет и впрямь не знают, что делать. С одной стороны — расист, империалист и жутко неполиткорректный тип. Поэтому без особой надобности стараются о нем не вспоминать, ограничившись сравнительно невинными «Книгой джунглей» и знаменитой балладой «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». С другой стороны...

— Эй, демоны!!! — вдруг крикнул стражник. — Это не ваши лезут?

Судя по крикам «Ничего страшного, работаем четко, как на тренировке!» и «Что ты замер, баран, танкуй, танкуй, агро набирай!» — это были не наши. Но я, как и все остальные, на всякий случай взгляделся в лица рискнувших пришельцев.

— Не, это не наши!!! — вдруг заорал Петька. — Рубите их в капусту, дяденька, выносите к чертям собачьим!

И, снова присев на корточки, пояснил нам:

— Это Малиновский с друзьями. Он меня в девятом классе «жиртрестом» обозвал. Так что там «с другой стороны», Дмитрий Валентинович? Очень интересно, вы же знаете, я читать люблю.

Я только горловой покачал. Ольга с Семеновной хихикали, Тарасик традиционно был невозмутим. O sancta simplicitas![7] Но я продолжил свою речь, не комментируя петькино поведение.

— С другой стороны, Киплинг, как к нему не относишься, один из лучших английских поэтов, и совершенно точно — самый великий певец великой Британской империи. Той самой, над которой никогда не заходило солнце. Никто лучше его не воспел Империю и уже не воспет. Поэтому, сколько я знаю, пусть не афишируя — британцы его и читают, и помнят. Как может англичанин, например, позабыть эти строки?

Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солона
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками — и все не сыт.
Если жизнью надо платить за власть -
Господи, счет покрыт!
Поднимает здесь любой прилив
Доски умерших кораблей,
Оставляет здесь любой отлив

Мертвецов на сырой земле -
Выплывают они на прибрежный песок
Из глухих пропастей дна.
Если жизнью надо платить за власть -
Господи, жизнью платить за власть! -
Мы заплатили сполна!

Нам кормить наше море тысячи лет
И в грядущем, как в старину.
Нам, давным-давно пошедшим на дно,
Или вам, идущим ко дну,-
Всем лежать среди снастей своих кораблей,
Среди останков своих бригантин.
Если жизнью надо платить за власть -
Господи, жизнью платить за власть,
Господи, собственной жизнью за власть! -
Каждый из нас властелин![8]

Едва я дочитал, повисла пауза. Потом Тарасик тряхнул головой, словно стряхивая наваждение, и сказал с восхищением:

— Круто! Реально круто! Это откуда? Я хочу в оригинале почитать.

— Это отрывок из его знаменитой «Песни мертвых», самого таинственного, наверное, его стихотворения. Там в небольшой, в общем-то, балладе трижды ломается размер и ритм. Прочти, причем обязательно полностью прочти. В этом небольшом стихотворении поместилась вся имперская Британия.

— Эй, демоны!!! Тут скелеты полезли — ваши?

На сей раз и вглядываться не пришлось.

— Наши, это наши, не трогайте — заполошно орали все.

***

Убитая часть нашей банды прибыла в полном составе — Митрич, Сергеевна, Андрюшка и Татьяна с Патриком. Патрик, кстати, обзавелась новым щитом — не таким зеркальным, как прежний, но зато заметно массивнее.

— Откуда обновка? — кивнув, поинтересовался я.

— Ну так мы тоже не в носу ковырялись, пока вы здесь подвиги совершали. Девочки, кстати, молодцы, в паре работают просто изумительно. А Аглая, кстати, танкует уже практически профессионально — у нее явный талант к этому делу.

Патрик, как и все рыжие, очень быстро покраснела, вот и сейчас мгновенно стала просто пунцовой. Но Митрич, не замечая этого, продолжал тараторить:

— Второй раз мы удачно зашли, местных у портала вообще никого не было, одни дикие животные. Вот девчата и порезвились, вот и выбили кругляш. Правда, моба долго ковыряли, но тут уж ничего не поделаешь, Тарасика с его шарами и дамагом нам явно не хватало. А вы как? Ну, рассказывайте, и трофеи показывайте, делиться будем. Господь сказал делиться и амеба разделилась надвое, гы-гы-гы...

Семеновна поморщилась, но довольно быстро изложила все наши приключения.

Митрич, дослушав, покачал головой.

— Не нравится мне этот крысиный данж, совсем не нравится. Вы же знаете — у меня чуйка хорошая. Так вот она мне сейчас просто в ухо орет: «Митрич, — орет, — мамой

клянусь, ждет вас там сюрприз!». В общем, хорошо, что вы нас дождались. Давайте шмутки делить!

— А что там делить? — как будто передразнивая подругу, подняла бровь Семеновна, — Зелья сейчас раскидаем поровну по потребностям, грабли уже ольгины персональные. Кирасу — Патрику, кинжал — Татьяне, «Берсеркера» — Тарасу. Другие предложения есть? Других предложений не было.

— Ну тогда собираемся и идеи в этот подвал загаженный. Еще только дератизаторами[9] мы не работали. Ох-хо-хо, грехи наши....

— Ой, да ладно тебе «не работали», — прервал ее Митрич. — Расскажи мне еще, что в твоей больнице ни разу крыс не травили. У каждого из нас этот грех геноцида на совести, а то и не один. Как там умный человек говорил? «Мы убивали и убивали; мы убивали хитро, ибо прожитые годы научили нас делать свое дело не спеша, но быстро»[10].

— Это Лондон! — вдруг сказал Пара.

— Да, — согласился Митрич. — Лондон. А ты, я смотрю, шарить. Не врешь, что читать любишь.

— Слушайте, — ядовито вступила в разговор Снежная королева, — я не знаю, Лондон там у вас, Токио или Мехико, но мы пришли.

— Пришли — открывай! Открыл — наливай! — мгновенно среагировал Митрич. — Где там Тарас с ключом?

***

Дверь скрипнула и мы аккуратно, по одному просочились внутрь. К моему удивлению, никакого портала, знаменующего собой вход в данж, внутри не было. Был обычный вход в подвал, часто именуемый «предбанником» или «тамбуром» — с массивными щербатыми ступенями, паутиной под потолком, затхлым воздухом и особой подвальной прохладой.

Митрич несколько раз шумно втянул втянул воздух и авторитетно заявил:

— Бочковыми огурцами пахнет, зуб даю. Правда, уже подгнили немного, доедать надо, а то пропадут. Эх, сейчас бы бочковые огурцы, плюс капуста из-под гнета — да под ледяную водочку!

Я рефлексивно сглотнул слюну.

— Я тебе сейчас дам — «под водочку»! — пообещала Семеновна. — Ты у меня сейчас с крышкой от бочки вместо щита по всему прыгать будешь, синий алканавт с планеты Аватар.

— Меня нельзя, я у вас рейд-лидер! — заявил Митрич, но на всякий случай спрятался за Петьку. — Да ладно тебе, Нин, шучу я, не видно, что ли?

— Иди уж, господин Жванецкий-Петросян! — Семеновна беззлобно махнула рукой.

— Иду, но не я! — парировал Митрич. — Патрик, открывай дверь, остальные — страхуем танка!

А вот за второй дверью нас и ждал пресловутый вход в данж в комплекте с сюрпризом. Сначала перед глазами у всех появилась надпись:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, ДОРОГИЕ ВЫПУСКНИКИ И УВАЖАЕМЫЕ ТРЕНИ ЗАПРОС КОМПЛЕКТНОСТИ, ОЖИДАЙТЕ... ГРУППА НОМЕР 25, КОМПЛЕКТНОСТИ ГРУППЫ — ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ. ВНИМАНИЕ! ВЫ ГОТОВЫ ПРОЙТИ ФИНАЛЬ ИСПЫТАНИЕ ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ? ДА/НЕТ. ЭТО ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ИЗ ТРЕХ СЛУЧАЙ УСПЕХА ВЫ ПОЛУЧИТЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ БОНУС ЗА ПЕРВОЕ ПРОХОЖДЕНИЕ В ПОТОКЕ. ПРОХОЖДЕНИЕ АВТОНОМНОЕ, ПОДСКАЗКИ ЗАПРЕЩЕНЫ, ПОСЛЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ТРЕНЕРСКИЙ СОСТАВ БУДЕТ ПЕРЕНЕС

КОМНАТУ НАБЛЮДЕНИЯ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ КОМАНДИРА ГРУППЫ.

— Жми, Тарас! — голос Митрича прозвучал глухо и эхом отразился от стен.

[1] Староста не врет. И Семеновна не врет. Ганеша действительно имеет самое прямое отношение к слонам: этот бог мудрости и благополучия обычно изображается в виде человека с головой слона. По легенде, однажды Ганеша не пускал своего одержимого похотью отца Шиву к своей матери Парвати. Разгневанный папаша оторвал отпрыску голову и забросил ее так далеко, что никто из слуг так и не смог ее найти. Пришлось заменить ее головой слоненка, который, на свою беду, слонялся неподалеку. Но и к крысам Ганеша тоже имеет самое прямое отношение. Однажды Ганеша сражался с великаном Гаджамукхой и никак не мог его одолеть. Тогда он отломил свой бивень (поэтому Ганешу всегда изображают только с одним бивнем) и бросил его в противника. Волшебный бивень превратил Гаджамукху в крысу, которая и стала ваханой Ганеши.

[2] Самый точный перевод индуистского понятия «вахана» — «уникальный маунт». Каждый из индуистских божеств имеет свое неповторимое верховое животное (а иногда и не животное), на котором только он и ездит. У Ганеши это крыса, у его отца Шивы — белый бык Нанди, у Брахмы — лебедь, у Вишну — мифическое существо Гаруда, наполовину птица, наполовину человек, другие божества ездят на черепахах, антилопах, собаках, попугаях, змеях, мангустях, павлинах, котах, крокодилах — в общем, полное разнообразие. Часто маунты — именные: тигр Манаштхала, сова Улука, павлин Парвани, белый конь Уччайхшравас и т. п.

[3] Начальные строчки песни «Розовый слон» из кинофильма «Боба и слон». Стихи известного поэта Глеба Горбовского, музыка великолепного джазового композитора Станислава Пожлакова. Откуда ее знает староста, мне неизвестно.

[4] Лангет — мясное блюдо, представляющее из себя узкий тонкий ломтик жареного мяса, на вид похожий на язык. Название происходит на основе словосочетания в французском языке «*languette de boeuf*», что дословно значит «язычок из мяса». В общем, это очень вкусно.

[5] Парафраз известной песни «Летите, голуби, летите» из кинофильма «Мы за мир». Музыка И. Дунаевского, слова М. Матусовского.

[6] Перевод А.Сергеева.

[7] «О, святая простота!» (лат.)

[8] Перевод Н.Голя.

[9] Дератизация (фр. *dératisation* — дословно «уничтожение крыс») — различные меры по уничтожению грызунов, от невинных мышеловок до масштабного травления газами.

[10] Цитата из рассказа Джека Лондона «Лига стариков».

***

— Прямо вот так сразу? — засомневался Плюха. — А всякие инструкции? Или там советы, напутствия разные?

— Какие вам еще напутствия? — заухмылялся Митрич — Скатертью по попе? Если серьезно — не спешите. Это самое главное. Думайте и не суетитесь. Все, валите.

Дальше Тарас, похоже, нажал кнопку, потому что нас перебросило в какую-то комнату вполне современного вида — с мониторами, пультами управления и прочими широкоформатными экранами. Светлана удивленно приподняла бровь, а Андрюшка, как истинное дитя электронного века, тут же начал щелкать кнопками и клацать манипуляторами.

— Ты смотри, как здесь все круто устроено! — восхитился он через пару минут. — Я думал, здесь только прямая трансляция будет, а тут можно даже все параметры каждого участника пати отслеживать в прямом эфире.

Наши подопечные еще так и стояли в предбаннике, а Андрюшка уже лихо прощелкивал каждого, демонстрируя то урон, то защиту, то степень прокачки каждого навыка.

— Блин, ты смотри, тут еще можно в прямом эфире с ними общаться, хочешь — по «громкой», хочешь — в приватном канале. — восхитился уже подключившийся к Андрюшке Митрич. — Не комната, а мечта тренера. Никуда ходить не надо, ноги бить по данжам не надо, сидишь себе и командуешь: «Татьяна, почаще «круговым ударом» поработай, тебе совсем немного до второго уровня умения осталось...». Жалко, что сейчас все заблокировано, «в связи с автономностью прохождения».

— Слушай, ты, легенда ДЮСШ[1], хватит уже свою тренерскую квалификацию демонстрировать, здесь все свои, — вмешалась Семеновна, плюхнувшись на мягкий диванчик. — Включи лучше большой экран, хоть посмотрим, что там дети делают.

— Э-э-э... — завис на секунду Митрич, но тут же нашелся. — Андрюх, включи диванным аналитикам телевизор, а то я тут малость занят.

Экран загорелся, но ничего интересного в трансляции не показывали — наша команда медленно и настороженно двигалась по коридору.

— Не нравится мне все это... — опять завела привычную пластинку Семеновна, которая сегодня не менее привычно пребывала не в лучшем настроении. — Что-то опять везет нам как-то подозрительно. Скажем честно: тренеры из нас как из собачьего хвоста — плюмаж на шляпу, команда у нас тоже не самая лучшая, мягко говоря, а ишь ты, глядишь ты! И в деревне этой единственные выжили, и вот теперь испытание первыми проходим. С чего это нам такие милости? Очень подозрительно.

— Да брось ты, Нин, — не согласилась с подругой Сергеевна. — В деревне мы выжили, во-первых, не все, а во-вторых, мы просто первыми сюда попали. Поэтому вместо приготовившейся к избиению демонов стражи встретили только одного испуганного аборигена. Вот и повезло удрать. С Якшей, по вашим рассказам, тоже фора была — вам не пришлось издалека к нему подходить под обстрелом, да и в драке он без меча оказался. Да и с испытанием мы не первые. Вспомни, что староста сказал — они одну команду сюда уже запускали, вот только те, похоже, слились, поэтому и не афишируют свое «первородство».

Ну так и не факт, что наши их достижение не повторят!

— Типун тебе на язык! — злобно зыркнула глазом суеверная Семеновна, и отработанным движением поплевала через плечо, постучав при этом по столу. — Вон, смотри!

И впрямь, наши питомцы наконец-то начали боевые действия. В коридор просочились первые крысы, довольно-таки откормленные, кстати, — размером с крупную кошку. Угрозы для выпускников они, тем не менее, пока не представляли. Выдвинувшиеся вперед боевые мечницы убивали их с первого удара, а Тарасику с Петькой так и не пришлось вступить в бой.

— А меня другое заботит, — вступил в беседу я. — Вам не кажется, что неписи здесь какие-то слишком умные? Что демон, что староста по сравнению с Цитамолом — даже не профессора, а какие-то академики! Я вообще никаких отличий от людей не вижу.

— Ну и правильно не видишь — парировала Светлана. — Я тут посмотрела информацию. Про выпускной в «Лиге молодых львов» ходят самые невероятные слухи. Говорят, что счастливые родители скидываются на Турнир столь обильно, что денег более чем достаточно для того, чтобы нанять живых людей отыгрывать ключевых неписей. Так что, думаю, и старосту, и уж тем более демона «водят» и озвучивают наши с вами коллеги-наемники.

— Сама ты наемница! — оскорбился Митрич. — А я никогда наемником не был, и на старости лет им становиться не собираюсь!

— Ну ладно, ладно! — пошла на попятную наша мегера. — Слово неудачное употребила. «Сторонние специалисты» тебя устроят?

— Устроят, — буркнул Митрич. — Вон, лучше посмотри, что там у наших творится. «Наши» громко препирались у двери, которой закончился коридор.

— А я тебе говорю, овца, на шаг левее встань. Что ты мне постоянно под руку лезешь? Ты, блин, допросишься — я тебе однажды так по твоей башке тупой приложу, что даже до тебя дойдет, что не надо другим в бою мешать.

— Ох, блин, в бою ей мешают! Ветеран, мля, всех битв российской истории! Тебе как там корона валькирии — не жмет?

— Слушайте, да вы уже достали! — не выдержала обычно молчаливая Патрик. — А ничего, что у нас вообще-то испытание идет? И у нас есть реальный шанс первыми во всем выпуске его пройти? Но вам, конечно, между собой разобраться важнее. Вы, кроме как о себе любимой, вообще о чем-то можете думать?

— О, блин, раздался голос из «секонд-хэнда», — оскорбилась Ольга. — Ты вообще ничего не попутала? Учить она меня еще будет... А ничего, что это я тебя к нам позвала, а не ты меня в команду пригласила? Это ты у меня деньги взяла, а не я у тебя — и не забывай этого, нищобродка! Твой номер здесь последний, тебе слова пока не давали!

Рыжая едва сдержалась. С большим трудом — но все-таки сдержалась. А вот Петька не выдержал, и влез в разгорающийся срач.

— Меня ты тоже деньгами попрекать будешь? — поинтересовался он. — Так я у тебя ни копейки не брал. А меня ваше цапанье тоже уже достало. Можно хотя бы во время прохождения от наездов воздержаться?

— Петенька... — елейным голосом протянула Ольга. — Ах, Петюнчик ты миленький! Петюшечка ты замечательная! Петюлечка ты дорогая![2] Тебе одного раза за сегодня мало было, да? Тебе еще надо? Так я тебе устрою!

После этой реплики началось уже что-то совсем непотребное. Все наши выпускники кричали, визжали, тыкали друг в друга пальцами и обвиняюще орали.

— Ну все, сливайте воду, — мрачно прокомментировала происходящее Семеновна. — Прошли данж, называется.

— Плохо, но не смертельно, — возразила Светлана. — Все равно этот нарыв рано или поздно должен быть прорваться. Плохо, конечно, что он сейчас прорвался, но лучше сейчас, чем в зале с рейд-боссом. Здесь их, по крайней мере, никто не съест в пылу полемики.

— На самом деле сейчас выяснится главное, — сообщил очевидное Товариш капитан, — или Тарас разрулит конфликт, или я ошибся в выборе командира, и тогда они с гарантией даже первого испытания не пройдут.

И Либерман-недавний как будто услышал его. Во всеобщем оре неожиданно наступила небольшая пауза, и вот здесь-то и успел вклиниться Тарас. Он не кричал, а говорил спокойным, даже скорее тихим голосом, и это было очень правильное решение. Крик не поможет, когда все орут, а вот негромкую реплику могут и услышать — на контрасте.

— Значит, так. Вы можете считать меня командиром, можете не считать — мне пофиг. Но права на управление группой сейчас у меня. Если вам интересно — могу рассказать, как я ими распоряжусь.

Все замолчали и посмотрели на Тараса.

— Мы проходим данж, — зачем-то сообщил всем жадина. — И мне лично, раз уж я связался в это дело, очень жаль упускать плюшки, которые можно получить за первое прохождение и дополнительные очки, которые получит команда за то, что мы сдадим недельное испытание первыми. Получить все это мне хочется гораздо больше, чем выяснять с вами всеми отношения. Сначала бизнес, потом удовольствие. Возможно, у кого-нибудь другие приоритеты, и он не может отложить выяснение отношений на потом. Тогда будьте честны с компаньонами — выйдите из группы. Оставшимся будет труднее, но все-таки будут теоретические шансы на прохождение. А так, как сейчас — вообще без шансов. Я жду тридцать секунд.

Секунды тикали, мы напряглись, лицо Тарасика было бесстрастным.

— Время вышло, никто кнопку не нажал. Тогда слушайте меня. Дальше мы пойдем по-другому. Сергей Дмитриевич тогда правильно сказал — кто-то один должен принимать решения. Поскольку доступ к функционалу только у меня, решения принимать буду я. Если кто-то устроит скандал или оскорбит других членов команды до конца прохождения — я его выкину из группы. После прохождения — хоть поубивайте друг друга, мне плевать. Давайте разводить работу и личную жизнь. Дальше — Татьяна, при схватках действительно вставай на шаг левее, ты и впрямь ольгин сектор перекрываешь, ей граблями орудовать неудобно — постоянно боится тебя зацепить.

Дальше — те пасюки[3], что встречались нам до сих пор могли завалить в лучшем случае ленивого кота, но не группу, пусть даже слабую. Скорее всего, то, что отправило пятерых наших однокурсников на перерождение, находится за этой дверью. Поэтому давайте еще раз прикинем тактику. Экипировка у нас лучше всего у Патрика и Ольги. Особенно у Ольги, эти грабли с девятью зубцами — реально вундервафля. Нам бы еще парочку таких — мы бы всех на флаг порвали. Поэтому первым заходит Патрик, Ольга сразу за ней, и сразу страуешь. Потому что у Аглаи защита хорошая, а дамаг — никакой. Блин, плохо, что мы на Петьку так ничего толкового и не выбили, кроме того колечка. Паре бы шмутки получше, мы бы вообще горяне знали. Ну что — пошли?

— Да ладно тебе, — ответила Татьяна, — Можно подумать, мы себя лучше вели. Если бы не Плюха — все вайпнулись бы. Вы, кстати, заметили, что основная масса Петьку атаковала, на нас всех — по двое-трое крыс спикировало, а на него — целая банда? Они, похоже, надрессированы сразу хиллов выбивать. А без хила всей группе звезда. Отравление подвезят — и мама не горюй. Я думаю, та группа здесь и легла.

— Ну, кстати, без Петьки, конечно, было бы фигово, но не факт что обязательно слились бы, — заспорил Тарас. — У вас-то хилки никуда не делись.

— Если бы, да кабы... — протянула Татьяна. — Ты вон луг бы лучше собрал, интересно, что за этих гадов дадут.

Тарас послушно поднялся и обошел поверженных врагов, простирая над каждым ладонь. Потом скорчил гримасу и сообщил:

— Вообще ничего, только хвосты. Десять хвостов от крыс в коридоре, и двадцать пять хвостов — здесь. Не нравятся мне эти круглые цифры. Ладно, что сидеть, пошли дальше?

Выход из пещеры с летучими гадами был с другой стороны зала через точно такую же дверь. Никаких заначек, кладов и прочих сундуков с сокровищами в зале не обнаружилось, к немалому расстройству Тараса, а за дверью был точно такой же коридор, в котором опять пришлось прикончить десять крупных крыс.

И вот — следующая дверь.

— Патрик, ты это... — начал Тарас. — Ты поаккуратнее там.

— Да ладно, не бойсь, максимум — поору еще раз, — улыбнулась рыжая и ускользнула за дверь. Крика не последовало.

В дверь прошмыгнула Ольга, потом Петька... Вскоре вся пятерка стояла за дверью, обнажив оружие и готовая к нападению. Но его все не было и не было.

— Двигаемся вперед — скомандовал Тарас. И стоило команде пересечь какую-то незримую какую-то незримую черту, как в зале загорелся свет, и со всех четырех сторон к ощетинившейся оружием группе двинулись крысы.

Эти были гораздо больше, с овчарку размером. Правда, выглядели они неважно — шерсть кое-где шла проплешинами, как при лишае, глаза слезились и капала слюна.

— Бегом, к стене! — закричал Тарас, — Спиной к стене станем, главное — не дать себя окружить!

— Ага! — крикнула Ольга. — Ну их нафиг, вдруг они бешеные...

Они успели. На черте, но успели. Честно говоря, спасло их только то, что и двигались большие крысы как-то неторопливо и неуверенно.

В комнате наблюдения Митрич быстро пересчитал на мониторе нападавших крыс, и буркнул:

— Опять — двадцать пять[4].

— Два по десять и два по двадцать пять — семьдесят получается — быстро прикинула Светлана. — Если третий зал будет последний, то десять по дороге и двадцать в зале.

— Ох, не считала бы ты хвостики неубитых крыс... — буркнул суеверный Митрич. И как в воду глядел.

То, что с большими крысами что-то неладно, стало понятно уже через пару минут. Сначала все обратили внимание, что и эти крысы тоже рвались к Петьке. Казалось, кроме толстенького книгочоя, никто их всерьез больше не интересуется — на остальных они толком и не агривались. Даже Патрик не привлекала их внимания, несмотря на все свои танковские абилки. А вот добратся до петькиного горлышка они рвались всерьез, готовые ради

вожделенной цели и жизнь отдать. На открытой местности все могло бы кончиться печально, но у стенки троих мечниц вполне хватило, чтобы плотно перекрыть все подступы к хилу. Крысы обступили группу плотным полукольцом, но никакого серьезного вреда причинить не могли, ибо участь основной массы была незавидна: или мешать друг другу в первых рядах, или толпиться во второй линии за спинами своего авангарда. Впрочем, странности на этом не закончились — повышенное внимание к хилу было только первым звончком, второй прозвенел буквально через пару минут:

— Не могу понять, — закричала Ольга, — они что, бессмертные что ли? Я по этой с черным ухом три полноценных удара провела. Она не то что не померла — даже в оранжевый сектор не свалилась.

— Точно, такая же фигня! — тут же откликнулась Татьяна — Бью ее, бью, а она только глазками лупает.

Меж тем в комнате тренеров Митрич с Андрюшкой всерьез встревожились, и принялись щелкать кнопками.

— Блин, больные-то они больные, а помирать не торопятся. Сколько же у них урона режется-то, интересно мне?

— Я посчитал, дядя Сережа. Восемьдесят процентов.

— Сколько?

— Восемьдесят.

— Перепроверил?

— Да.

— Тогда нашим капец, — убитым голосом сказал Митрич. — Раньше или позже, но они сольются.

— Дядя Сережа, но зато у крыс этих дебильных и дамаг копеечный, они девчонкам урона почти не наносят.

— Это ничего не меняет. — махнул рукой Митрич. — Просто сольются позже.

Вскоре и осажденные заподозрили неладное.

— Слушайте, — заявила Татьяна безапелляционным тоном, — а ведь мы сливаемся. Мы еще ни одной крысы не завалили, и, похоже, не завалим. Они, как до оранжевого сектора доходят, сразу с передовой сваливают — отлечиваться в тылу. А на их место свеженькая крыска приходит.

— Ну так и они у нас никого не завалили и не завалят — легкомысленно заявил Петька. — Тарас хоть из-за вашей спины в них пуляется, а мне реально делать нечего. Самый скучный бой, честное слово!

— Да, только мы через час устанем, — объяснила Татьяна ласково, как несмышленому дошкольнику, — А им пофиг. Они мобы, они железные, как роботы.

— Так что нам тогда делать? — грустно поинтересовался Петька.

— Воевать дальше — философски пожал плечами Тарасик. — Не в плен же к ним сдаваться. Может, за час что и изменится?

Прошла примерно четверть часа, но ничего не поменялось. Крысы по-прежнему пытались прорваться к Петьке, девчонки по-прежнему пресекали эти попытки на корню, хотя и заметно устали. Волосы под шлемами липли к вспотевшим лбам, барышни тяжело дышали, а их удары уже не были такими быстрыми и сильными.

— Слушайте, но анреал же! — не выдержала Ольга. — Сливаемся, конкретно сливаемся!

И она, лихо крутанув граблями в воздухе, подцепила одну из нападавших крыс снизу, после чего, поднатужившись, хоккейным ударом отправила ее в стенку. Та, впрочем, только пискнула, шлепнулась на пол, и, мимоходом почесавшись, не торопясь потрусила обратно к месту схватки. А ее место давно уже заняла свеженькая воительница.

— Давайте что-нибудь делать, проиграем же! — не унималась Ольга.

— У тебя есть конкретные предложения? — невозмутимо поинтересовался Тарас, отправляя в полет очередной огненный шар.

— Ну-у-у-у... — задумалась носительница тазика на голове. А потом, просияв, заявила — Есть!

Судя по всему, идея, пришедшая ей в голову, показалась ей настолько привлекательной, что она просто пританцовывала от нетерпения, объясняя.

- А давайте одну крысу всей толпой завалим? Смотрите — я ее с размаху бью сверху, есть у меня абилка «проникающий удар», кастуется только долго. Потом держу ее граблями, а девчонки шинкуют ее с двух сторон. Ты, Тарас, лупишь самыми суровыми заклами, а ты, Петька... У тебя же тоже атакующее заклинание должно быть?

— Ну, есть, — солидно отозвался Петька — «Луч Света». Только он слабенький совсем.

— Пофиг. Ты, значит, гасишь ее Лучом Света. Впятером-то мы ее должны завалить!

— Хм... — изрек Тарас. — А может и сработать. Давайте попробуем. Только ты похилее кого-нибудь найди.

— А вот эту барышню давай — кивнула перед собой Ольга. Там неумело пыталась прогрызть ее ботинок маленькая, в сравнении с другими, крыса с черными ушками и изрядными проплешинами. — У нее уже почти двадцать процентов сбито. Готовы? Я кастую!

И Ольга, помедлив секунд тридцать, с размаху залудила бедолаге граблями по шее. Тут же слева и справа по крысе начали работать Патрик с Татьяной. Тарас, не останавливаясь, метал один фэйрболл за другим и даже Петька что-то выжигал на ее облезлой шкурке белым лучом. Здоровье крысы довольно быстро поползло вниз, но тут она запищала совсем уже пронзительно, скорее даже заплакала, чем запищала. Тут у со всеми остальными крысами произошла неожиданная перемена. Дравшиеся до этого неторопливо и даже вальяжно, они вдруг мгновенно ускорились. Казалось, что благородная ярость вскипела, как волна, и крысы ринулись в атаку, словно в последний решительный бой.

Пришлось бросать недобитка и отчаянно отбиваться, иначе бы крысы точно прорвались к Петьке. А подранок, обиженно повизгивая, выбралась из схватки, и, усевшись неподалеку, принялась зализывать рассеченную лапку, словно дворняга какая.

Крысиный порыв, впрочем, иссяк так же быстро, как и возник, и все вновь вернулось к неспешному позиционному противостоянию с печальными для наших воспитанников перспективами:

— Не прокатило, — с сожалением констатировал Тарас. — Хреново.

— Может, еще раз попробуем? — предложила Ольга.

— Ты что — реальная дура? — немедленно отозвалась Татьяна. — А смысл какой? Там же явная способность включается. Ты умеешь толпу разъяренных крыс останавливать?

— Тань, базар фильтруй! — тут же одернул ее Тарас. — Договаривались же, пока в данже — без наездов.

— Сорян, — кивнула головой в знак согласия дочь опального чиновника — Была неправa, наезд прошу считать аннулированным.

— Но вообще по сути ты права, — покачал головой Тарас. — Идея была перспективной, но не сработала. Еще мысли есть, как нам не слиться? Иначе, боюсь, минут через двадцать мы пойдем на крысиный корм. Здоровья у всех полно, но вот бодрости у меня десять процентов осталось. У вас, как я вижу, дела обстоят не лучше. Кроме Петьки, конечно, тот от безделья бодр, весел и игрив, как морской лев на Командорских островах.

— Договорились же — без наездов, а ты сам начинаешь... — начал было возмущаться Петька, но тут же изменился в лице и закричал, — Стоп! Да стойте вы! Смотрите, уходит! Правда, уходит! Сваливает она!!! Ура!!! Все!!! Спасены!!

Все недоуменно уставились на хилера.

— Да вон же, вон, у стены. Видите? Сваливает она.

Все уставились в направлении, куда невоспитанно тыкал грязный петькин палец и успели заметить мелькнувший хвост крысы, юркнувшей в нору изрядных размеров.

— Ничего не понял — выразил общее мнение Тарас. — Ты можешь толком объяснить, что случилось?

— Ну, это... — замялся Петька. — Это крыса, которую мы загасить пытались. Я, короче... Я это... Я ее полечил, в общем.

— Что ты с ней сделал? — не поверив своим ушам, переспросила Ольга.

— Вылечил, — убитым голосом поправился Петька. — Понимаете, она такая несчастная была, так пищала — как будто плакала. Ну я и кастанул на нее лечение, пока здоровье в норму не пришло. А что? Все равно же мне делать нечего.

— То есть ты вылечил недобитую крысу, чтобы она снова пошла нас гасить, я тебя правильно поняла? — не унималась Ольга.

— Ну... Да. — сознался Петька.

— Зачем? — льда в голосе Ольги хватило бы на пару хладокомбинатов средней мощности.

— Жалко было — покраснев, признался Петька.

— погоди, Оль, — вмешался в разговор Тарас. — Ну вылечил ты ее. И что?

— Так я же и говорю! — мигом воспрял духом Петька. — Как только я ее вылечил, она сразу развернулась и ушла.

— Интересно! — признался Тарас, сдвинул чалму на лоб и почесал затылок. — А ну отлечи еще одну!

— Да я как раз собирался... — начал Петька.

— Лечи!!! — хором заорали все.

Эксперимент прошел более чем успешно — излеченный от парши пасюк благодарно вильнул хвостом и с достоинством удалился.

— Так вот зачем здесь собрали этих калечных и уродцев! — ликовал Тарас. — Если бы не петькина дурь безразмерная, сроду бы не врубился!

— Если бы не петино доброе сердце — подчеркнуто артикулируя последние слова, заявила Татьяна, — я бы тоже не догадалась.

— А я что, спорю? И от дури польза бывает. Тань, Оль, у вас хилки есть, быстро подключайтесь! Будете сестрами милосердия. Петька, у тебя с банками на ману как? Просто мы долго этих рвущихся к доктору пациентов сдерживать не сможем.

— Маненько еще есть! — горделиво ответил всеобщий спаситель.

***

Через сорок минут все в изнеможении попадали на землю — бой во втором зале дался

всем исключительно тяжело. У Петьки из-за запредельных нагрузок носом пошла кровь, паладинши выглядели не намного лучше. В довершение всего три крысы наотрез отказались уходить, сколько их не лечили. Впрочем, они с самого начала не выглядели особо больными.

— Рожи у пасюков типично симулянтские — со знанием дела прокомментировал у монитора ликующий Митрич. — Я-то уж на них насмотрелся! Приходилось объяснять — на каждую хитрую... Кхе-кхе... В общем, приходилось объяснять, что они в корне неправы.

Симулянтов пришлось наказывать «по законам военного времени». Били их всей толпой, били долго и едва-едва отправили на тот свет, причем никакой ярости при падении здоровья больше не включалось. Очевидно, эти три особи с самого начала предназначались на убой.

Тарас, едва стоящий на ногах, лутанул тела и получил три хвоста и три ключа.

— Ключи, похоже, квестовые, — заявил он, осмотрев добычу. — Ничего не написано. А теперь отдыхаем до упора, пока полностью не восстановимся.

[1] ДЮСШ — детско-юношеская спортивная школа. Придуманный в СССР вид образовательного учреждения, призванный готовить юных спортсменов. Система спортивного отбора через сеть ДЮСШ оказалась очень эффективной, и, возможно именно поэтому ДЮСШ пережили Советский Союз и существуют и сегодня.

[2] Здесь автор явно обнаглел и занялся прямым воровством у Льва Давыдычева.

[3] Пасюк или серая крыса — самая распространенная в мире порода крыс, ныне живущая уже на всех континентах земного шара.

[4] Несмотря на то, что фраза «опять двадцать пять» стала в русском языке фразеологизмом, синонимом выражений типа «снова здорово», никакого смыслового выражения она не имеет. Просто удачная рифма.

***

Но сразу же отдохнуть не получилось. Потому что сразу же после сбора лута появилась надпись:

ВНИМАНИЕ! ЗА УСПЕШНОЕ ПРОХОЖДЕНИЕ ЗАЛА ВТОРОЙ КАТЕГОРИИ СЛОЖНОСТИ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ПРИЗ — 3 °СЕКУНД ОБЩЕНИЯ С ТРЕНЕРАМИ!

Чего?! Э-э-э... Пока мы судорожно соображали, что же сказать своим питомцам и зачем нам вообще связь с ними, вперед выступила Светлана в своих «котобазильско-джоноленновских» очках и четко произнесла:

— Тарас, стена на которую ты смотришь, четвертый ряд кирпичей снизу, где-то примерно на два часа тридцать минут, то есть близко к правой стене — тайник. В предыдущем зале, если вдруг пустит, как заходите, стена справа, почти под потолком, второй или третий кирпичный ряд сверху, в правом углу — был тайник. Вы молодцы, идете хорошо. Главное — думайте. Не спешите, и хорошо подумайте. Этот данж не на тупое прохождение, не на сыгранность и не на силу. Здесь в каждом зале — сюрпризы. Смотрите сами: если ситуация тупиковая — вы что-то не учли или сделали не так. Все, время вышло, удачи вам!

Практически одновременно с последним словом Светы блямкнул таймер. Премияльный сеанс связи закончился.

Наши подопечные сразу же загалдели, ну а в нашей «тренерской» только Митрич молча показал Светлане большой палец и благодарно кивнул. Та улыбнулась в ответ.

Дети, естественно, уже вовсю ковыряли кирпичи. Минут через пять один из них, наконец, поддался, и, сыграв туш и помигав огоньками, вывалился из стены. Стоявшая ближе всех Ольга тут же сунула руку в образовавшееся отверстие и вытянула свиток. Потом опять засунула руку, тщательно все обшарила, не забыв и про «потолок» маленькой ниши. И молча покачала головой — ничего.

Все сгрудились, рассматривая свиток. Свиток был вполне традиционным, фэнтезийным, с лаконичной надписью: «Умение «УМЕНЬШЕНИЕ». Уникальное. Только для боевых магов».

Ольга протянула свиток:

— На, Плюха, взламывай печать!

Командир довольно улыбнулся:

— Ну вот, третье умение подвалило. Шикардос!

Тут же печать была сломана, и Тараса на секунду окутало какой-то синеватой дымкой. По отрешенному лицу командира было понятно, что он читает описание умения.

— Ерунда какая-то, — разочарованно сказал он. — На первом уровне развития умения я могу на минуту уменьшиться до пятисантиметровой высоты. Нафига это надо? В замочные скважины пролезать? Так не пролезешь, пять сантиметров — это довольно много.

Ага — жизнерадостно ответил Петька. — Это ты у нас примерно как мальчик с пальчик получаешься. Не туда и не сюда.

— Вот-вот, — мрачно сказал Тарас. — А жрет половину всей моей маны. И откат — сутки. Лучше бы боевое заклинание какое дали.

— Да ладно тебе, дареному коню в зубы не смотрят. Может, и пригодится как-нибудь. А я, кстати, свою лечилку на крысах до второго уровня прокачал. Надо теперь с вас деньги брать — за лечение повышенной эффективности. — Петька засмеялся. Он по-прежнему был настроен оптимистично и жизнерадостно.

Но Тарас веселья не поддержал:

— Пошли в предыдущий зал сходим, посмотрим, что там в тайнике.

Увы, но данж оказался улицей с односторонним движением. Дверь, через которую ребята вошли в зал, просто исчезла, и единственным способом покинуть зал оставалась дверь, ведущая к новым приключениям.

— Жаль, — резюмировал Тарас. — Тогда отдыхаем, пока все показатели на фулл не выйдут.

И, показывая пример, растянулся на полу, подложив чалму под голову.

***

Параметры восстановились минут за двадцать, и бравая команда вновь вышла в коридор. Практически сразу последовал писк Татьяны: «Ой, мамочка!!!». Прямо на них, набывчившись и вперив в противников маленькие красные глаза, неслась по коридору крыса размером с дога. Зато Патрик не растерялась, сделала шаг вперед и встретила переростка ударом щита сбоку. Уронить не уронила, но ошеломить удалось. Шарахнувшаяся в сторону крыса ошарашено помотала головой, и тут же получила граблями по черепу, и файерболл в ухо. Ну и понеслось!

Разобрали стероидного грызуна довольно быстро — никаких особых умений у гиперпасюка не было, кроме большого размера и задранных в связи с этим урона и защиты. Лута, к сожалению, тоже не было, кроме уже традиционного хвоста. Но радости на этом не закончились — вскоре впереди послышался уже сдвоенный цокот когтей по камню. Два дога, переодевшись крысами, впечатляют, безусловно, гораздо сильнее, чем один дог, но эффект неожиданности был уже потрачен, поэтому парочку великанокрыс встретили не призывы отсутствующих родителей, а топор, меч и грабли. Сам бой запомнился разве что тем, как Патрика уронили сдвоенным ударом двух лобастых голов. Но тут Ольга с Татьяной не сплеховали, быстро перетянули агро на себя, и дали возможность танку подняться и привести себя в чувство.

Став богаче на два хвоста, отряд двинулся дальше, но метров через двадцать был предсказуемо атакован тройкой крыс-переростков. С тремя провозились сравнительно долго, но не из-за какой-то повышенной сложности, а исключительно потому, что латные барышни после падения осторожничали — никому не хотелось при всех шлепнуться на свои красивые нижние девяносто. Когда же по коридору, толкаясь боками, побежали четверо, Митрич, оторвавшись от монитора, поинтересовался:

— Интересно, пятеро будут?

— Не будут, — не глядя, ответила Светлана. — Здесь стандарт: в коридоре десять крыс. Увеличивать поголовье не будут, чтобы не нарушать отчетности.

— Слышь, ты, нумеролог, — продолжал докапываться Митрич. — Если ты такая умная, и всех считаешь, скажи — сколько в следующей комнате будет крыс, скока они хвостов соберут?

— Сколько крыс или сколько хвостов? — ледяным тоном уточнила Светлана. — Как показывает пример с бандой больных и нищих, это разные показатели. Что же до количества противников в следующем зале — давай подождем пять минут и узнаем.

— То есть у тебя предположений нет? — не унимался охотник.

— То есть у меня слишком много вариантов, поэтому — да, нет.

Пока тренеры спорили, их подопечные тихой сапой разбирали четвертку переростков. На сей раз было не просто, и Петька без дела не стоял ни минуты. Особенно тяжело пришлось Патрику, которую грызли (в прямом смысле слова) с двух сторон. А у Ольги чуть не утащили грабли — одна из стероидных паразитов ухитрилась впиться в них зубами и тут же принялась нахраписто тянуть их к себе. Пришлось подругам впрягаться и с двух сторон охаживать собственницу по голове металлическими предметами — только тогда она с сожалением во взоре разжала челюсти. В общем, когда разобрали последнюю из агрессорш, все, мягко говоря, несколько запыхались.

— Тарас, дай пять минут передохнуть — Петька, согнувшись в поясе, оперся руками об колени и тяжело дышал. — И если там не босс, то я обижусь. У меня банки уже практически на нуле.

Там был босс. Над ее головой так и было написано: «Крыса — босс подземелья». Крыса-босс с двумя клевретами мини-боссами. Всего три крысы на весь зал, заваленный камнями. Вот только мини-боссы были размером с пони. А на босса могла взгромоздиться верхом вся наша команда, и отправиться в путь, распевая «Мы едем, едем, едем, в далекие края! [1]». Причем последний даже не соскальзывал бы с крысиного крупа.

— Хреново! — присвистнул Митрич.

— Да не то слово, — отозвалась Семеновна. — Сольют, небось?

— Да тьфу на тебя! — разозлился Митрич. — Столько упирались, чтобы сейчас слить? Типун тебе на язык!

— Вообще-то что-то странное происходит — рассеяно сказала Светлана. — Их должно было быть или две, или уже семеро. Что-то странное происходит. Что это за цифра дурацкая получается — шестьдесят один?

— И не говори, мать! — мгновенно откликнулся Митрич. — Дело, конечно, не в твоих цифрах глупых, но вот что-то странное происходит — это факт. Ведь деревня эта наша — явный, как местные говорят, баг, а не фича.

— Переведи! — потребовала Семеновна.

— Ну, это чей-то явный косяк, недоработка. Кто-то недосмотрел и все испортил, а не специально именно так изначально и задумывалось, как сейчас представители «Альтернативного мира» уверяют. Я ведь был с девками у другого телепорта — там именно то, что и должно быть на первом задании: посильные неспешные монстры, обилие мест для прокачки, неписи нам не встретились, но, подозреваю, они там будут много дружелюбнее здешних боевых маугли. Кроме того, я, пока ждали, среди тренеров потолкался — все они малость одуревши от происходящего. Никогда, говорят, такого хардкора на первом задании не было и быть не должно. Спору нет, конкурс престижный, но не так же — всех сразу под нож при трех жизнях на всю игру? Все основные игродельные принципы похерены. Точно, говорят, кто-то из цифровых дел мастеров накосячил, причем всерьез накосячил. Скорее всего, народ думает, кто-то из начальства «Альтовского» обделался, поэтому и вины программеры не признают, чтобы репутацию человеку не портить.

— Мы с тобой, дед, опять в одном направлении мыслим. — мрачно констатировала Светлана. — Я к тем же выводам пришла, только с другого конца. Одни из двух — или мы с тобой параноики, или живем достаточно долго для того, чтобы научиться выводы делать.

— Ну-ка, ну-ка, — живо заинтересовался Митрич. — А ты с какого бока сюда пришла?

— Да мне фраза старосты покоя не дает, что они какую-то группу уже в данж «по приколу» отправляли, а те здесь вайпнулись. Сам посуди — всех после нас, кто через портал шел, сразу в капусту рубили, а кого-то в данж отправили. За какие-такие красивые глазки, очень бы хотелось понять? Особенно с учетом того, что этот данж — финальное итоговое испытание недели, то есть одна из четырех главных плюшек.

— Я знаю ответ: у вас паранойя, — мрачно влезла в разговор немка. — Сидите здесь, высасываете невесть чего из пальца. Вот блин, загадочное явление наш сапожина обнаружил: кто-то накосячил, и не признается, что накосячил! Вы представляете!!! В России — и кто-то накосячил!!! Да еще и не признается! А дружки его покрывают! Это когда ж такое было, люди добрые?! Да никогда такого не было!!! Надо срочно в телевизор звонить, пусть высылают бригаду мобильных репортеров с самой большой камерой! Мировая сенсация, косякопора ловить будем!!!

— И ты тоже хороша, — разобравшись с Митричем, Семеновна накинулась на подругу. — Великое дело, какая-то группа до нас в данж попала! Конечно, как такое быть может! Это ведь мы главные герои книжки, это только мы все выигрывать должны и все рояли из кустов выкатывать! Другие же не люди, а эпизодические персонажи, откуда у них победам и достижениям взяться? Ну и что, что у них головы такого же размера, как наши — они же ничего добиться не в состоянии по определению! Никто же не мог, из портала вывалившись, на уровень встречающихся посмотреть, сразу же оценить соотношение сил, и не лезть в драку, а сдать. А потом — со старостой насчет данжа договориться. Он же ни фиги не заинтересован в том, чтобы ему бесплатно крыс в подвале проредили! Это же только нам все квесты положены, другие же их взять не могут!

Все промолчали — крыть было нечем. А потом насупившийся Митрич все-таки не выдержал:

— Слышь, Семеновна, меня уже много лет один вопрос занимает. Ты чего периодически злая становишься, как собака у будки? У тебя что — ПМС до сих пор еще случается?

БЗДЫЩ!!!

И Митрич, выбитый из кресла мощной рукой, кувырком покатился в угол, сшибая по пути мебель.

— Да ты охренела что ли? — завопил он из угла. — Я тебе намордник на Восьмое марта подарю! И опять по тому же месту! Хорошо, что у скелетов ушей нет — опять бы неделю с вареником вместо уха ходил.

Обоюдные матерные крики пресекла Сергеевна, тихо сказавшая себе под нос:

— Как хотите, но я знаю, на что это похоже.

Любопытные Митрич и Семеновна мгновенно заткнулись и прислушались.

— На что? — подыграл ожидаемой репликой я.

— На «закладку». Когда под кого-то «закладку» делают. Ну или когда требования к подрядчику на торгах составляют таким образом, чтобы им только заранее выбранная компания соответствовала. И им остается только подать заявку и унести в клювике подряд. Так и здесь — кто-то поставил закладку, чтобы другой кто-то вышел этим телепортом, взял у старосты квест на данж и прошел его. Не удивлюсь, если еще и заранее имея гайд на прохождение. Но что-то пошло не так, первыми здесь появился не кто-то, а мы, и сбили все настройки. В итоге, могу предположить, в данже творилось совсем не то, что было написано в гайде, и группа слилась. Поэтому они и не светятся, что данж уже проходили — потому

что рыльце в пушку[2].

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался отходчивый Митрич.

— Конечно же, узнать у старосты — чья группа проходила данж.

***

Пока мы отвлеклись на аналитику, переходящую в мордобитие, нашим воспитанникам пришлось туго. Даже очень туго. С огромным трудом они завалили одного из миньонов босса, и сейчас, пока Патрик висела на боссе, а Петька почти непрерывным потоком вливал в нее исцеление, все три дамагера пытались завалить второго мини-босса.

— Граблями, блин, ты граблями сверху ее постоянно гаси, она сразу же конкретно проседает!!!

— Ты дура что ли, я и так «проникающим ударом» по откату бью! Как я это чаще буду делать? Мне игру сейчас взломать?

— Хватит вам собачиться! Что вы за люди такие — рядом дерутся и друг на друга наезжают! Куда?! Куда ты дергаешься, дура? Она же чуть ко мне не прорвалась. А я и без того уже оранжевый!

— Чуть-чуть не считается! Что, ушастый, сцышь когда страшно? Вот что ты за человек такой — рядом дерешься и ругаешься! Ой! Ш-ш-ш-ш... Больно-то как! Да дай ты серию, задохлик, что ты ману жмешь? Она уже красная!

— Потому и жму, что она уже красная, а нам еще босса валить. Мы ее и так ушатаем. Н-н-а тебе! А, не нравится? Тань, старайся топором по шее работать, там урон больше проходит!

— Ты, блин, теоретик! Ты до ее шеи сначала еще доберись! Ты за нами прячешься — вот и прячься. А я ее, как ты говоришь, и так ушатаю.

— Все! Аллес капут! У меня крит прошел. Побежали к боссу, а то он Патрика, по моему, уже доедает, что-то ее последние минут пять не видно и не слышно.

Дети, кажется, уже начали понимать, что книжки и фильмы их обманывают. Если сражения происходят не на экране компьютера, перед которым ты сидишь, пощелкивая мышкой, то это не развлечение, не романтика и не подвиги, а работа. Тяжелая, часто монотонная, изматывающая и неприятная работа.

Изо рта крысы-босса пахнет так, что деревенский сортир, куда ты однажды по незнанию заглянула, будучи на даче у подружки, кажется парфюмерным отделом универсама. Прокушенное колено ноет и норовит подогнуться в самый неподходящий момент. С момента начала боя топор, кажется, потяжелел вчетверо, но тебе все равно приходится бить им снова, и снова, и снова... И очень хочется сказать: «Да пошли вы!», показать всем средний палец, отойти в угол, упасть на землю и лежать! Целую минуту лежать и ничего не делать! А то и полторы!!! Но стремно — они-то тоже своими железками машут. Даже овца машет. Все-таки есть бог на небе — выдал ей грабли. И плевать, что там и урон и защита. Я обязательно посмотрю, когда мы в колледж вернемся, как она с ними перед парнями проществует. И в этом тазике на голове! Да-да-да!!! Такое зрелище я не пропущу. Блин, ну как же колено-то болит. Может, попросить Пару отлечить? Тоже стремно, у жирдяя как бы опять носом кровь не пошла, вон он — аж трясется, как будто марок нализался. Надо у ушастого спросить — реально, что ли, ману из себя выдавливать так больно? Говорят — некоторых реально полощет, весь желудок наизнанку выворачивает. Тогда мы еще удачно попали, у нас чё — максимум руки потом дрожат и пальцы не разгибаются. А так жить можно.

Господи, да когда же он сдохнет-то? Ковыряем его, ковыряем, и еще только-только к

пятидесяти процентам подбираемся. Так, умение откатилось — получи, морда! Ага, кривишь рожу-то! Ох, блин, чуть прямо ему под пасть не упала, что-то колено совсем сдает. Интересно, как рыжая все это терпит, он же ее минут десять без нас реально грыз. Может, она тайная мазохистка? Последовательница, как его там? Захер-Мазохер[3]? Что там ушастый орет?

— Все, полтинник! Отбегаем от него, сейчас какую-нибудь способность врубит!

Тарас угадал, способность действительно врубилась. Гигантская крыса завизжала, метнулась по диагонали зала, и с середины выпрыгнула вверх, сделав сальто в воздухе. Когда эта туша рухнула на пол, казалось, произошло небольшое землетрясение. Вот только поднялась с пола уже не крыса. На ноги встал человек — настоящий великан, больше трех метров высотой, над головой которого рдела красная надпись:

ГАДЖАМУКХА 5 УРОВЕНЬ

Выглядел он более чем внушительно, несмотря на то, что никаких лат на нем не было. Великан был одет в темно-синюю власяницу и шелковый халат. Поверх халата была накидка из черного, как воронье крыло, шелка. Голову украшала повязка из мягкой материи, завязанная впереди в виде треугольника, а черные сапоги были сшиты из мягкой, хорошо выделанной кожи. В руке у него была гигантская пика.

— Долго же я спал! — прорычал великан с непроизносимым именем. — И что-то мне нехорошо, надо бы подлечиться.

Великан встал на четвереньки и двинулся вперед, урча как шахтерский комбайн. Гаджамукха подбирал с пола здоровенные камни и закидывал себе в рот. Полоска НР быстро начала наполняться.

— Эй, букашки, вы не разбегайтесь. — Великан на секунду оторвался от своего занятия. — Я сейчас здоровье поправлю и вами закушу. Давно не ел горячего. Подвинься, мелкий.

Оказавшегося на его пути Петьку великан просто смахнул рукой в сторону. Лекарь в полете врезался в стену и упал на пол, разом потеряв 73 % жизни. Побледневший Тарасик, стоявший на пути следующим, скастовал свое самое сильное умение — серию из трех файерболлов. Шкала здоровья великана едва дрогнула, потеряв чуть более процента.

— Капец! — резюмировала побледневшая Татьяна. — Это на плюхинский урон у него такой резист? Тогда мы у него вообще ничего не снимем.

— Конечно, не снимете, — хохотнул великан. — Я «каменную кожу» двадцать лет прокачивал. Говорю же, вы, главное, не разбегайтесь. Я быстро отлечусь, не волнуйтесь. А вы, я смотрю, молоденькие все... Это хорошо, мясо у вас, небось, нежное, наверняка само во рту тает. Я сейчас, пять минут.

Действительно, великан двигался вперед с неумолимой целеустремленностью. Камни в пасть он загребал уже горстями, не глядя.

— Так что? — Ольга вертела головой, переводя взгляд с одного одноклассника на другого. — Вы вот так вот просто сольемся? В самом конце, в шаге от победы?

— Ты Петьку лучше отлечить помоги, овца! — взъерилась Татьяна. — У тебя что — какие-то идеи есть?

Великан коротко хохотнул и повернул голову:

— Кто это у нас тут овца? Ты, губастая? Я, кстати, баранину очень уважаю. Я свинину не люблю — жирная слишком.

За ту секунду, что великан повернул голову, произошло несколько событий. Глаза

Татьяны, и без того немалые, открылись так широко, что заняли буквально пол-лица. У Ольги открылся рот, а Аглая по-дурацки захихикала. И даже Петька, стараниями Татьяны только-только вылезший из красной зоны, слабо улыбнулся.

И все потому, что едва Гаджамукха отвернулся, Тарас принялся быстро уменьшаться — как в каком-нибудь фантастическом фильме. Буквально через секунду он был не выше спичечного коробка. А в следующую секунду великан, не глядя, сгреб его своей здоровенной лапой и забросил в рот вместе с горстью камней.

— Похоже, сейчас мы проверим, прокачена ли у него «каменная кожа» изнутри, — улыбнулась Светлана.

В ту же секунду лицо великана приняло предельно глупое выражение.

- Не понял, — громко заявил он. — Это как так?

И он двумя руками схватился за живот. Потом его лицо трижды дернулось.

— Твою же мать! — даже не прокричал, а скорее проревел Гаджамукха.

А потом все заговорили одновременно.

— Похоже, не прокачена, — авторитетным докторским тоном заявила Семеновна. — И несварение желудка я ему гарантирую.

— Серией зарядил! — заржал Митрич.

— Тарас, жги! — орал Петька.

— У-и-и-и-и-и-и!!! — счастливо визжали все три девушки практически в ультразвуковом диапазоне.

— Сколько там у него срок уменьшения? Минута? — поинтересовался я. — Кого-то скоро разорвет изнутри. Сейчас здесь будет очень грязно. До невозможности грязно[4].

Увы, но мое предсказание не сбылось — на сцене появилось новое действующее лицо. Это было странное создание — человек со слоновьей головой, насвистывающий хоботом «Только мы с конем по полю идем, только мы с конем по полю идем[5]».

— Замри — повелел Ганеша, и все замерло.

Бог внимательнейшим образом осмотрел всех действующих лиц, потом потыкал пальцем в живот великана. Дунул в пупок, щелкнул пальцами, раскрыл ладонь. На ладони стоял маленький Тарасик с вытянутой вперед рукой. Из ладони явно вот-вот должны были вырваться файерболлы.

Слоник поцокал языком, аккуратно поставил командира на землю и развернул его в сторону от всех остальных.

— Отомри! — велел он. Три миниатюрных файерболла ушли в белый свет, как в копеечку.

— Извините, — голос бога с легкостью перекрыл общий гомон. — Извините, что не дал вам насладиться победой, но хорошее отношение к лошадям — моя слабость. Как говорится, все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь[6]. Надеюсь, этот небольшой подарок извинит мою бесцеремонность.

И он вручил Тарасику, принявшему свой обычный размер, странный предмет. Это был длинный шест, с одной стороны которого было узкое лезвие в виде полумесяца, а с другой — широкое толстое лезвие в виде... Колокола, пожалуй. Это наиболее близкое из того, что пришло мне в голову[7].

— Я искренне прошу вас простить мне мое самоуправство, я просто очень привязан к этому глупому созданию, — и он, взлетев в воздух, дал подзатыльник великану. — Вот и не удержался, влез не в свою сказку.

— А в чью? — вдруг выкрикнул Петька. — Чья эта сказка? Я уже себе всю голову сломал, здесь столько всего намешано!

— Не индуистская, — улыбнулся индийский бог мудрости и благополучия. — Из другой тусовки, хотя и близкой к нам. И ни слова больше, я и так сказал лишнего. Всего доброго!

И Ганеша растаял в воздухе. Великан исчез вместе с ним.

И в этот миг каждый из нас увидел надпись.

ВНИМАНИЕ УЧАСТНИКАМ ТУРНИРА! ОПРЕДЕЛИЛСЯ ПОБЕДИТЕЛЬ ПЕРЕ ЭТАПА. ИМ СТАЛА КОМАНДА № 25 В СОСТАВЕ: ПЛЮХА (КАПИТАН), ПАРА, КВИН И ПАТРИК. ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, ПЕРВЫМИ ВЫШЕДШИХ ВТОРОЙ ТУР! ПОСЛНЬЙ СПИСОК НАГРАД БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН ДОПОЛНИТЕЛЬНО.

И не успело стихнуть наше «Ура!!!», как Татьяна сказала:

— Мне сообщение пришло.

— Что пишут? — поинтересовался Тарас, которого было очень непривычно видеть с улыбкой от уха до уха.

Татьяна прочла сообщение вслух. В нем было ровно две фразы и семь слов, почти половину из которых нельзя произносить в приличном обществе:

«[Цензура], ты [цензура] мою победу. Тебе [цензура]!».

[1] Песенка друзей. Слова: Сергей Михалков, музыка: Михаил Старокадомский.

[2] Первоисточник фразеологизма «рыльце в пушку» — басня «Лисица и Сурок» Ивана, разумеется, Крылова. В басне Лиса, выгнанная из курятника за злоупотребления, жалуется Сурку на мировую несправедливость. Сурок на этой ей отвечает: «Нет, кумушка; я видывал частенько, что рыльце у тебя в пуху». Финальные строки басни в очередной раз напоминают нам, что в России (как и в других странах) никогда ничего не меняется:

Иной при месте так вздыхает,

Как будто рубль последний доживает:

И подлинно, весь город знает,

Что у него ни за собой,

Ни за женой,

А смотришь, помаленьку

То домик выстроит, то купит деревеньку.

Теперь, как у него приход с расходом свесть,

Хоть по суду и не докажешь,

Но как не согрешишь, не скажешь:

Что у него пушок на рыльце есть!

[3] Татьяна путает. Австрийского писателя, одного из самых известных уроженцев города Львова, которому мы и обязаны существованием термина «мазохизм», звали Леопольд фон Захер-Мазох.

[4] «Сейчас здесь будет очень грязно. До невозможности грязно» — цитата из повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Слова Романа Ойры-Ойры перед тем, как выбегайловского кадавра разорвало.

[5] Песня «Конь» Игоря Матвиенко и Александра Шаганова.

[6] «Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь» — цитата из стихотворения Владимира Маяковского «Хорошее отношение к лошадям».

[7] В принципе, можно просто посмотреть на обложке книги. Его Татьяна держит.

На несколько секунд окаменели и подростки, и тренеры.

— Погоди, а как они с тобой связались? — вдруг спросила Ольга. — В данже же нет никакой связи, даже с тренерами только полминуты дали.

И после этого глубокомысленного замечания питомцы, наконец, соблагОВОлили обратить внимание на то, что данж ими вроде как пройден, а в углу комнаты босса давно появилось зеркало портала. Жадный Тарас обошел всю комнату в поисках тайников, но, к сожалению, ничего не нашел. После этого пятерка выпускников вышла через портал.

Наши экраны погасли.

— Намекают, что и нам пора — резюмировал Митрич и кивнул в угол «тренерской», где появился такой же портал.

***

Порталом нас выбросило ко входу в крысиные подвалы, где к нам тут же кинулись подопечные.

— Мы прошли! — с ходу выпалил Петька. — И еще нам всем третий уровень дали и до четвертого немного осталось. Если бы Тарасу дали этого людоеда добить, мы бы точно четвертый взяли. Но там Ганеша появился, он прикольный, но с ним немного жутковато. У меня просто мурашки по спине побежали. А я еще лечилку до второго уровня поднял...

— Петя, Петя, — засмеялась Светлана. — Мы же все видели, нам все показывали вплоть до мельчайших подробностей. Мы и про крыс знаем, и про Ганешу, и про сообщение.

— Интересно, а откуда она про победу узнала? — поинтересовался я. На меня все посмотрели как на больного. Даже дети.

— Ты что — дальтоник, Скрипач?[1] — поинтересовался Митрич. — Цвета сообщений не различаешь? Это была общая админская рассылка, сообщение о нашей победе увидели все, подключенные к этой игре.

— Да ладно тебе, ты что — первый день Митю знаешь? — Светлана сегодня была в удивительно хорошем настроении. — Что он, что ты — иногда как ляпнете такое, что хоть стой, хоть падай. Интереснее другое — почему Митя сказал «она узнала». По записке же не понятно, мужчина писал или женщина.

— Ну... — задумался я. — Даже и не знаю. Наверное, общий тон сообщения виноват. Он такой... Истериичный. Хотя в этом возрасте они все истерики, вне зависимости от пола. Так что не поручусь, что писала девушка. Хотя похоже.

— Очень похоже, — кивнула Светлана. — Татьяна, у тебя есть идеи, кто это мог написать?

Татьяна молча покачала головой, а Ольга хмыкнула.

— Господи, да кто угодно! — безапелляционным тоном заявила она. — Девяносто процентов девушек и шестьдесят процентов парней. Эта дура, пока королеву из себя изображала, выбесила всех, кого только можно. Кого-то из одноклассников отвергла, кого-то из одноклассниц походя по стенке размазала, просто так, для фана. У кого-то парня увела и даже не заметила этого, другого высмеяла, на третью, вон, как на Патрика, все эти годы смотрела как на пустое место. В общем, у всех, кроме ее клеветов, был повод написать ту записку. А теперь и клеветы разбежались, гы-гы-гы.

К моему удивлению, Татьяна не стала ответно вопить с поминанием подруги барана, подруги кобеля и т. п. Она просто посмотрела Ольге прямо в глаза и тихо спросила:

— Так и есть, да. Вот только ты-то чем меня лучше? Все то же самое, разве что дыхатели твои не разбежались. Ты их сама кинула, когда сыгранную команду разбила и со мной в одну группу ушла. Так что зря не пузырись, подруга, и щеки не надувай. Обе мы с тобой бывшие. Сейчас вот напоследок отношения между собой выясним и разбежимся навсегда. А доброго слова ни про тебя, ни про меня не скажут, не строй иллюзий.

— Пф-ф-ф! — фыркнула Ольга. — Можно подумать, мне нужны добрые слова от этих оленей. Да я вас всех забуду на следующий день после окончания Турнира. Тебя вот только умою напоследок за всю ту кровь, что ты у меня выпила за эти годы.

— Ну ты и гнида! — вдруг сказал Петька. Хорошо сказал, с чувством.

Ольга вдруг засмеялась. У нее был очень хороший смех, как говорили во времена моего детства — «как серебряные колокольчики». Понятия не имею, как звучат серебряные колокольчики, но смех, повторюсь, был очень приятным, так смеялись положительные героини-комсомолки в фильмах 60-х годов. Тем большим был диссонанс со словами, которые прозвучали, когда Ольга отсмеялась.

— Ну ты и тормоз, Петелюшенька. Через столько лет наконец догадался, что я стерва. Да, Петелюнечка, да — я вас использую. Всех четверых, да. И команду для этого собрала. И на вас мне наплевать точно так же, как на всех остальных. Татьяна мне нужна, чтобы счета с ней свести, этим двоим я тупо деньги плачу, ты... Понятия не имею, если честно, почему ты согласился в команду пойти, но мне по большому счету пофиг. Пусть хоть влюбился в меня. Согласился — и согласился, все равно теперь ты уже никуда не денешься, Турнир начался, замена команды не допускается. Опа! А что это ты, Петенька, покраснел? Так это не приколом было, ты что — серьезно влюбился? Ну ты даешь...

И она опять мелодично засмеялась.

— Ну вот — последний кавалер оставался, и тот «гнидой» обзывать стал. И за что? За то что правду сказала? Так я, по крайней мере, не вру, как вы! «Ах, мы команда!», «Ах, один за всех, и все за одного!», «Ах, вместе мы победим!». Развели здесь, прости господи, какой-то сраный тимбилдинг! Врете друг другу и не краснеете! А правда — она другая! Правду я вам только что сказала. Нет никакой команды, просто обстоятельства свели нас вместе. Все мы здесь потому, что надеемся для себя что-то вымутить — и только поэтому! Овца меня умыть надеется — но зря надеется, я умнее. Нищевродка и денежный маньяк бабла поднять захотели. Даже ты, как только что выяснилось, тайно лелеял мечту трахнуть меня. Ну мечтай, мечтай... У человека должны быть мечта.

Короче, так — давайте дальше без соплей о любви и дружбе, а то меня стошнит. Будем считать себя профессионалами, которых менеджер собрал в одну команду. Вот в таком качестве вы меня устраиваете. Как профессионалы сегодня вы круто сработали, уважение не вопрос. Но вот в душу ко мне лезть не надо, и стыдить меня не надо! Поняла, овца? — жестко закончила она.

— Поняла, — абсолютно ровным голосом ответила Татьяна и кивнула. — Я все поняла.

— Вот и хорошо, — светски улыбнулась Ольга в ответ. — Я вам у старосты нужна? Нет? Тогда квест без меня сдадите. Всем счастливо, завтра увидимся.

И она растворилась в воздухе, нажав «логаут».

— Вот дрянь! — сплюнул Петька. — Вот так вот живешь с человеком рядом, человеком его считаешь, а потом — бац!

И он замолчал, судя по всему, не придумав еще — что же бац!

— Вторая смена, — подсказал Митрич.

— Что — «вторая смена»? — не понял Петька.

— А потом — бац! Вторая смена[2]. — пояснил Митрич.

Петька еще больше вытаращил глаза. Старушки захихикали.

— Петя, не обращай внимания, это старый фильм, ты его не видел, — пояснила Светлана. — А вообще ты, конечно же, телок. Как и все мужики — доверчивый и обидчивый. Женщины вам что-нибудь наговорят в сердцах, а вы все за чистую монету принимаете и обижаетесь. Ты что — не понял, что она сейчас не вас, она сейчас себя убеждала? А из игры выскочила, потому что перед всеми разреветься побоялась? Она сейчас сидит вся в соплях, слезы глотает и на стенку воет: «Ну почему-у-у я такая несча-а-астная... Ну почему-у-у-у меня никто не лю-ю-ю-ю-юбит!!!».

Петька предельно озадачился и принялся хлопать глазами.

— Не понял. А зачем она тогда это все наговорила?

— А затем! — очень информативно объяснила включившаяся в разговор немка. — Потому что так сказалось. Потому что понесло девку. Потому что Танька своими словами ее прямо по сердцу стукнула, вот та и взорвалась. Нам, бабам, нет ничего обиднее, когда тебе правду сказали, которая ножом по сердцу, а ответить на это нечего. Последствия бывают самыми непредсказуемыми. А вообще, Петюнъ, завязывал бы ты с попытками умом женщин понять. Более бесперспективного подхода и придумать сложно, это я тебе по секрету говорю. Как мать говорю, и как женщина[3] — бросай ты это дело, иначе так в девках и останешься. Нас сердцем понимать надо, а не разумом.

Татьяна задумчиво произнесла:

— А Ольга и впрямь меняется. Еще пару месяцев назад ей и в голову бы не пришло так перед нами всеми распинаться. Тогда ей действительно на всех насрать было, а перед теми, на кого насрать — не митингуют.

— Все вы меняетесь, — подтвердил я. — И к концу Турнира еще больше изменитесь. Так и должно быть, время такое. Когда я в вашем возрасте был, по телевизору фильм показывали, он так и назывался — «Последнее лето детства»[4]. Фильм так себе, а название хорошее. Про вас название.

— Все это, конечно, очень благородно, — влез в разговор Митрич, — но давайте уже ближе к делу? Поговорим о презренных насущных заботах, квест сам собой не сдастся. Да и не люблю я кого-нибудь за глаза обсуждать. Короче, у кого сколько репутации со старостой?

— У меня шесть — сообщила Татьяна.

— У меня тоже, — подтвердила Патрик. Петька молча кивнул.

— Двадцать два! — перебил все ставки Тарас.

— Ничего себе! — Татьяна даже присвистнула. — Когда это ты успел?

— Когда торговался, конечно, — улыбнулся командир. — Не понимаете вы азиатскую душу, а я одну вещь еще совсем пацаном понял. Они очень любят торговаться. Для индуса или араба это как для англичанина в пятницу в пабе посидеть. Это святое дело. Для азиатов торговля, как для европейцев...

Он задумался.

— Ну, не знаю. Ухаживание, наверное. В общем, то, что нужно делать красиво. Причем это как танго, оно вдвоем танцуется, в одиночку его не спляшешь. А европейцы торговаться не умеют, учиться этому не хотят и вообще занятие это не любят. Им проще заплатить

сколько сразу запросили, чем хотя бы пять минут поторговаться. А для азиата это — даже не оскорбление, а...

— Как будто в душу сапогами наплевали — понимающе подсказал Митрич.

— Во-во! — подхватил Тарас. — Как будто ты даму на танец пригласил, а она рожу отвернула, и сто рублей тебе сунула. Ты вроде и в прибылях остался, а в морду дать очень хочется. Зато если человек умело торгуется, они могут даже себе в убыток сделку закрыть — чисто из уважения и в благодарность за прекрасно проведенное время.

— Понятно — кивнул Митрич. — Короче, дуй сдавать квест, и поторгуйся там на славу. Только просьба к тебе будет, Тарас. Когда будешь торговаться, постарайся вытянуть из старосты все, что он знает о той группе, которую они в данж отправили.

— Попробую, — кивнул Тарас. — Только это не бесплатно будет, любая информация чего-то стоит. Если удастся что-то вытянуть, мы меньше добряков получим.

— А ты не жадись, — вмешалась Светлана. — Оно себя окупит. На этом Турнире кто-то весьма влиятельный играет в свою игру. Если мы его не вычислим, он нас сожрет и не подавится. И, кроме того, если я не ошибаюсь, этот таинственный незнакомец за столом отнюдь не единственный игрок. Кто-то ведет против него контригру, и этого второго тоже очень желательно вычислить.

— А с чего это тебе второй померещился? — тут же вскинулся Митрич.

— А вот давай Тарас со старостой поговорит, и я тебе отвечу. Хорошо? Иди, Тарасик. Иди.

Тарасик ушел.

Светлана взялась за меня.

— А ты, Митя, что думаешь про здешние «Молоди»? Что это за «соседи» такие?

— На самом деле у меня соображений не очень много. И к тому же кое-что уточнить надо, — пробормотал я — Я буквально на пять минут выскочу.

Быстрый поиск в Сети не менее быстро подтвердил мои догадки. Я вновь вошел в игру, где мои сотоварищи лениво болтали в ожидании нас с Тарасом.

— Ну все, я готов.

— Давай, излагай — кивнул Митрич.

— На самом деле излагать особо нечего — пока что у меня одна-единственная догадка и две, условно говоря, культурологические справки. Начну я, с вашего позволения, с догадки.

— И это правильно, — вновь прокомментировал Митрич. — Доклад надо начинать с главного тезиса, а потом, если сразу под арест не отправили, уже можно и подробности изложить. Давай, Мить, жги. Опять час про историю рассказывать будешь?

— Не, сейчас не буду. — усмехнулся я. — Не о чем мне пока рассказывать. Прежде всего я бы хотел обратить ваше внимание на слова Ганеши. Вы помните, что он сказал в качестве подсказки?

— Что-то там про то, что он на чужую территорию забрался, — заявила Семеновна. — На соседскую делянку забрёл, поэтому и смывается, пока не застучали. Надо соседей Индии посмотреть, с кем она там граничит. Я только Пакистан помню, у них там вечные разборки на границе были.

— Вот! — поднял палец я. — На самом деле Петька его спросил, чья это сказка, а он ответил — «не индуистская». Заметьте — не «индийская», а «индуистская».

— И что это значит? — поинтересовалась Татьяна.

— Наверное, то, что речь идет не о странах, а о религиях, — вдруг ответил Петька

вместо меня.

— Именно так, Петя, — улыбнулся я. — И я почти уверен, что эта религия — буддизм. То есть темой Турнира является что-то напрямую связанное с буддизмом.

— Почему именно буддизм? — жестко спросила Светлана.

— Смотри сама, — пожал плечами я. — Ро, сколько я помню, та боевая палка, которую Ганеша подарил, тебе отошла?

— Да, — кивнула Татьяна.

— Покажи.

Татьяна извлекла из инвентаря подаренное оружие, или, точнее, сооружение — с двумя наконечниками, бунчуками[5] и позвякивающими кольцами.

— Все видят, как оно называется? — поинтересовался я.

При взгляде на посох всплывало только четыре слова — «Чань бо. 2 уровень». Без всяких подробностей. А вот характеристики были очень неплохими. Да что там, с чёрту скромность — офигительные были характеристики! И на атаку, и на защиту. Особенно приятно было то, что и грабли, и неведомое «чань-бо» были масштабируемыми предметами, то есть их уровень будет расти вместе с владельцами. Все это придавало нашей команде уверенность, что оба наших контактных дамагера будут в полном шоколаде до конца игры, а в случае победы и сохранения командой снаряжения у Ро и Квин никогда не будет болеть голова о хорошем оружии в «Альтернативном мире».

— Ну видим, — кивнула Семеновна. — Какое-то чань-бо. И что? Мить, хорош интриговать, вступление затянулось. Давай уже, колись — что это за птица.

— Это шест чань-бо. Боевой посох буддистских монахов. Слово «бо» означает «посох», «чань» — лопата. Иногда называется «фанбьянчань» — «монастырская лопата» или просто «чань». Как вы уже догадались, ведет свое происхождение от банальной лопаты.

— Да уж догадались, — мрачно подтвердила Татьяна. — У Ольги — боевые грабли, у меня — боевая лопата, что там дальше будет? Боевой рубанок для Патрика? При умелом использовании состругивает половину головы врага!

— Зря иронизируешь, — парировал я. — Я не большой спец в холодном оружии, но даже я знаю, что масса видов оружия представляет собой не что иное, как переродившиеся мирные инструменты. Особенно в Азии, где часто простолюдинам под страхом смерти было запрещено владеть боевым оружием. Вот и возникали всякие боевые серпы и боевые косы, про боевые молоты я уж молчу. Те же популярные в моей молодости нунчаки — не что иное, как трансформировавшийся крестьянский цеп для обмолота зерна. Причем сначала они были гораздо больше и служили, в основном, для сбивания всадников с коней.

Так вот, про твой «чань-бо». В смутные времена одной из обязанностей монахов было захоронение трупов, в изобилии валяющихся где попало, чаще всего — по обочинам дорог. Голыми руками это делать было затруднительно, вот отправляющиеся в путь монахи и брали и собой лопату. А поскольку времена смутные, то и использовали ее не только по прямому назначению — лопата оказывалась весьма полезной, когда надо было отбиться от диких зверей или лихих людей. Потом рукастые мужики, которых хватало во все времена и во всех культурах, инструмент чутка поправили, чтобы удобнее использовать было, добавив к выпуклому лезвию еще и вогнутое. А колечки на лезвиях — это замена традиционному монашескому колокольчику, который своим звоном предупреждал всех о том, что идет монах и не худо бы одарить его подаянием, набрав плюсиков в карму. Ну и ловушка для вражеских мечей и копий, да, не без этого. Чань-бо был весьма распространен во всех

буддистских странах и пользовался неизменным уважением. В Китае, например, именно чань-бо были вооружены герои двух из четырех великих романов[6] — «Речные заводи» и «Путешествие на Запад». В первом им воевал бывший пограничник Лу Да, ставший монахом и принявший имя Лу Чжишэнь. А в «Путешествии...» чань-бо орудовал перевоспитавшийся демон Ша Сэн или Ша Уцзин, более известный как «Песчаный монах».

— Понятно, — прокряхтел Митрич. — А грабли это тоже буддистское оружие?

— Нет, — вынужден был признаться я. — О связях граблей и буддизма мне ничего не известно.

— Тогда недоказуемо, — вынес вердикт Митрич. — Вполне может быть и случайным совпадением. Еще указания на буддизм есть?

— Есть! — я не собирался сдаваться. — Светлана не зря своих крыс считала.

— Ой, да перестань, — поморщился Митрич. — Ну была шестьдесят одна крыса и что с того?

— Нет, крыс было восемьдесят три, — вмешалась директорша. — А вот лут, который Тарасик понес старосте, составил ровно шестьдесят хвостов — часть крыс вылечили и они убежали, ну и хвост ганешиного скакуна нам тоже не достался.

— Вот! — я опять поднял палец. — А что вам, друзья мои, известно о символике цифры «шестьдесят» в буддизме?

— Ничего не известно! — проворчала Семеновна. — Я тебя, темнила, сейчас стукну! Скоро уже Тарас с призами вернется, а ты все сидишь, ката за хвост, чтобы не сказать большего, тянешь. Рассказывай давай!

— Хорошо, тогда скажите мне, какой юбилей более круглый — пятьдесят лет или шестьдесят лет?

— Ну пятьдесят, конечно, — осторожно сказал Митрич.

— А почему? — поинтересовался я.

— А я знаю? — разозлился вояка. — Мить, ты правда допросишься скоро.

— Пятьдесят с нашей точки зрения круглее, потому что наше летоисчисление завязано на цифру «сто». Один век — это сто лет. Пятьдесят лет — человек прожил половину века, надо отметить. Так?

— Ну так.

— Вот! А если спросить какого-нибудь тибетца или монгола или другого приверженца буддизма, то он покрутит пальцем у виска и скажет: «Вы что, с ума, что ли, сошли? Конечно же, ничего круглее цифры шестьдесят быть не может!».

— У них что — в веке сто двадцать лет? — поинтересовалась Светлана. — Почему такая некруглая цифра?

— Скорее уж шестьдесят, — ответил я. — Но, если честно, то у них вообще понятия «век» нету. И них нет движения вперед, у них время закольцовано. И вообще — здесь другое. Вы помните пресловутый «восточный гороскоп»?

— Его забудешь, — кисло произнесла Семеновна. — Я в год Свиньи родилась. Догадайся, сколько всего по этому поводу я за всю свою жизнь наслушалась!

— Догадываюсь! — улыбнулся я. — А кто помнит, откуда вообще взялись эти Крысы, Свиньи, Тигры и Драконы?

— Ничего мы не помним, хохлы люди тэмны, рассказывай давай! — с угрозой крикнул Митрич.

— Рассказываю, рассказываю, — успокоил нервного товарища я. — Однажды Будда

решил подарить каждому зверю свой год. Но не всем, естественно, а только двенадцати первым. Как раз неподалеку крутилась крыса (опять крысы, черт побери!), он ее и отправил сообщить всем, чтобы приходили. Она всем сообщила, но звери отнеслись к этому предложению по-разному. Кто-то торопился, кто-то не очень, по этому поводу существует масса сказок и легенд[7]. Вот, к примеру, Петух опоздал, потому что инструктировал всю свою большую семью, кому чем заниматься во время его отсутствия...

Я посмотрел на каменное лицо Митрича и осёкся.

— Ну да неважно. Факт тот, что первым двенадцати пришедшим животным Будда выдал по году, и с тех пор в восточноазиатских странах существует двенадцатилетний цикл, начинающийся обманщицей Крысой (или Мышью) и заканчивающийся ленивой Свиньей.

— Так, это понятно. — кивнул Митрич. — Дальше.

— Но если вы помните, — продолжил я. — Животными все не ограничивается. Кроме существительного, есть еще и прилагательное. Типа — «Год Огненного Тигра» или «Год Водяного дракона».

— Есть такое, да, — сурово кивнула Семеновна. — И?

— Может быть, кто-нибудь уже догадался? — робко поинтересовался я.

— Я догадалась! — сияющая Аглая подняла руку как школьница. Которой, собственно, формально вполне себе и являлась. — Стихий всего пять, да?

— Именно так! — ответно просиял я — Стихий в буддизме всего пять: Дерево, Огонь, Земля, Металл и Вода. Каждый год из двенадцати повторяется пять раз и это приводит к тому, что кроме малого двенадцатилетнего цикла, появляется еще и большой цикл, в котором сколько годов? Правильно, Патрик, двенадцать умножить на пять, то есть — шестьдесят.

Теперь следите за руками. Родился, допустим, человек, в год Огненного Петуха. Прожил двенадцать лет, наступает его год, год Петуха. Но не Огненного, а Земляного. В двадцать четыре года он встретит год Металлического Петуха, в тридцать шесть — Водяного Петуха. И так далее. И только в шестьдесят лет цикл завершится и наступит тот год, в который он родился — год Огненного Петуха. Цикл будет завершен, и человек проживет отпущенную ему жизнь.

Именно так. Буддисты верят, что человеческий век — шестьдесят лет, но далеко не каждому счастливчику раньше удавалось прожить его полностью. Зато если удавалось — он становился безмерно уважаемым человеком. Именно поэтому для какого-нибудь китайца шестьдесят лет — самый главный юбилей в жизни. Это значит, что он прожил жизнь правильно, не портил себе карму и в следующем перерождении его явно ждет что-то приятное. Как пел Владимир Семенович:

Пускай живешь ты дворником,

Родишься вновь прорабом

А после из прораба

До министра дорастешь...[8]

— Да-да-да, — закивал Митрич. — И будешь баобабом тыщу лет пока помрешь. Прикольно. То есть мы, получается, все четверо свою жизнь уже прожили? А все, что сверху шестидесяти лет, оно как считается?

— Как бонус, — пояснил я. — Как призовая игра. Живи и наслаждайся, ты уже выиграл. В общем, я хочу сказать, что шестьдесят — это главное число в буддизме.

— Ладно, — махнул рукой Митрич. — Буддизм принимается в качестве рабочей

гипотезы.

— Ой, Тарасик идет! — пискнула Патрик. — Какой-то озадаченный.

[1] Цитата из фильма Г. Данелии «Кин-дза-дза».

[2] «А потом бац! Вторая смена!» — фраза из телефильма Алексея Коренева «Большая перемена», ставшая поговоркой.

[3] «Как мать, — говорю, — и как женщина, требую их к ответу!» — расхожая цитата из песни А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира».

[4] «Последнее лето детства» — советский многосерийный художественный телевизионный фильм, снятый в 1974 году режиссёром Валерием Рубинчиком по повести Анатолия Рыбакова. Экранизация заключительной части трилогии «Кортик — Бронзовая птица — Выстрел».

[5] Бунчук — прикрепленный к древку хвост коня или яка. У монголов служил символом власти, в этом качестве во время татаро-монгольского нашествия проник в Европу и использовался, к примеру, в армии Речи Посполитой, казацкими гетманами и т. д. В других странах часто использовался просто как украшение древкового оружия.

[6] В Китае имеются общепризнанные «четыре великих романа всех времен и народов» или «четыре классических романа». Это исторический роман с воюющими армиями и дворцовыми интригами «Троецарствие», боевик про боевые искусства и похождения 108 благородных разбойников «Речные заводи», фэнтези «Путешествие на Запад» и семейная сага ака любовный роман 18+ «Сон в красном тереме». Все они, естественно, многотомные, чтобы надолго хватало. Интересно также, что первый их них, «Троецарствие», написан в XIV веке, условно говоря, во времена Ивана Калиты, а последний, «Сон в красном тереме» — в конце XVIII века, по-нашему — во времена правления Екатерины Великой. Эти книги до сих пор являются стержнем китайской литературы, к ним масса отсылок в любом современном романе, их читают, перечитывают, учат в школе, экранизируют в форме сериалов, полного метра, компьютерных игр и аниме, причем, как вы понимаете из последнего слова — не только в Китае.

[7] Напоминаю всем, что примечания можно и не читать. Также напоминаю, что еженедельные минимальные 20 тысяч знаков я считаю без примечаний. Примечания — это для души, а не для нагона трафика. И вот теперь, после всех этих уведомлений, я сделаю самое большое примечание в этой книге. А именно — выложу отрывок из нежно мною любимой книги Вадима Смоленского «Записки гайдзина», посвящённый тем самым легендам. Действие происходит в Японии, на курсах японского языка для иностранцев:

— Совершенно верно. И вот мышка всех разыскала и всем сообщила. Бык хотел стать первым и поэтому вышел в путь заранее, за три дня. Он пришел к дому богов раньше всех и ждал. Но когда открылась дверь и боги вышли на порог, то у быка со спины прыгнула мышка, которая на нем тайно ехала — и оказалась впереди. А бык стал вторым. Третим был тигр, который быстро бегал, но вышел позднее быка. Четвертым — заяц. И так далее. А последним пришел иносиси.

— Кто пришел последним? — переспросил я.

— Ино́сиси, — повторила учительница.

Такого слова никто не знал.

— Inoshishi... — задумчиво произнес Бенджамин. — А кто это такой?

— Это зверь, — сказала учительница. — Он живет в лесу.

Она взяла фломастер и попыталась изобразить загадочного зверя на доске. Вышло

подобие мамонта, только хобот был короче.

— Кабан! — догадался Бенджамин.

— А по-моему мамонт, — сказал я.

— Какой еще мамонт? Когда это мы встречали год мамонта? Давай спросим. — Он обратился к учительнице. — А как этот зверь говорит? Он, наверное, говорит «ойньк-ойньк»?

— Или, может, «хрю-хрю»? — предположил я.

Тут весь класс захрюкал на разные лады. Учительница задумалась.

— Иносиси говорит «бухи-бухи», — сказала она наконец. — Потому что он похож на свинью.

— Я ж говорю, кабан! — обрадовался Бенджамин. — А никакой не мамонт.

— Иносиси пришел последним, — продолжила было учительница, но вдруг осеклась, побледнела и по-рыбьи глотнула ртом воздух. Со стороны это выглядело так, как если бы Штирлиц нечаянно сболтнул Мюллеру несуразицу, напрямик ведущую к провалу. Ее губы обескровились, очки вспотели, а взгляд остекленел.

Длинный нос Бенджамина учуял жареное. Со свойственным ему отсутствием такта он тут же задал провокационный вопрос, который уже крутился в голове каждого из нас:

— А почему это, интересно, он пришел последним?

Учительницу качнуло, она схватилась за спинку кресла и готова была безжизненно сползти на пол. После полуминутной борьбы ей удалось одолеть дурноту, собрать силы и сказать:

— Он проспал.

Собственно говоря, такой ответ уже мог считаться исчерпывающим. Но природная честность нашей учительницы не позволила ей поставить здесь точку, умолчав о самом главном. Она обвела класс беспомощным взглядом, набрала в грудь побольше воздуха, напряглась и сказала:

— Иносиси...

Вышел фальстарт. На большее запала не хватило. Пришлось начинать сначала.

— Иносиси...

Опять фальстарт. Несчастливая учительница издала нервный смешок и закусила губу. Мы все были крайне заинтригованы и ждали продолжения. Даже вечно невозмутимый Рамендра вытянул свою худую шею и боялся пропустить словечко.

— Иносиси не просто проспал, — получилось у нее наконец. — Вы понимаете, когда большие иносиси хотят, чтобы у них появились маленькие иносиси, то они... они тогда... ой....

Ее снова заклинило. Пальчики судорожно сжали воротник блузки, а химические кудряшки одеревенели. Она окончательно впала в ступор.

Бенджамин привстал, недоуменно оглядел всех присутствующих, потер ладонью переносицу и уперся кулаками в парту. После чего громко и отчетливо спросил:

— Вы хотите сказать, что кабан занимался сексом?

Учительница дернулась, как от удара током, вспыхнула розовым и потупилась.

— Именно так, — пролепетала она, глядя в пол. — Поэтому он и опоздал.

Масштабы ее смущения были таковы, словно этот проступок совершила она сама, а не мифический ветхозаветный кабан. Словно мы были строгим педсоветом, вызвавшим проштрафившуюся ученицу на ковер. В воздухе повисла тяжелая, побудительно-

страдательная неловкость. Никто не знал, как из нее выйти.

— А что было дальше? — спросила наконец одна из филиппинок.

— Дальше? — переспросила учительница потухшим голосом. — Дальше пришла кошка. Она опоздала, потому что мышка ее обманула, назвала неправильный день. И кошке ничего не досталось. С тех пор все кошки ловят мышек.

— Очень красивая легенда, — сказал парагваец Хосе. — Я буду рассказывать ее на ночь своей дочери. Спасибо вам.

Зазвонил звонок. (с) Вадим Смоленский.

[8] Строки из «Песни о переселении душ» В.С. Высоцкого.

***

Тарас и впрямь был озадачен, и причину своей озабоченности он поведал сразу же, оказавшись в пределах слышимости:

— Два рубля за хвост! Сто двадцать рублей!!! Это все, что я от него получил! Правда, еще репутация выросла, хорошо выросла, врать не буду. Ну и все!!! Сто двадцать рублей за весь данж!!!

— А поторговаться пробовал? — поинтересовался Петька.

— Да не то слово, — выверился Тарас. — Я, можно сказать, наизнанку вывернулся, но он мертво стоял. Главное — сам все понимает, репутация с ним растет, но он смотрит на меня грустно, чуть не плачет, мол, «сам понимаю, что нарушаю все мыслимые правила торговли, но сделать ничего не могу». Я и так, и сяк — мертво! Я тебе, грит, сказал, что оплата похвостно, и репутация вырастет, вы согласились — значит, вас это устраивало.

— А сто двадцать рублей — это много? — вдруг поинтересовалась Семеновна.

— А кто ж его знает? — Тарас в сердцах едва не матерился. — Местных денег ни у кого еще толком нет, на аукционе пока пять жалких лотов выставлено и все пять не за деньги, а на обмен на равноценное для другого класса.

— Кстати! — вспомнил Митрич. — А что там с наградой за голову и еще луком он интересовался?

— А ничего! — махнул рукой Тарасик. — Чомпе еще с проверки не вернулся. Вот, мол, когда подтверждение вашего геройства будет, тогда и будем разговаривать.

— Кисло, — присвистнул Митрич. — То есть у старосты за данж мы, почитай, ничего и не получили. Осталось еще руководителям Турнира нам награду за первое прохождение зажать — и вообще шикарно будет.

— Сплюнь! — посоветовала Семеновна. — Вот не удивляю ни разу. Здесь что-то все мутят не по-детски. Ты лучше, милоч, скажи — про группу, которую они в данж отправили, спрашивал?

— Спрашивал, — кивнул Тарас.

— И что?

— Да все то же — ничего не помню, ничего не видел, ничего не знаю. Как пушер в участке у бобби[1]. - сплюнул Тарас, — Он, как мне показалось, сто раз уже пожалеть успел, что нам про эту группу сболтнул.

— Плохо, блин... — погрустнел Митрич.

— Вот и я так подумал, — и Тарас неожиданно улыбнулся, второй раз на моей памяти.

— И что? — заинтересовался Митрич.

— Да так... — Тарасик разулыбался пуще прежнего. — Купил с выручки кувшин пива в лавке, тридцать две копейки стоит, похоже, мы богаты.

— И? — не утерпел Петька.

— И пошел к стражникам, которые у портала службу несут. — хмыкнул Тарас. — У портала никого не было — староста пост снял, я так понял — вскоре после объявления о нашей победе. Они его, конечно, не слышали, но по времени совпадает. Ну, я тогда с этим кувшином в казарму стражников метнулся, благо она отсюда в двух шагах. Меня там уже как

старого приятеля встретили, примелькался им за сегодня.

— Какая ты умница, Тарасик! — не удержалась от похвалы Семеновна.

— В общем, — сиял улыбкой Тарас. — Дело было так. Сначала, как только нас в реку загнали, староста велел страже пост у портала организовать и сам с ними сидел. Они после нас еще три группы на ноль помножили, а вот четвертую — пятую, если с нами считать — староста велел сначала живыми взять, потом связать и к подвалу с крысами вести. А возле портала — развязать, вернуть оружие и затолкать в подвал. Причем участники этой группы явно не понимали, что происходит, никуда идти не хотели, а какой-то рыцарь даже орал все время «Куда вы меня тащите...» и какое-то слово на букву «п», стражники такого слова не знают[2]. Когда, говорят, мы их в подвал в шею затолкали, староста повеселел, велел нам возвращаться на пост и всех приходящих демонов на ноль множить, а сам куда-то смылся, сказав, что у него дела.

— Занятно, — хмыкнул Митрич.

— И это еще не все! — продолжил Тарас. — Как рассказали стражники, следующая группа была какая-то странная. Они, во-первых, даже за оружие хвататься не стали, как будто ждали чего-то. А когда стражники их на копья подняли, они все про какой-то данж голосили, а что такое данж, стражники тоже без понятия. Небогатый у них лексикон, как я погляжу — ни слова «данж», ни слова на букву «П»...

— Да, неписи здесь тупые, — кивнул Митрич. — А про группу эту что-нибудь помнят? Рост, внешность, особые приметы, татуировки?

— Да я попытался узнать, но без толку, — кивнул Тарас, — Групп сегодня много было, они у них все в единую массу слились. Помнят только, что в странной группе какая-то девка наглая верховодила, и больше ничего конкретного. Кстати, Малиновский еще больший дурак, чем я думал. Судя по их рассказам, он с группой вернулся, и все какого-то «Петьку-суку» требовал ему предоставить.

— Это не про меня! — тут же открестился Петька. — Я Петька Пара.

Все посмеялись, после чего Светлана сказала серьезным голосом.

— Мне кажется, всерьез назрела необходимость обсудить происходящее всем коллективом и прикинуть наш план действий на ближайшее время. А то мы что-то в последнее время плывем по течению как известная субстанция. Давайте-ка в колледж вернемся, здесь нам все равно, как я понимаю, делать пока нечего? Опять же — пост стражников с портала сняли, подозреваю, что скоро здесь будет людно.

***

В колледже на просьбу посоветовать место, где можно нормально поговорить без лишних ушей, студенты привели нас в какую-то заросшую плющом беседку. Митрич место одобрил — и мы в глаза бросаться не будем, и к нам незаметно подойти и подслушать не получится. И едва мы набились внутрь, Светлана, обведя нашу теплую компанию глазами, сказала:

— Некомплект, однако. Нин, можешь Ольгу вызвать? Я думаю, она уже проревелась.

Семеновна молча кивнула и набрала сообщение. Буквально через несколько секунд блымкнул ответ: «Я сказала — «завтра», значит завтра».

— Ты смотри, она что — в виртуальности сейчас, раз сразу ответила? — удивилась Семеновна.

— Конечно, — кивнула Татьяна. — В колледже, небось, гасится, у нас же тут личные комнаты у каждого. Думаю, скорее всего, у себя на диванчике валяется, и в библиотеке

здешней роется, информацию о сегодняшних загадках пробивает. Здесь же самая полная коллекция сведений об «Альтернативном мире», они же типа наши спонсоры, вот и подкинули сюда чуть не все свои выпуски. Там даже файлы с грифом «Для служебного пользования» попадают. Мы же, собственно, там информацию о Турнире и рыли. Ольга — она хоть и сволочь, но не дура, и днями напролет рыдать не будет.

— То есть я ее прошу прийти, — начала медленно заводиться Семеновна, — а она меня вроде как посылает?

— Типа того, — не стала спорить Татьяна. — Только уговаривать ее сейчас бесполезно, я ее знаю. Она упрямая и не пойдет.

— Да кто же ее уговаривать будет? — удивилась Семеновна. — Еще я всяких тут... не уговаривала. За хвост и об забор — вот и все наши уговоры!

И она опять что-то набрала в мессенджере. Ответ вновь не заставил себя ждать: «Ну так походи и приведи, если такая суровая».

— Вот всем вы, девки, хороши! — вздохнула Семеновна. — Только память у вас девичья.

И она что-то нажала в интерфейсе. В ту же секунду на пол беседки рухнула Квин, появившаяся в воздухе в позе рембрантовской Данаи[3] с планшетом в свободной руке. Принцесса, похоже, и впрямь валялась на диванчике — судя по пижамке свободного края и веселенькой расцветочки, в которую Ольга была облачена. Расцветочка была розовой, с многочисленными изображениями древнего бренда Hello Kitty,[4] вновь вошедшего в моду в этом году. А покрой был совсем не детсадовским, и декольте, едва скрывавшее уже совсем не детские ольгины прелести, заставило Петьку густо покраснеть и нервно сглотнуть.

Ольга сначала обвела нас непонимающим взглядом, а потом, вспыхнув, покраснела еще сильнее Петьки.

— Ты что — совсем охренела?! — заорала она на Семеновну. Но та, несколько не испугавшись, наставила на мажорку указательный палец и медленно, размеренно произнесла:

— Запомни, сикильдявка, три вещи. Первое — ты никогда не будешь мне тыкать! Я тебе не горничная и не прислуга, я к тебе не нанималась, ты мне денег не платишь и платить не будешь. Мы с тобой свиней не пасли, я тебя вчетверо старше и в десять раз важнее. Хотя бы потому, что я в своей жизни вытянула с того света сотни людей, а все, что пока сделала ты — это измотала нервы родителям и одноклассникам. Поэтому никаких поводов к амикошонству[5] у тебя нет!

Второе — ты не будешь со мной спорить без нужды. Я первый раз тебя о чем-то попросила, и в будущем отнюдь не собираюсь злоупотреблять этим правом. Поэтому соглашение таково — я не дергаю тебя без нужды, ты никогда не перечишь моим просьбам.

И третье — ты сейчас не будешь отвечать сразу, а помолчишь немного, чтобы не сказать тех слов, которые безнадежно испортят наши отношения. Потому что только очень глупые собачки скалят зубки на тех, у кого в руке их поводок. Не заставляй меня думать о тебе хуже, чем ты есть — ты порядочная стерва, но не дура. Все?

Ольга выдержала паузу, а потом кивнула:

— Все. Я вас услышала, Нина Семеновна. Добавлю только, что поводок у вас в руках будет не всегда. Вот тогда мы вернемся к этому разговору.

Семеновна кивнула:

— Отлично. На, прикройся. — немка бросила ей клетчатый плед, извлеченный, похоже,

из инвентаря. — И радуйся, что ты не в душе была.

А я подумал, что Семеновна только что, похоже, окончательно похоронила все наши шансы на успешное выполнение квеста. Вряд ли Ольга когда-нибудь простит нам это публичное унижение. Не тот характер.

С другой стороны — да и хрен с ним! Не спускать же ей было с рук неприкрытое хамство.

— Вы закончили? — глядя поверх очков, осведомилась Светлана. — Тогда, с вашего позволения, я попробую сформулировать ситуацию, в которой мы оказались так, как она мне видится. Ольга, вас не было с нами, поэтому вам я коротко расскажу последние новости.

И она сжато поведала о сведениях, добытых Тарасом.

— После этого, — резюмировала она, — можно уже сделать определенные выводы. Первое — кто-то на этом турнире нечестно играет. И этот кто-то — из не из последних людей в «Альтернативном мире», по крайней мере, из людей, допущенных к управлению ходом событий на турнире. Его основная задача — обеспечить победу одной конкретной команды. Для этого, подкупив или иным способом замотивировав актера, отыгрывающего старосту, он договорился с ним о том, что пятую по счету команду, попавшую в локацию, не отправляют на перерождение, а берут под белы ручки и ведут в данж, прохождение которого обеспечивает победу на первой неделе. Так?

— Так, — подтвердил я.

— Однако против этого неведомого кого-то играет второй инкогнито, также имеющий немалые возможности. Именно этот неведомый нам благодетель сделал так, что наша команда попала в локацию с деревней раньше положенного срока и сдвинув, таким образом, всю очередность.

— А это еще почему? — поинтересовался Митрич.

— А ты вспомни. Мы появились в деревне, когда никто не был готов к появлению «демонов», в том числе и староста, для которого вовсе не было секретом, что сегодня в деревню пойдут команды выпускников. Поэтому мы стали первыми в условной «очереди», да еще и сумели удрать, сохранив большую часть команды. В итоге очередь сдвинулась, и команда, под которую «стелили соломку», оказалась в итоге не пятой, а шестой и потерпела фиаско. Разгневанная поражением та самая «наглая девица», командовавшая «блатной» командой, в гневе отбила анонимное сообщение Татьяне, подтвердив таким образом жульничество на Турнире.

— Резонно, — согласился Митрич. — А почему ты думаешь, что это какая-то шишка из «Альтернативного мира»? Это может быть и какой-то мелкий админ, имеющий возможность контролировать порталы в локацию с деревней. Сделать так, чтобы нужная команда оказалась пятой по счету, может и дебил, для этого не обязательно быть большим начальником.

— Позиция «альтмировцев», Сережа, — парировала Светлана. — Вспомни позицию компании в конфликте с руководством школы. Ради мелкой сошки руководство компании никогда бы не заняло позицию «ничего не знаем, это никакой не косяк, все так и было задумано». Да еще и в конфликте с руководством колледжа, где учатся сильные мира сего. Так покрывают только кого-нибудь с самого верха.

— Ну да, тоже резонно — согласился Митрич.

— А вот, кстати, неведомый противник нашего жуликоватого Большого Босса, предлагаю называть его Робин Гуд, вполне может быть и мелкой сошкой. Судя по всему,

порталы должны были начать работать на деревню несколько позже, чем мы там оказались — поэтому никто и не ожидал нашего появления. Так что все, что сделал Робин Гуд — это просто подкрутил портал, чтобы он высадил нас в деревню раньше срока. И тем самым похерил все планы Большого Босса. Не удивлюсь, если это можно сделать анонимно, и сейчас Большой Босс в ярости шерстит список всех доверенных подчиненных, пытаюсь вычислить — кто же из них рискнул поиграть в свою игру.

— Хм... Занятно — пробурчала Семеновна. — А черепаху тоже Большой Босс перепрограммировал?

— Ну, не лично, конечно — ответила Светлана. — Наверняка кто-нибудь из его подчиненных. Но инициатива исходила от Большого Босса, наверняка.

— А зачем? — поинтересовался я.

— Да все то же самое — сокращение поголовья потенциальных соперников. Я бы дорого заплатила за возможность узнать, кто же продал на этом Турнире правило «трех жизней». Почти наверняка это и есть Большой Босс.

— «Дорого» — это сколько в евро? — вдруг поинтересовалась Ольга, которая, несмотря на смертельную обиду, слушала нас с неподдельным вниманием.

— На самом деле у меня столько нет, — улыбнулась Светлана, — Так что, Ольга, не обращайтесь внимания.

— Я просто к тому, что я могу попробовать узнать через отца. У него есть доля «Альтернативном мире», миноритарная, правда, но есть. Какие-то подвязки у него там должны быть, он у меня просто так деньги нигде не держит. Кстати, эту инфу лучше с разных сторон копать. Патрик, тебя не спрашиваю. Плюха, ты через отца можешь?

Жадина молча покачал головой.

— Ладно, не вопрос, — воодушевившаяся идеей Ольга откинула волосы со лба. — Блин, Танька, как не вовремя у тебя все случилось! Твоему отцу все бы уже через полчаса доложили, да еще и в подробностях.

— Спасибо, ты очень деликатна, — ответ Татьяны просто сочился сарказмом.

— Блин, ну извини, — Ольга нимало не смутилась. — Ты же знаешь, я азартная. Ладно, с тобой понятно. Петька, ну ты-то хоть своего папашку можешь попросить узнать?

— Попробую, — неуверенно ответил хил. — Папа, с одной стороны, виртуальностью совсем не увлекается, и никаких бизнес-интересов у него в этой области нет. Но, с другой стороны, это же типа выпускной, причем у его единственного сына. А тут гадские гады на себя одеяло тянут, и мне, можно сказать, будущее гробят. Думаю, он впряжется. А если папа во что-то впрягается, то это обычно серьезно.

— Будущее гробят, гы-гы... — засмеялась Ольга. — Я вообще удивляюсь, как тебя предки не убили, когда ты в команду бесплатников вписался.

Петька сразу помрачнел и махнул рукой:

— Короче, я спрошу у папы.

— Вот и прекрасно, — вмешалась в разговор Светлана. — А теперь позвольте мне продолжить?

— А это разве не всё? — удивилась Татьяна.

— Нет, не всё. Я предлагаю перейти к обсуждению персоналий. Вы как хотите, а у меня на роль Большого Босса только одна кандидатура. На роль Робина Гуда кандидатура тоже единственная, но тренеры и так понимают — о ком я, а вам я ничего не скажу. Не потому что я вам не доверяю, а чтобы даже теоретически не подставлять человека, играющего на

нашей стороне. Что же касается Большого Босса... Что вы можете сказать об Илье Семеновиче Мутадовском и его дочери — Светлане, если не ошибаюсь?

— Чего? — практически хором поинтересовались все выпускники.

— Это ты о ком? — в диссонанс с ними поинтересовался я.

— А помнишь двух мужиков, которые нас здесь встречали? Впрочем, вы тогда были в таком состоянии, что я не удивлюсь, если ты и ректора не запомнил.

— Мудаковский — Большой Босс?! — со смехом поинтересовалась отходчивая Ольга. — Наш председатель Родительского комитета? Со всем уважением, но это анреал. Вы, наверное, его плохо знаете. Это самый-пресамый архисуперправильный чел, который только существует в мире. Чтобы он пошел против правил? Да скорее небо рухнет на землю. Таких зануд просто больше не существует в природе. Бедная Светка, как она только не повесилась до сих пор...

Лица остальных выражали полное согласие с мнением Ольги. Даже Татьяна, почему-то разом погрузневшая, покачала головой.

Светлана Сергеевна улыбнулась.

— Дети, вы что — детективы никогда не читали? Во всех хороших детективах преступником всегда оказывается тот, на кого сроду не подумаешь. Открою тайну — в жизни люди тоже часто совершают такие поступки, которых от них отродясь никто не ожидал, включая самых близких людей, которые вроде бы знают их как облупленных. Давайте так — я вам буду задавать вопросы, вы на них честно отвечаете, и если к концу нашего диалога ваша убежденность в невинности Ильи Семеновича останется столь же незыблемой, я извинюсь и сниму свои подозрения. Хорошо?

— Ага! — ответили старшеклассники.

— Я правильно понимаю, что Мутадовский — топ-менеджер корпорации «Альтернативный мир»?

— Да, он член Совета директоров, причем один из самых авторитетных. — ответила почему-то Татьяна. — Под ним очень большое и важное направление, но какое предметно — не скажу. Он никогда не говорил, не удивляюсь, если даже Светка не знает. Знаю только, что это одна из самых перспективных разработок корпорации, большой задел на будущее.

— Прекрасно — улыбнулась Светлана. — Открою вам еще одну тайну — большие должности несовместимы с заскорузлостью. Большой начальник — это всегда синоним словосочетания «гибкий человек», порой даже излишне гибкий. Другие до таких постов не доживают. Нельзя стать директором, многократно не нарушив все возможные правила. Нельзя руководить крупным соединением, не имея — по крайней мере в голове — все возможные степени свободы. Поэтому в заскорузлого правильного зануду на таком посту я не поверю, хоть убейте. Это маска. Давайте так — забудьте о его правильности. Давайте попробуем проверить — были ли у Ильи Семеновича теоретические возможности оказаться Большим Боссом. Первые два плюса в эту графу я уже вижу. Во-первых, он, хотя бы в силу должности, располагает большими возможностями для того, чтобы вмешиваться в ход Турнира. Так?

— И даже больше, — подтвердила Ольга. — Именно он все эти годы был куратором Турнира со стороны «Альтернативного мира». Никто лучше его Турнир не знает, только он видит всю картину в целом. Мы когда к Турниру готовились и всю инфу поднимали, я еще тогда внимание обратила — все нити в конечном итоге ведут к нему.

Светлана удовлетворенно кивнула.

— Второе — перспективная разработка, которую он курирует. Корпорация может сдать кого угодно, но только не человека, от которого зависит будущее этой корпорации. Даже если он будет, как твой Джек Потрошитель, проституток резать по ночам, корпорация будет отмазывать его до последнего и биться за него насмерть. А уж такую шалость, как желание подыграть своей дочке на выпускном турнире в колледже, ему простят авансом. И вот мы переходим к третьему вопросу — любит ли он дочь, важно ли для него ее будущее?

— Даже больше, чем любит, — почему-то мрачно подтвердила Татьяна. — Светка для него свет в окошке, он за нее убьет без колебаний, и все свои деньги тоже отдаст безо всякого раздумья. Я не знаю такой вещи, которую Илья Семенович ради нее не сделал бы.

— Вот даже как? — Светлана с большим интересом посмотрела на Татьяну. — Тогда следующий вопрос — может ли его дочь, моя тетка, оказаться той самой «наглай девкой», которая возглавляла вайпнутую стражами команду. Могла ли она написать эту записку Татьяне?

Все школьники улыбнулись, Ольга — так просто залилась смехом, а Татьяна помрачнела еще больше. Однако нашла в себе силы заговорить:

— Ладно, все равно вы рано или поздно узнаете. Светка — моя бывшая лучшая подруга. Мы были с ней вместе с первого дня в этом колледже. Они тоже живут в Москве, и наша дружба довольно быстро перешла из виртуальности в реальность. Я миллион раз бывала у них дома, так же, как и она у меня. Я хорошо знаю ее маму, прекрасно знаю и всемерно уважаю Илью Семеновича. И я не верю, что он — Большой Босс.

— Таня, вы сказали — бывшая подруга...

— Да. Когда... Когда с моим отцом все это случилось, для меня... Для меня это было страшным ударом. Я конкретно была не в себе. Мама меня в тот день отправила в колледж, она конкретно заиклена на том, чтобы я его закончила. Ну а я сидела на уроках как в тумане. Но уроки — это было еще нормально, самое страшное — это перемены. Боже, как же я ненавижу с того дня перемены! Ко мне все подходили, вроде как с соболезнованиями, но какие же у них у всех были глумливые рожи! Или того хуже — пытались у меня подробности вызнать, чтобы потом посплетничать всласть во всей школе. Боже, как я тогда вас всех ненавидела! — Татьяна ожгла глазами своих одноклассников, и те невольно поёжились, даже Ольга. — В общем, когда ко мне подошла Светка, я сорвалась и наговорила ей такого... Такого...

Татьяна всхлипнула, но сдержалась, и протолкнула комок в горле.

— Потом выяснилось, что она хотела мне только сказать, что не верит в виновность папы. Она до сих пор, наверное, единственный человек в колледже, который не верит. Также, как я не верю и не поверю в то, что Илья Семенович — Большой Босс. Но это уже так... Это уже чудом уцелевшие обломки той большой дружбы, которая рухнула в тот проклятый день. Наверное, все еще можно было поправить, но когда мы с Ольгой создали эту команду... В общем, та команда, где она сейчас капитаном — эта та самая команда, которой мы три года готовились выигрывать этот Турнир, и которую я... — она все-таки протолкнула это слово, — Кинула. В общем, Светка считает меня предательницей, и, наверное, правильно делает.

Татьяна не выдержала и все-таки всхлипнула.

— Понятно, — торопливо заговорила Светлана, стремясь предотвратить истерику с ревом. — Последний вопрос. Если твоя бывшая команда — это та самая «блатная» команда, под которую делалась «закладка» со старостой, а Светлана — та самая анонимная

ругательница... Ты не проверяла, как у них с жизнями? Турнирная таблица, сколько я понимаю, обновляется в прямом эфире. Посмотри, пожалуйста.

Татьяна кивнула, торопливо смахнув слезинки, и уставилась в пространство перед собой.

— У всех пятерых осталась по две жизни. Жизни они потеряли сегодня днем, вся группа вайпнулась. Я так понимаю — стражники их помножили.

— А во время инцидента с черепахой, я так понимаю, никто не погиб? — осторожно спросила Светлана.

— Нет, никто. Тогда вся группа уцелела.

[1] Пушер — человек, продающий наркотики, как правило — мелкими партиями или в розницу. «Бобби» — прозвище английских полицейских.

[2] Анекдот такой есть — про любителя комментировать вслух на цирковом представлении.

[3] «Даная» — картина, написанная Рембрантом в 1636–1647 гг. по мотивам древнегреческого мифа о Данае, матери Персея. Хранится в Государственном Эрмитаже и, кроме прочего, известна там, что едва не была уничтожена по политическим мотивам в 1985 году жителем Литвы Бронюсом Майгисом. Вандал плеснул на полотно кислотой и успел дважды порезать его ножом. Признан невменяемым, более шесть лет провел в психиатрической больнице, потом был передан Литве и после распада Советского Союза освобожден.

[4] Hello Kitty, она же «Привет, киска» (англ.) — порождение японской поп-культуры в виде белой кошечки с красным бантом на голове. Брендом, приносящем более миллиарда долларов в год, владеет компания Sanrio. Торговая марка Hello Kitty зарегистрирована в 1976 году, так что кисе уже к полтиннику.

[5] Амикошонство — панибратство, бесцеремонное, излишне фамильярное обращение. Слово составлено из двух французских слов: ami — друг и cochon — свинья. И пусть в меня кинет камнем тот, у кого нет таких «свинствующих друзей».

— Хм... А сколько всего групп оказались такими везучими?

— Сейчас посчитаю, — откликнулась Татьяна. — Одна... Две... Три... Всё. Три из тридцати шести. Во всех остальных хоть одного, да отправили на перерождение.

— Ну, теоретически, — осторожно сказал я. — это может быть и совпадением. Раз есть и другие уцелевшие группы — может, им просто повезло?

— Может быть! — охотно согласилась Светлана. — С вероятностью три из тридцати шести. Сколько это процентов получается? Девять? Восемь?

— Восемь и три в периоде — уточнила Ольга, пощелкав на своем планшете.

Митрич уже открыл было рот, чтобы съязвить, но его упредило сообщение, упавшее в массовую рассылку.

ВНИМАНИЕ УЧАСТНИКАМ ТУРНИРА! ОПРЕДЕЛИЛСЯ ВТОРОЙ ПОБЕДИТ ПЕРВОГО ЭТАПА. ИМ СТАЛА КОМАНДА № 17 В СОСТАВЕ: СВЕТЛЯЧОК (КАПИТ МЭЛ, УОШ, КЕЙЛИ И ПАСТОР[1]. ПОЗДРАВЛЯЕМ СО ВТОРЫМ МЕСТОМ! НАГРА ВСЕМ ПОБЕДИТЕЛЯМ БУДУТ ВРУЧЕНЫ НА ИТОГОВОМ СОБРАНИИ ПЕРВОГО ТУРА.

Дочитав, я вопросительно посмотрел на Татьяну. Не я один, впрочем. Девушка утвердительно кивнула:

— Да, это они.

— Прошли, значит, данж... — Митрич не спрашивал, а утверждал. — И почему я не удивлен?

— В общем, — подвела итог Светлана, — теперь, думаю, можно уже считать вполне доказанным, что в турнире участвует блатная команда, «заряженная» на победу.

— Обращаю также ваше внимание, — продолжил Митрич, — что никаких формальных доказательств этому у нас нет. Любая претензионная комиссия пошлет нас лесом и правильно сделает.

— А если логи поднять? — поинтересовался Петька.

— А логи, если вспомнить позицию «Альтернативного мира» в конфликте, думаю, уже почищены. — устало пояснила Светлана. — Ладно, что делать будем?

— Сейчас или в общем? — уточнил Митрич. — Если в общем, то выигрывать, конечно же. А если сейчас, то валить по домам и переодеваться в пижамки, как у Оли. Денек сегодня выдался тот еще, не знаю как вы, а я уже с ног валюсь. Что вы на меня так смотрите, молодежь?

— А у вас, — Ольга хихикала не переставая, — что, и в самом деле такая пижамка есть?

— Спаси и борони! — Митрич даже перекрестился от негодования. — В этом вопросе человечество так и не придумало ничего лучше семейных трусов и армейской майки.

— А завтра что? — поинтересовался Тарасик.

— А завтра, — зевая, ответил Митрич, — завтра ты с утречка пойдешь к старосте яшкину голову сдавать. Дальше посмотрим, но я бы предложил отдаться качу. У нас еще пара дней до конца недели есть, завтра вам надо обязательно четвертый уровень добить и очень постараться к пятому уровню приблизиться. Чует мое сердце, второй этап еще хуже будет, там эти блатные «светлячки» из штанов выпрыгивать будут, чтобы счет сравнять. Поэтому к нему надо подойти во всеоружии. А пока — спать! И безо всяких планшетов, вам

выспаться надо!

— О, боги! — не выдержала обычно молчаливая Патрик. — И эти туда же.

***

Утром в деревне был аншлаг. Информация о том, где находится финальный данж этой недели уже каким-то образом ушла в народ, и у дома старосты с утра стояла целая толпа желающих отбить хлеб у знаменитого гостя города Гамельн[2]. Тарас, понимая, что любая попытка пролезть без очереди неминуемо обернется мордобитием, скромно пристроился в хвост очереди. Но постоять ему не дали. Староста, выпроваживая очередного квестобрателя, узрел в толпе знакомое лицо, веселые глаза и заорал:

— Плюха, друг мой!!! Ты что там встал как неродной?! А ну заходи, чайку попьем, у меня хороший, индийский! Эй вы там! А ну расступились! Расступились, я кому сказал! Объявляется перерыв тридцать минут! Обед у меня! Вас много, я один!

Плюха, провожаемый «добрыми» взглядами одноклассников, поднялся на крыльцо и скрылся за дверью. Мы с ним, естественно, не пошли — во-первых, незачем народ без нужды заводить, а во-вторых, присутствие посторонних только повредило бы — все равно ни у кого из нас репутация со старостой и вполонину не была прокачена против тарасовской.

Мы устроились в стороне, в тенёчке, и обозревали двор старосты, где собрался, похоже, весь выпуск Колледжа молодых львов.

— Ночью еще две команды данж закрыли, все читали? — поинтересовался Митрич. — Как я вам всегда и говорю, пока мы спим — противник качается!

— Ой, да ладно тебе! — отмахнулась Семеновна. — Вон, посмотри на этого противника, весь перед тобой, как на ладони! Ты на внешний вид их посмотри, страшно, аж жуть! Иные бомжи на вошебойку более изысканно одетыми приходят. Элита России, господи боже мой! И уровни большей частью первый-второй. Да наши по сравнению с ними — денди перекаченные!

— Это потому что все нормальные соперники либо уже отстрелялись, либо сейчас данж уютжат. — парировал Митрич. — А здесь одни шлемазлы лузероватые отираются. Те, кто выжил в катаклизме[3].

— Кстати, о катаклизмах. — влез в разговор я. — А кто-нибудь в курсе, как там у нас вообще с соперниками? Никто еще не выбыл?

И все опять посмотрели на меня, как на спевшего песню «Азох`н`вэй, шалом алейхем. Крейцман! Я снова здесь, я бархатных штанах[4]» на корпоративном региональном совещании. Все. Даже дети.

— Митя... — осторожно сказала Света. — Я уже отчаялась приучить вас читать гайды, но уж турнирную таблицу-то можно смотреть время от времени? Нет, полностью еще ни одна команда из борьбы не выбыла, но в двух командах осталось по одному человеку, и в пяти — двое. Этих, наверное, можно уже и не считать. Да, еще одна команда распущена, но оставшиеся в живых участники могут выступить соло.

— Это вы про Малиновского? — захихикал Петька Пара. — Ему, говорят, уже свою рожу начистили за то, что он их второй раз в локацию потащил. А он распахивался и распустил команду. Да их все равно двое оставалось, остальные все жизни сожгли, эти трое, говорят, в основном и усердствовали. А вот нефиг было меня «жиртрестом» обзывать!

— Ага! — хмыкнула Ольга. — Угадай с трех раз, кого Малиновский по всему колледжу второй день караулит. И зачем караулит.

Петька заметно занервничал.

— Он что — дурак? Ректор же говорил, что при обнаружении покушавшийся на жизнь соперника в колледже будет изгнан с Турнира. Все знают, что только тайно можно. Вылетит же!

— А Малиновскому не пофиг ли — выгонят его с Турнира или нет? — хихикала Ольга. — Команды у него больше нет, жизнь последняя осталась, первый тур он не прошел и уже не пройдет... Так что все, Петрусь. Иди заказывай оградку и памятник.

— Эй, алло, бойцы, вы что, одурели что ли? — голос Митрича прорвал хохот старшекласников как шмель паутину. — Вашего хила на перерождение отправить грозятся, дефицитной жизни лишить, а вам — хиханьки-хаханьки? С этой минуты вы все от Пети ни на шаг не отойдете — по территории колледжа передвигаться только толпой. Если что — фиксируете акт агрессии и валите милитариста на глухую. И вообще, по одному всем вам лучше нигде не ходить. Чем ближе к окончанию Турнира — тем больше обиженных на вас дураков будет. Лучше толпой прогуляться — веселее будет. Всем понятно?

— Понятно... — вразнобой протянули подопечные.

Мы еще немного поболтали, а потом из дома старосты вышел Тарасик. Как обычно, по лицу Либермана-младшего ничего понять было невозможно. Ему бы в покер играть.

Девчонки не выдержали, когда Тарасу до нас оставалось шагов пять, не больше.

— Ну? Ну как?! — первой не выдержала Татьяна.

Тарас не ответил, он подошел вплотную, и только после этого сообщил:

— Вроде бы нормально. Короче, за голову демона он сначала снарягой откупиться хотел, но я на него насел, и он мне отдал охотничью карту локации. Не всей, конечно, сколько там программы локи для Турнира написали, только они, наверное, и знают. Но все окрестности деревни на пару дней пути во всех направлениях на карте есть. Прикол в том, что карта охотничья — то есть с указаниями, где каких мобов фармить можно, какого они уровня, как часто респаунт и т. п. Плюс — четыре найденных местными охотниками данжа отмечены. Данжи без подробностей, местные в них не полезли, только местонахождение. Но и это, по-моему, круто.

— А ну покажи! — потребовал Митрич. Получив искомое, минуты три буравил карту глазами, а потом вернул Тарасу, — Офигеть! Это же теперь прокачка вдвое быстрее пойдет, без нездоровой суеты и поисков нужных мобов. Это же офигеть какое сокровище! Нет, давай-ка бумагу обратно. Пока дальше докладывать будешь, я как раз прикину, куда сейчас качаться пойдём.

— А насчет лука что? — не утерпела Семеновна. — Продал или сменял?

— Сменял! — гордо кивнул Тарас. — Чем-то ему этот лук приглянулся. Настолько, что за него он в итоге отдал полный комплект на хила пятого уровня — материл меня на чем свет стоит, но в итоге отдал-таки. Полный комплект — это реально полный: жезл, шмот и даже ювелирка. Всё — редкого качества, я тут быстренько посчитал — если брать грубо и в среднем, то Петька усилится примерно в четыре раза по сравнению с его теперешним нубовским облачением. В чем-то больше, в чем-то меньше, но в среднем так. Правда, ему еще пятый уровень выбить надо.

И на этом месте Митрич очень выразительно посмотрел на Петьку. Настолько выразительно, что Пара даже заерзал, как будто ему кнопку подложили.

— А я чо? — вдруг крикнул Петька. — Ну надо так надо, я же не отказываюсь.

— Во-о-от! — Митрич удовлетворенно кивнул и откинулся назад. — Чего сидим? Встали и выдвигаемся вот сюда, к солончаку.

И Митрич ткнул пальцем в карту.

— Свинюшек бить будем. Они вам как раз идеальны для прокачки — седьмой уровень, но социальность низкая. Будете таскать по одной, одну вы толпой без проблем разберете. А опыта за счет разницы в уровнях должны отсыпаться неплохо. Кому сидим? Встали, встали!

— Тут это... — откашлялся Тарас, вновь привлекая к себе внимание. — Тут вот еще староста дал, не в качестве представителя власти, а чисто комплимент от деревни — за избавление от демона.

И Тарас вытащил какой-то кусок кожи.

— Чо это? — любопытствовал Петька.

— По-нашему говоря — вексель. — пояснил Тарас. — На банкет в деревенском трактире за счет общины.

— На сухую или как? — сразу заинтересовался Митрич.

— Обижаете, Сергей Дмитриевич. — оскорбился Тарас. — All inclusive на двадцать человек, включая все сорта местного пойла.

— Вот и отлично! — потер руки вояка. — Вот Турнир выиграете, сразу и отметим.

— Если Турнир выиграем, — мечтательно проговорила Ольга, — там не о деревенском трактире речь пойдет. Я думаю, родители на радостях нам хоть Государственный Кремлевский дворец снимут, если попросим.

— В общем, ладно, — отмахнулся Митрич. — Был бы повод, а где бухать — разберемся. Все, погнались, там свиньи, небось, уже волноваться начали — куда мы пропали, почему не идем.

— Как писал поэт, — не удержался и ввернул я, — «Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?»[5].

— Этот поэт мне неведом, — тут же парировал Митрич, — а вот знакомый мне поэт писал: «Они лежат и бредят: «Ну что же он не едет, ну что же он не едет, Доктор Айболит?»[6]. Все, хорош болтать, погнались свиноцид устраивать!

— Митя, — вдруг вмешалась Светлана. — А что тебе с нами идти? Ладно, Митрич с Андрюшкой военному делу будут обучать настоящим образом[7]. Семеновна, понятно, свиней потрошить будет. Я травку в окрестностях подержаю и насчет тайников любопытствую. А тебе что там делать? Никакой рыбалкой на этом солончаке и не пахнет, что ты там будешь время терять? Ты лучше посиди в колледже в библиотеке, поройся там — может, какие мысли и появятся относительно темы Турнира.

— Хм... — я поскреб затылок. — Да мысли давно есть, мне, если честно, кое-что проверить бы надо...

— Тем более! — ухватила за мои слова Светлана.

— И впрямь! — поддержал ее Митрич. — Сергевна дело говорит, нам ты там без надобности, а тут, глядишь, и польза будет. Заодно и миньону своему занятие найди. Здесь он нулевка, все равно ничего не прокачаешь, а в колледже-то все нормально. Пусть хотя бы вокруг библиотеки бегают, пока у библиотекаря голова не закружится. Ну да ладно, сообразишь. Все, чеши к порталу!

Пожав плечами, я двинулся обратно в колледж, а все остальные отправились качаться.

На территории колледжа я довольно уютно устроился в читальном зале. Вот чего не отнять у этой русской версии Хогварца — все в замке устроено по уму, для людей. Постарались олигархи для детишек. Библиотека в колледже была огромной, и работать можно было где угодно, главное, чтобы исследователю было удобно. Если тебе лучше

работается в подвале — добро пожаловать в подземное хранилище, если на природе — велкам в зимний сад или на веранду. На веранде я и устроился. Выписал в электронном хранилище кучу книг, взял себе кофе и устроился так, чтобы видеть Цитамола, бегающего по кругу с камнем на плече. Всё как в старые добрые времена, прямо ностальгия взяла.

Мои предположения подтвердились довольно быстро, загадка, собственно, оказалась не такой уж и сложной. Другое дело, что ответ был довольно объемным, и я погрузился в изучение этих четырех пухлых томов. Их придется прочитать и хорошенько запомнить содержание, без этого пользы от отгадки было немного. Таким образом, на несколько дней я работой был обеспечен. Другое дело, что работа была практически идеальной. Сиди себе, да читай интересную книгу, прихлёбывая хороший кофе — можно ли придумать занятие лучше?

Один час сменялся другим, я сходил пообедать и намеревался к вечеру расправиться с первым томом. Но меня неожиданно прервали.

На веранду поднялась парочка, и мужчина (по-моему, один из охранников библиотеки) кивнул на меня своей спутнице:

— Вот он.

И ушёл.

Я приветственно улыбнулся даме, и, пока она решительно шла к моему столику, успел ее в подробностях рассмотреть.

Незнакомка чем-то неуловимо напоминала Алевтину Семеновну, директора нашей богадельни. Не внешностью, нет — типаж был абсолютно другим, разве что возраст близкий, около сорока. А так — никаких тебе сложных причесок, залитых лаком, никаких строгих костюмов, никакого кабинетного политеса[8]. Если на секунду допустить, что у дамы мог бы быть кутюрье, занимающийся ее гардеробом, то девизом этого достойного мужа были бы всего два слова: «Практичность и удобство». Ну вы поняли — джинсы, немаркий свитер, прическа «дежурное каре» и полное отсутствие косметики. Вот! Я, кажется, понял, что объединяло их с Алевтиной — целеустремленность. Обе были из категории женщин, становится на пути которых категорически не рекомендуется — затопчут. Последнее слово можно было, кстати, понимать и в буквальном смысле — к моему столу незнакомка двигалась походкой Петра Первого на строительстве Петербурга. Помнится, незабвенная секретарша Верочка из «Служебного романа» описывала подобную походку как «вся отклячится, в узел вот здесь вот завяжется, вся скукожится, как старый рваный башмак, и вот — чешет на работу, как будто сваи вколачивает!». При этом сама по себе дама была вполне симпатичной, вот только крест на себе как на женщине она поставила лет десять назад минимум.

Тем временем незнакомка остановилась напротив меня и начала без предисловий:

— Дмитрий Валентинович — это вы?

— Я — не стал отрицать я.

— А Леонидову вы знаете? — не отступала дама.

— Какую Леонидову? — не понял я.

— Слепую! — как будто гидравлическим прессом припечатала незнакомка, — Аглаю Владимировну, какую же еще?

Я немного растерялся под эдаким напором, но сумел собраться и понять, что речь идет о Патрике.

— Аглаю знаю, — кивнул я, — Я, правда, до сего дня не подозревал, что Владимировну.

— Да и ладно! — махнула рукой дама, — Не заработала она еще отчество. Да и отчество у нее, честно говоря, липовое. Мною самолично придуманное. Но я не о том.

— Ну слава богу! — порадовался я. — Раз разговор будет долгим, то здравствуйте вам тогда.

— И вам не болеть, — рассеянно ответила дама, которая явно о чем-то задумалась. — Я ее мама.

— Я догадался.

Но дама не обратила на мои слова ни малейшего внимания. Минуту или даже две она напряженно о чем-то размышляла, а потом, наконец, вновь обратила на меня внимание.

— Объясните, что происходит! — потребовала она.

— Где? — поинтересовался я.

— В Гондурасе, блин! — вновь не сдержалась дама. — С Аглаей, конечно.

— Э-э-э... Да вроде ничего. У вас очень хорошая девочка. И танкует мастерски, — зачем-то добавил я.

К счастью, дама не обратила на последние слова ни малейшего внимания — настолько ее задели первые.

— Ничего?! Это вы называете — ничего? Я только что от директора. Он сказал, что Лаюшка связалась с какими-то прохвостами, влезла в какую-то аферу! Что из-за них колледжу пришлось нанимать каких-то тренеров-пенсионеров, и — самое главное! — что выпускной экзамен моей дочери под угрозой!!! А вы вообще знаете, во что мне стало это ее обучение?! Да я пять лет как последняя проститутка корячилась, лишь бы концы с концами свести!

К несчастью, я обладаю хорошо развитым воображением и неудачно скроенная последняя фраза заставила меня улыбнуться. И хорошо, что не покраснеть.

— Очень смешно! — фыркнула дама. — Вы вообще — тренер?

— Тренер.

— А Аглая где?

— Ну... С другими тренерами. На тренировке.

— А вы что — филоните?

— Э-э-э... Нет. У меня библиотечный день.

Дама опять фыркнула.

— Вы можете ее сюда вызвать?

— Зачем?

— Ну раз вы отказываетесь объяснить, что происходит, я вынуждена обратиться непосредственно к дочери. Чтобы получить информацию из первых рук.

— Да я, собственно, не отказывался... Если хотите, я могу...

— Вы будете вызывать, или мне полицию вызвать? — холодно поинтересовалась дама.

— Сейчас попробую.

Я набрал в личном чате: «Патрик, ты сейчас сильно занята?»

Ответ пришел мгновенно: «Совсем не занята, у нас перерыв минут на тридцать, пока свиньи респятся. А что?».

«Можешь в колледж вернуться? Думаю, что ненадолго».

Небольшая пауза.

«Без проблем, Сергей Дмитрич сказал, что можно и не торопиться. Он, если что, у девчонок танкование потренирует. Только вы меня поводком выдерните, а то лень до

портала идти».

«Дергаю?»

«Да»

В ту же секунду в библиотеке появилась Патрик. Она увидела мать, и ее глаза сначала стали очень удивленными, а потом — очень злыми.

— Что ты здесь делаешь? — не проговорила, а скорее прошипела она. — У тебя же нет аккаунта!

— Теперь есть, — с вызовом ответила ничуть не испугавшаяся дама, — А вот магазина в Ляличах больше нет. Продала. Дорогое это удовольствие, как выяснилось. А что делать, если дочь переселилась в виртуальность и мать родную знать не хочет?

— Зачем. Ты. Сюда. Пришла. — голос Патрика просто звенел металлом.

— На тебя посмотреть! — не осталась в долгу мать. — Узнать, наконец, что происходит! Ты что, соплюха, совсем рехнулась? Решила, что раз колледж заканчиваешь — то и бога за бороду взяла? А мать тебе уже не указ, да? Оперилась, говоришь, крылья распушила?! Да я тебе сейчас перья-то повыдергаю! А ну — отвечай, что это еще за афера, что за дружки? Куда ты влезла? Что вообще происходит? Почему я обо всем последней узнаю?

Патрик молчала, только бледнела все сильнее и сильнее. А госпожа Леонидова, если она, конечно, Леонидова, расходилась все больше и больше.

— Что ты молчишь? Воды в рот набрала? Ты вообще знаешь, сколько мне этот твой колледж обошелся? Мать с утра до вечера пашет как ломовая лошадь, с шести до двенадцати каждый божий день, каждый божий день! А ты? Ты вообще о ком-нибудь, кроме себя, думаешь? Коза драная! Ты понимаешь, что если я завтра сдохну от инфаркта, то ты по миру пойдешь, потому что ни хрена не умеешь и учиться ничему не хочешь! Почему я должна опять уйму денег вкладывать, аккаунт заводить, здесь тебя по всему колледжу с собаками искать, людей занятых дергать — потому что из тебя дома слова не вытянешь! Ничего добиться невозможно! Быстро отвечай, дрянь, — что происходит?!

— По колледжу, значит, бегаешь? Людей занятых дергаешь? — губы у Патрика тряслись, как будто их кто-то дергал за нитку. — Мало тебе Дальнереченска, еще и здесь меня теперь позорить будешь, да? Видеть тебя не могу! Меня тошнит от тебя, поняла?

Она метнулась к двери, но на пороге остановилась, и отчетливо отчеканила по слогам:

— Не-на-ви-жу-те-бя!

И хлопнула дверью так, что я порадовался за качество здешних косяков.

Секунду-другую я стоял совершенно ошалевший, разглядывая столь громкую, как выяснилось, дверь. В это время сзади раздался странный и очень неестественный звук. Примерно такой получается, если надуть воздушный шарик, а потом растянуть пальцами горловину.

Я оглянулся. Мама Патрика выла. Она повыла, наверное, с минуту, а потом, глотая слезы, принялась причитать.

— Дура я старая-я-я! Опять я все испортила-а-а-а! Да что же это такое? Да за что мне это все? За какие-такие грехи? И чем это я бога прогневила, что он так карает-то меня!!! Это же никакого сердца так не хватит — так болеть...

Потом она запричитала что-то уже совсем неразборчивое, а я стоял, как дурак, и слушал. Потом, наконец, догадался, налил из кулера водички и сунул стакан ей в руку.

Она, давась, выпила половину, потом помолчала минутку и абсолютно ровным голосом

спросила:

— Вот что мне делать, скажите? Вы ведь старый человек, здесь не поймешь, но я чувствую, что вы старик. Мы, коммерсанты, людей чувствуем, без этого ничего не получится. Вы жизнь прожили — скажите, что мне делать?

Я молчал.

— Людей чувствую, а дочь родную — нет. Она как будто за стеклом сидит, и не достучаться до нее, не докричаться — хоть наизнанку в крике вывернись. Когда так случилось, когда потерялась кровиночка моя?

И она опять заплакала.

— Вы знаете, у меня ведь никого нет, кроме нее. Вообще никого, даже себя. Я на себя давно рукой махнула, только ради нее живу. Я ведь ее в семнадцать родила, одна, и всей помощи — только мама. Папашка ее свинтил сразу, как только про ее будущее появление узнал. Роды тяжелыми были, она лежала неправильно и ногами вперед пошла. Я думала — сдохну, когда рожала. Натурально сдохнуть собиралась, на тот свет отчаливать. Акушерка-старуха вытянула — как давай меня матом крыть. Трехэтажным, я такого и не слышала тогда. Помогло, как ни странно, собралась я, выдавила ее из себя. А потом...

Она сглотнула.

— Потом то же подыхание, только медленное. Денег нет, у мамы пенсия по инвалидности, пособие — копейки. На институт, конечно, плюнула, на последние коробку детского питания купила, собралась, пошла работу искать. И поклялась тогда себе самой страшной клятвой, что я сдохну — но сделаю так, чтобы дочка нужды не знала, чтобы ее жизнь счастливее моей была. Ну что тут скажешь — все так и случилось, все сбылось! Кто там сказал — бойтесь своих желаний, они могут сбыться? Умный человек был. А я вот дура была, и даже не догадывалась, что плата такой непомерной встанет. Мы ж люди простые, почитай что деревенские. У нас и город-то — одно название. А я ведь пятнадцать лет, без отпусков, без выходных, с утра до вечера, как лошадь запряженная... Каждый божий день! Дочку и не видела почти, сначала мама с ней сидела, царствие ей небесное, потом, когда все случилось, я уже поднялась немного, нянь нанимала. Вот и упустила кровиночку. И ладно бы дрянь выросла, которая только о себе думает — нормальная же девка получилась, и с головой, и с сердцем. А вот не слышим друг друга — и все. И не достучаться.

Мы опять немного помолчали.

— Как так получается, когда все ломается, вы не знаете? Мы ведь для них, пока они маленькие — боги, самые натуральные. Они же только нами живут, нами дышат. Свет в окошке мы для них, по-другому не скажешь. И думаем, дураки, что всегда так будет. А потом — раз! И бог с пьедестала рухнул. И вдребезги. И не склеить уже.

— Почему все так плохо, вы не знаете? — вновь спросила она — Я ведь сюда пришла, и магазин продала, и аккаунт завела, потому что сердце изболелось уже. Не могу я без нее, зачем мне такая жизнь? Думала, поговорим, обнимемся, поплачем вместе, две родных души ведь, других не будет. А увидела ее — как бес толкнул! Опять разоралась, и, похоже, что было еще у нас с ней — и то доломала. Почему так, вы не знаете?

Молчание становилось уже совсем неприличным.

— Не знаю, — честно ответил я.

— А я знаю! — эхом откликнулась она. — Слишком люблю. Слишком боюсь за нее. Как увижу — так сердце сожмется. Вот и кричу — беду отгоняю.

Она встала и, не прощаясь, пошла к двери. Остановилась там же, где и дочь, также

повернулась и сказала тихо:

— Вы простите меня, Дмитрий Валентинович, что свою беду на вас навалила. Не могла я больше внутри носить. Выговориться надо было. Извиняйте, если что не так.

И ушла.

Я так и не узнал ее по имени.

Я посидел еще минут десять, переваривая произошедшее. Потом вошел в тренерский чат и набрал: «Слышите, старичье, посоветоваться надо. Тут вот какое дело...»

***

Через полчаса всем нашим подопечным пришла рассылка:

«Внимание выпускникам команды № 25! Послезавтра объявляется большой корпоратив — отмечаем победу на первом этапе. Место проведения — локация, трактир. Явка строго обязательна. Банкет будет совмещен с родительским собранием, кто не приведет хотя бы одного из родителей — будет отчислен из команды. Это не шутка. Тренеры».

[1] Угадаете сами?

[2] Естественно, имеется в виду Гамельнский крысолов, он же Гамельнский дудочник — главный герой одной из самых таинственных легенд Средневековья. Рассказов о таинственных музыкантах, подчинявших себе людей с помощью музыки, хватало во все времена, но сообщение о попытке кидалова в городе Гамельне является единственным, где с точностью называется дата события — 26 июня 1284 года, и о котором писали совершенно официальные хроники того времени наряду с совершенно подлинными событиями.

[3] «Те, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме» — фраза из песни Владимира Высоцкого «Письмо в редакцию».

[4] Автор песни — Александр Розенабаум.

[5] Стихи Владимира Маяковского

[6] Стихи Николая Васильевича Корнейчукова, более известного как Корней Чуковский.

[7] «Учиться военному делу настоящим образом» — одна из самых известных цитат В.И. Ленина, висевшая практически в каждой школе в кабинете НВП (начальной военной подготовки). На самом деле эти слова — часть более развернутой фразы: «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. — Политический отчет ЦК VII съезду РКП(б), 7 марта 1918 г. — ПСС, 36 е изд., т. 36, стр. 26.

[8] Политес, от фр. *politesse* — вежливость, любезность — манера вести себя или разговаривать вежливо и благовоспитанно. В широком смысле слова — манера поведения.

Два дня народ активно качался, я сидел в библиотеке, Цитамол протоптал несколько загадочных для стороннего наблюдателя кругов в парке.

Малиновский и впрямь оказался еще большим дураком, чем все думали — случайно увидев Петьку, выходящего из портала, он тут же кинулся на него, даже не дождавшись появления остальных членов нашей команды, шедших следом. В итоге — сначала быстро улетел на перерождение, а затем вылетел из Турнира за доказанное покушение на соперника.

Семеновна ходила именинницей — потроша добычу наших семинаристов в промышленных масштабах, она первой из нас взяла пятый уровень мастерства. Следуя данному когда-то обещанию, изучила потрошение насекомых, а сейчас они вдвоем с Сергеевной днями ломали голову, думая, какую бы добывающую профессию выгоднее взять. Митрич с Андрюшкой педагогически зверствовали, к вечеру старшекласники валились с ног в буквальном смысле слова. Зато стараниями неуёмного военного пенсионера все пятеро взяли, наконец, пятый уровень. И это был рекорд. Если верить онлайн-таблице, мы не были первыми, кто взял пятый уровень, но именно наша группа стала первой, где этот рубеж пересекли все пять членов команды.

Старушки тут же решили проводить грядущий корпоратив по девизом «Пятью пять — двадцать пять». Это было тем более символично, что номер нашей команды в общем списке был именно двадцать пятый. Ну и, конечно же, этот «родительский день» сильнее всего заставлял волноваться и нас, и наших подопечных. Мы проводили его в субботу вечером, а в воскресенье устроители Турнира должны были подвести итоги первого этапа, наградить победителей и объявить задание на второй этап.

И вот, наконец, суббота. «Военные вожди» отпустили свое воинство еще в обед, наказав «помыться, погладиться и приводить родителей в харчевню в 17.00». Света с Ниной толкались в харчевне с утра, готовясь к празднику, с обеда к ним присоединились и мы. Митрич, правда, откровенно маялся в ожидании, периодически интересуясь, скоро ли кто появится, потому как «дело к вечеру уже».

Он так надоел всем этим «вечером», что Светлана, закончив, наконец, отладку какой-то взятой прокат магической приبلуды в виде большого ящика, отозвалась:

— ОК, пусть будет песня про вечер. Все равно проверить надо.

— А что это такое? — тут же поинтересовался Митрич.

— Это, Сережа, наша ресторанный группа лабухов. Какой корпоратив без музыки?

Она прищелкнула пальцами и, отбивая ритм щелчками, завела:

— Субботний вечер, и вот опять

Я собираюсь пойти потанцевать...

Семеновна немедленно подхватила:

Я надеваю штиблеты и галстук-шнурок.

Я запираю свою дверь на висячий замок.

На улице стоит ужасная жара.

Но я буду танцевать буги-вуги до утра.

Ведь я люблю буги-вуги, я люблю буги-вуги,

Я люблю буги-вуги, я танцую буги-вуги каждый день.[1]

К концу куплета агрегат довольно бодро выдавал партию ударных, а на втором куплете вступили гитары и мы с Митричем.

Но тут что-то не так — сегодня я одинок!

И вот я совершаю телефонный звонок.

Я звоню тебе, я говорю тебе: — Привет!

Я не видел тебя сорок тысяч лет.

И если ты не знаешь, чем вечер занять,

То почему бы нам с тобой не пойти потанцевать?

Ведь ты же любишь буги-вуги, ты любишь буги-вуги,

Ты любишь буги-вуги, ты танцуешь буги-вуги каждый день.

Большинство, конечно же, пели «секретовскую» версию, я, как олдскульный рок-н-рольщик голосил изначальную, «зоопарковскую», но в целом это было очень круто. Нас реально выштырило, и в конце второго куплета мы являли собой живую иллюстрацию знаменитой фразы «и разбойники пустились в пляс»[2].

На дискотеке темно, мерцают огни.

Танцуем мы, и танцуют они.

И если ты устала, то присядь, но ненадолго:

В сиденьи на скамейке, право, нету толка.

Новую пластинку ставит диск-жокей.

Я приглашаю тебя потанцевать, эй-эй!

Ведь мы любим буги-вуги, мы любим буги-вуги,

Мы любим буги-вуги, мы танцуем буги-вуги каждый день.

... буги-вуги каждый день...

Когда песня завершилась, а магический «шайтан-ящик» умолк, мы, обессиленные дрыгоножеством, рухнули кто где стоял.

— Ох, загнали, гады... — простонала Семеновна. — А я думала, я уже на такие телодвижения не способна. Так, без пяти пять, готовимся, сейчас дети с родителями припрутся.

Первой пришла Татьяна в сопровождении сидящего под домашним арестом отца и матери, у которой черные круги под глазами с момента нашей прошлой встречи проявились еще сильнее, грозя вскоре превратить ее в панду. Увидев опального чиновника, Сергеевна тихонько шепнула мне:

— Боюсь, у всех остальных будут только матери. Никто не будет рисковать, и подставляться контактами с «прокаженным».

Появившаяся Ольга подтвердила ее слова — ее сопровождала только мама, которая, едва войдя в таверну, брезгливо поджала губы и, вместо «здравствуйте», произнесла:

— А никакого места поприличнее найти нельзя было? И вообще — что за срочность? Что случилось?

— Не волнуйтесь, Виктория Артемовна, сейчас все соберутся, я все объясню. — улыбнулась Светлана.

Следом появился Тарас и тоже без отца. Командир был не на лихом коне, а в сопровождении мамы. Бывшая «экскуртница» все еще оставалась очень красивой женщиной и даже набранная полнота ее не портила. Вот только вела она себя как мышь — очень старалась быть незаметной до невидимости.

Минут через пять настал черед Патрика и ее родительницы. Визит в колледж явно спровоцировал более чем серьезную ссору. Мать и дочь даже не смотрели друг на друга и явно находились во взаимном бойкоте. Не удивлюсь, если о вызове на родительское собрание Аглая сообщила матери не лично, а по e-мейлу. Последним явился Петька-Пара в сопровождении обеих своих «плюшевых» родителей.

— Ты смотри, а петькин-то лысик не трус оказался, — высказалась с другой стороны Семеновна, — Пришёл, хотя наверняка знал, что танькин Владислав Алексеевич будет.

Меж тем родители расселись за длинным столом и выжидательно смотрели на нас. Сергеевна вновь улыбнулась всем, поднялась и встала во главе стола.

— Уважаемые родители. Сегодня мы решили сделать то, что, по-хорошему, надо было сделать сразу — собрать вас всех вместе и познакомиться. Давайте говорить начистоту — все мы понимаем, что ваших детей собрал в одну команду Его Величество Случай, а уж появление нашей команды здесь даже не случайность, а нарушение теории вероятностей. И — да, скорее всего сразу после выпуска мы все разбежимся и никогда больше не встретимся. Но это будет потом. А пока мы все плывем в одной лодке не в самый простой для ваших детей период. Вот мы и посчитали, что не лишним будет лучше узнать тех, с кем ты оказался вместе. Пришла пора познакомиться с вами, благо детей ваших мы уже немного знаем. И знаете, что я вам хочу сказать? У вас хорошие дети. У них есть самое главное качество — никогда не сдаваться. Эта команда должна была стать показательными мальчиками для битвы, но они не только не слились на старте, а выиграла первый этап и сейчас лидируют в Турнире. И это целиком и полностью их заслуга, мы в лучшем случае немного им помогли. Поэтому я предложила бы выпить за них. За победителей!

Выпили все, хотя ольгина мама — и с кислым выражением лица. Не успели все немного закутить, как поднялся Митрич.

— Как говорили у нас в армии, «поздно налитая вторая — безнадежно загубленная первая». Сергеевна тут все правильно сказала, но я хотел бы на другом заострить, так сказать, и углубить. Спору нет, это не самый богатый стол и не самый пафосный кабак. Но этот стол и этот дом, на минуточку, вам выставляют ваши дети. Возможность сидеть здесь и есть и пить невозбранно — целиком и полностью их заслуга, мы тут никоим боком даже близко. Так что на вопрос «За чей счет банкет» я чистой совестью ткну пальцем в это вот подрастающее поколение. Так что если кому нужно крикнуть «Официант, почки царице» — кричите, не стесняйтесь. Все оплачено[3]! А выпить... Выпить я бы предложил за последнее лето детства. За птенцов, встающих на крыло!

И вновь выпили все. А петькин папа, крикнув, заметил:

— А что стол? Шикарный стол. Я себе такого и в двадцать позволить не мог.

— Вот солидарен! — немедленно поддержал Митрич. Вы, уважаемый...

— Пётр Петрович, — шепотом подсказала Семеновна, но железный плюшевичок услышал.

— Да, Пётр Петрович Охлопков я. Очень просто запомнить — всех мужчин в нашей семье зовут Пётр Петрович. Петьку тоже. — и он улыбнулся.

— Хорошо, Пётр Петрович, я запомню. Я просто тогда следующий тост за вами запишу. У меня предложение...

20 минут и три тоста спустя

— ... и хотела бы предложить — давайте за здоровье выпьем! Чтобы дети не болели, чтобы нас болячки стороной обошли, чтобы родители не хворали, и жили, тьфу-тьфу-тьфу,

сколько заходят!

— Вот правильно сказала! Поддерживаю! — Пётр Петрович опрокинул рюмку, сморщился, подцепил на вилку грибок и смачно его зажевал. После чего стянул через голову галстук, сунул его в карман пиджака, а сам пиджак, сняв, повесил на спинку стула. — Ань, ну что ты меня в бок толкаешь? Расслабься уже. Нет здесь, слава богу, ни начальников, ни подчиненных, ни, не к ночи будут помянуты, деловых партнеров. Только дети, учителя и родители. Все равны как в бане. Можно сказать, выпускной отмечать тренируемся. Вон, женщина правильно сказала — случайно встретились и скоро разбежимся. Так давай хоть вечер посидим по-людски, спокойно, без нервов. Не на приеме, слава богу. Не беспокойся, я норму знаю.

— Оно и правильно! — поддержала его мама Патрика, которую звали, как выяснилось, Кристиной Анатольевной. — Вон как дети нам расстарались, какой стол организовали! Давайте им праздник портить не будем лицами, от которых молоко киснет. И вообще, девчонки, что вы там как неродные, подсаживайтесь поближе. Чей там следующий тост? Ваш, Виктория Артемовна?

Мама Ольги помолчала секунду, явно что-то решая, а потом откинула со лба модную в этом сезоне трехцветную прядь, и хмыкнула:

— Можно просто Вика. Ладно, погнали. При нашей жизни расслабиться никому лишним не будет. Тост, говорите?

50 минут и девять тостов спустя

— Да ты, Петро, не части, так мы ни фига долго не посидим. Дорвался, блин, — возмущался опытный Митрич. — Сейчас надо паузу взять, передохнуть, перекурить. Как говорил прапорщик Сингаевский, осадить надо! Слава, Митя, где вы там? Пошли, вон, потанцуем, зря, что ли, эту караоке тащили?

— Ой, мальчики, а можно я песню поставлю? Где здесь выбор-то? Ничего не понятно.

— Вот микрофон, просто начинай петь, оно само подстроится.

— Ой, спасибо, Светуня! Вот, давай эту:

Закрой глаза, всё постепенно и тебя тут никто не заменит.

Утро подарит нам это мгновение и холода за окном не помеха.

Пока мы здесь в теплой постели, волосы волнами по твоей шее.

Касания трепетны и безмятежны, мы видимо нашли, то что долго хотели.

Девчонки, давайте все вместе!

Между нами тает лёд, пусть теперь нас никто не найдёт.

Мы промокнем под дождём и сегодня мы только вдвоём... [4]

— Мама, блин! — рыжая опять была злой и красной. — Ну не это же старье! Ты бы еще Егора Крида своего нафталинного вспомнила!

К моему удивлению, Кристину поддержала Людмила Сергеевна, мама Татьяны.

— Цыть! Юным девам слова не давали! — и она рассмеялась звонким и очень молодым смехом. — Ты не обижайся, Аглая, да? Так вот, Аглая, чтобы ты знала — это он сейчас лысый, толстый и с мешками под глазами, в которые весь гонорар за концерт засунуть можно. А в молодости Крид был тако-о-о-й мужчинка... У нас все девочки в него влюблены были.

Она любила кофе в обед

И по утрам ее вкусный омлет.

Она любила жить без проблем,

Меня манила красотой колен.

Тут к Людмиле присоединилась Кристина:

Работа двадцать четыре часа

И добивается всего сама,

Но она хитрая словно лиса

— меня манили ее глаза.

В общем, припев орали все пять мамочек хором:

О Боже, мама, мама я схожу с ума -

Ее улыбка, мама, кругом голова!

О Боже, мама, мама — пьяный без вина;

Ее улыбка, мама, — самая-самая![5]

— Ну все, — махнула рукой Ольга. — Началось! «Что бы ты понимала, доча, это молодость наша»... Опять весь вечер этот рэп дурацкий слушать будем.

— Так, молодое поколение! — в круг старшеклассников ледоколом ввалился Охлопков-старший. Петькин папа выглядел изрядно поддавшим, лысина и лицо у него были уже угрожающе-красными, зато улыбка абсолютно счастливой. — Что бурчим, кому настроение портим? Кроче так. Чтобы всякое старье вам жизнь не портило, скажите мне — в этом вашем колледже клуб какой-нибудь есть?

— И даже очень хороший — ответно улыбнулась Татьяна. — С соответствующими ценами.

— Пнял! — кивнул Пётр Петрович. — Ща... Ща... И вот так. Кроч, я тут Петьке денежку на карту кинул, вам длжно хватить. Валите, полюбитеь, оттопырьтесь, раз уж праздник сегодня. А мы тут тихонько, по стариковски, посидим... Раз уж вы нам олэксклюзив подогнали, надо же им от души воспользоваться, по взрослому хозяев выставить. Все, валите быстрее, пока матери не слышат. Петьке много не наливать!

Последнюю фразу он говорил уже быстро удаляющимся спином.

***

Тридцать минут спустя, как и положено в русской пьянке, любой учет тостов пошел ко всем чертям. Общее застолье разбилась на множество мелких очагов, где каждый гудел кто во что горазд. Оба пришедших на собрание папы, обнявшись, с диким акцентом самозабвенно орали с импровизированной сцены:

ВАЗ — гранёный алмаз!

Фары в ночи, как орлиный глаз!

1600 километров в час -

Космической кары нейтронный фугас.

Лада Седан! Баклажан!

Лада Седан! Баклажан![6]

Допев до конца, они принялись спорить Митрич с помощью обеих рук и разложенных на скатерти вилок, ножей и солонок азартно изображал какую-то давнюю битву мамам заклятых соперниц. Ежеминутно слышалось «И тут, представляете...», мамы воспитанно пугались. Мамы Тарасика, Петьки и Патрика уединились втроем, выставив посередине бутылку вина, но явно не столько соображали на троих, сколько беседовали «за жизнь» и кое у кого уже подозрительно намокали глаза.

— Так, мужики, хорош, задолбали уже со своим баклажаном, третий раз поёте. — вмешалась грубая Семеновна. — Пора градус позитива приподнять, а тут, я смотрю, кое где

упаднические настроения возобладали. Я вам сейчас напомним, чем настроение поднимать надо, встрянем, девки, под седую древность.

Через пять минут вся женская часть нашего коллектива самозабвенно скакала под сердючкино «Ха-ра-шо! Всё будет хорошо, все будет ха-ра-шо я это знаю, знаю», а мужики вышли на веранду — раз курить не дают, так хоть воздухом подышать.

— Спасибо, Петь, за компанию, — глухо уронил опальный чиновник. — Хорошо проорались, давно так не оттягивался, уже и забыл — когда. Ну и вообще, что приехал, не струсил.

— А я, Владислав Алексеевич, — неожиданно трезвым голосом ответил олигарх, — во-первых, не из ссыкливых, а во-вторых, у нас с тобой совместных дел никогда не было, поэтому даже если захотят предъявить — нечего.

Он повернулся к нам с Митричем.

— Спасибо, мужики, за вечер, много лет так душой не отдыхал. Seriously, не знаю, как вам так удалось, но факт остается фактом. Пойдем мы, наверное, с Анькой потихоньку, такие вещи надо на пике заканчивать, чтобы потом послевкусие долгое было.

— Спасибо, Петрович, на добром слове, — кивнул Митрич. — У меня только одна просьба к тебе будет, важная...

— А вот это ты зря, — Пётр Петрович скривился, как съевши ломтик лимона. — Так и боялся, что что-нибудь попросите. Испортил песню, дурак![7]

Митрич выразительно постучал пальцем по лбу.

— Вот все-таки вы, олигархи, дебилы! — уверенно заявил он. — Вам везде деньги чудятся. Родной, мне восемьдесят с лихером, я в дом престарелых помирать переехал, на кой хрен мне там твои деньги? Жизнь прожигать, бабкам в трусы с начесом засовывать? Да пошёл ты! Вот ты точно концовку облажал.

Петрович заметно смутился.

— Ну извини... Ты меня тоже пойми — все, кто со мной общаются... Все, понимаешь — 99 и девять в периоде процентов моих собеседников общаются со мной только с одной целью — убедить меня расстаться с частью моих денег. Всё, никаких других резонансов нет — тока бабки. Тут хочешь не хочешь — станешь пуганой вороной, которая каждого куста боится и всех в разводиловке подозревает.

— Короче, — Митрич все еще обижался, но уже немного остыл. — Я что сказать хотел. Пацан у тебя хороший. Слабоват, конечно, но не дурак зато. И добрый. По настоящему добрый, непритворно. Но он, как я понимаю, только сейчас, когда мы пару боев без него стопроцентно слили бы, мужиком себя начал чувствовать. Защитником. Спасителем. Вытаскивателем. И так далее — тема понятна. Опять же — девки. Ну сам понимаешь, вспомни себя в этом возрасте. Так вот, сейчас ему, как никогда, отец нужен. Который этой искре, появившейся в нем, погаснуть не даст, и раздует потихоньку во что-то стабильное. Ты, я смотрю, мужик нормальный, правильный мужик. Так вот — ты уж, Петрович, на работе сутками не гори, пожертвуй толику времени на сына. Пусть пару миллионов потеряешь, зато тебе в компенсацию сын родным останется.

Коммерсант кивнул:

— Спасибо, Митрич. Уяснил, выводы сделаю. Неужто и из моего тюти мужик прорезался? И это — извини еще раз. Денег не предлагаю, деньгами за такое не платят, но если что понадобится — звони, прямой контакт я тебе кинул.

Иди уже, — махнул рукой Митрич. — Пойдем, на посошок накатим, забирай свою

Аньку да вали. Увидимся еще.

Мы вернулись в общий зал, где дикие танцы уже завершились, и наступило то приятное умиротворение, когда праздник явно заканчивается, пора уже прощаться и откланиваться, но можно еще посидеть последние пять минут — «на чемоданах», как я это называл.

Митрич набулькивал по последней, а меня вдруг прибило по лирике. Со мной иногда такое случается на пьяную голову.

— А я песню спеть хочу, — вдруг заявила Семеновна вслух.

Народ оторвался от своих занятий и с интересом посмотрел на нее.

— Её сейчас если кто ещё помнит, то только старичье вроде меня. Она никогда особым хитом не была, но мне сейчас почему-то хочется ее спеть. Как ты там, Свет, говорила? Мы странно встретились?

Дороги наши разошлись и мы не встретимся случайно,

Надежды наши не сбылись и не надёжны обещанья.

Ты понял, твёрдою рукой судьба карает безответных

И уповать на бога тщетно, богам дороже свой покой.

Я вздрогнул. Это было вечность тому назад, под эту песню мы уходили в армию. Я в армию уходил из мореходки, и не я один, мы все уходили служить, всем курсом. Торжественное построение уже прошло, и мы просто сидели во дворе и ждали автобусы, которые нас в армию отвезут.

День был — лучше не бывает, Владивосток просто купался в солнце. Нам всем было страшно, никто этого показывать не хотел, поэтому все бесились, орали и кривлялись. Многие, естественно, были кривые как турецкие сабли после всеночной пьянки. А один мой однокурсник — я его по имени, естественно, назвать мог, но близко мы никогда не знали, играл на гитаре и пел:

Ты скажешь: «Прошлого не жаль», и веришь в будущее свято,

Былая пошлая печаль отныне брошена и смята.

И к новой жизни устремясь, раздуй бушующее пламя,

Украшь бумажными цветами вокруг сверкающую грязь.

Нина пела, а я, как наяву, видел себя — восемнадцатилетнего, глупого, смешного и ушастого, как подрощенный щенок. Этот щенок бесцельно бродил между сокурсниками, а вот услышал песню и замер, как собака, сделавшая стойку, и пока не дослушал — не двинулся с места. Я смотрел на этого пацана, которому все еще только предстояло, у которого еще ничего и не началось, и сердце щемило от нежности. А песня все текла и текла и уже приближалась к финалу.

И в мире, выдуманном вновь, на троне утвердишься прочно,

И будет новая любовь как ты — тверда и непорочна.

Отныне сам себе молись и выбирай себе дорогу.

Счастливым будь, и, слава богу, дороги наши разошлись. [8]

Я чуть не всхлипнул, растрогавшись, но вдруг заметил, как Сергеевна, спрятав глаза за ставшими уже привычными круглыми очками, буквально буравит взглядом каждого из присутствующих. И понял, что кто-то из присутствующих угодил под подозрение нашей мисс Марпл. И, судя по её выражению лица — Нина исполняла эту песню отнюдь не экспромтом.

***

А на следующее утро мы все во дворе колледжа и слушали, как ректор разливался

соловьем ни о чем, мотивируя студентов и продвигая учебное заведение. Вернее — никто его особо не слушал, в нашей команде по крайней мере. Взрослая составляющая не очень хорошо себя чувствовала после вчерашнего. Что касается старшеклассников, то у них, судя по их хитро-довольным лицам, вечер вчера тоже удался и им было не до директора — они беспрестанно шушукались. Полезной информации, впрочем, из речи ректора отжалось немного — 17 команд не прошли первый этап, всем прошедшим начислено по 10 очков, первые пятеро получают дополнительные очки. За первое место — 10 очков, за второе — 5, за третье — 3, потом 2 и 1. Таким образом, мы вдвое обогнали по очкам основную массу команд. Вот только разрыв этот можно ликвидировать мгновенно. Стоит, к примеру, тем же «светлячкам» выиграть второй этап и мы в лучшем случае сможем сровнять счет. Вон они — стоят, смотрят на нас. Нехорошо смотрят. Затаили.

Директор меж тем перешел к вручению ценных призов. Пятое место получило неплохую броньку. Четвертое — хорошее оружие.

— А обладали первых трех мест получают самые ценные подарки, которые только возможны в Турнире. Это подсказки на второй тур! Но сначала — задание на второй тур. Вы должны будете найти масштабируемое оружие своему командиру. Имеющееся не засчитывается, оружие должно быть найдено во время второго тура. Порталы откроются в полночь. А сейчас капитанов трех команд-победителей прошу на сцену!

Раздача подсказок мало кого интересовала, все взахлёб обсуждали задание. Меж тем директор взял лист бумаги с каким-то четверостишием, и разорвал его пополам. Одну из половин еще раз разорвал на две части — побольше и поменьше. Самую маленькую часть вручил капитану команды, занявшей третье место, часть побольше получила Светлячок, а половина листа досталась Тарасу.

Жадина даже не посмотрел на текст — мне бы такую выдержку. Он спустился вниз, подошел к нам, и только когда мы его обступили, развернул листок. Листок порвался криво и был почти треугольным, соответственно, чем ниже, тем меньше текста на нем осталось. Вот что там было написано:

Плач циня заполнил ма...

Древние свитки лежат в...

Ту притчу о б...

Но я не Ч...

— Митя! — Светлана пристально посмотрела на меня. — Тебе есть что об этом сказать?

— Об этом — пока ничего. Я первый раз вижу эти слова.

— А о теме Турнира? Ты что-нибудь нарыл за три дня?

— Про тему Турнира — есть. Я ее знаю.

— Уверен?

— Да.

— Тогда пойдем, расскажешь.

[1] Песня «Буги-вуги каждый день» Михаила Науменко. Это была, без сомнения, культовая песня в конце 80-х — начале 90-х годов двадцатого века. Хотя бы потому что ее исполняла масса групп самого разного толка, от бит-квартета «Секрет» до группы «Ноль» дяди Фёдора Чистякова.

[2] Фразы с пластинки «Бременские музыканты» (фантазия В.Ливанова и Ю.Энтина на тему сказки братьев Grimm. Музыка Г.Гладкова, стихи Ю.Энтина) массово вошли в

пословицы. Кто из бывших ребенком в 70-е не помнит всех этих «последним вышел петух, изрядно ощипанный, но не побежденный» или «Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй, только и мог сказать король, потому что слов от возмущения у него не было»?

[3] Все цитаты — из фильма Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

[4] Песня группы «Грибы».

[5] Песня «Самая самая» Егора Николаевича Булаткина, более известного как «Егор Крид»

[6] Песня «Баклажан (Лада Седан)» Тимура Ильдаровича Юнусова, более известного как «Тимати»

[7] «Эх... испортил песню... дурак!». - финальная реплика Сатина в пьесе Горького «На дне».

[8] Песня из репертуара группы «Воскресенье». Музыка и слова — Евгения Моргулиса.

Мы устроились в той же самой беседке, на тех же самых, уже обмятых нашими попами, скамеечках. Девять лиц внимательно смотрели на меня. Цитамол бегал вокруг беседки. Тортик, в кои-то веки выпущенный Митричем, решил это такая здоровская игра и бегал за Цитом, порывая от переполнявших его эмоций и пытаясь шутейно укунить скелета за пятки.

— Митя, мы слушаем, — отвлекла меня от наблюдения за радужным пятном Светлана.

— Прошу прощения, — улыбнулся я, и сразу же взял быка за рога. — Я уверен, что тема игры: китайский роман «Путешествие на Запад». Той самый, наверняка известный вам: с танским монахом, идущим за священными книгами в Индию, и его учениками — царем обезьян Сунь Укуном, свино-человеком Чжу Бацзе и раскаявшимся демоном-людоедом Ша Сэном. Интересная, кстати, история у этой книги.

Предполагаемый создатель романа по имени У Ченьэнь был классическим, я бы даже сказал — эталонным неудачником. Всю свою жизнь он был позором своей приличной семьи — всё никак не хотел заняться делом, его интересовали только всякие глупости, вроде сочинения всяческих дурацких историй. В Китае, как известно, много столетий был только один путь сделать карьеру — сдать Экзамен, который принимали в единый день по всей стране, после чего начать карьеру чиновника. Вот этот самый Экзамен, он много лет всё никак не мог сдать, несмотря на то, что львиную долю своего времени тратил на чтение всяких книжек. Наконец, родители, разуверившись в том, что сынок выбьется в люди по чиновничьей части, как говорилось раньше, «женили его на деньгах», обвенчав с богатой наследницей. К сожалению, коммерсантом он тоже оказался плохим и деньги как-то быстро закончились. Родители к тому времени уже умерли, и У Ченьэню пришлось зарабатывать на жизнь тем единственным, что он умел — умением собирать слова во фразы, а фразы — в рассказы. Нет, он не стал писателем, как всю жизнь хотел. Он стал Другом Смерти — сочинителем надписей на могилах, эпитафий и поминальных записок. Дела мало-помалу поправились, а потом, когда ему уже было за сорок, он вдруг неожиданно сдает Экзамен и получает шанс начать, наконец-то карьеру чиновника, причем в самом Пекине.

Вот только карьера чиновника была ему настолько не по нутру, что через год У Ченьэнь совершает немыслимый для китайца поступок — он бросает чиновничью службу, увольняется, и уходит в никуда. Отныне и до самой смерти он живет только литературным трудом. Читай — живет крайне бедно, с клеймом неудачника и презираемый всеми своими успешными знакомыми. У него не было детей и он прожил жизнь затворником. Умер в полной безызвестности и крайней нищете в 1582 году, ничего не оставив после себя.

И только через много лет выяснилось, что все эти самые трудные последние годы жизнь наш неудачник каждый вечер садился и писал роман. Очень странный роман — чуть ли не первый роман-фэнтези на планете: с богами и демонами, оборотнями и драконами, легендарным оружием и колдовством. Очень длинный роман — по нынешним издательским нормам его можно нарезать на десяток книг в серии. Очень талантливый, на редкость смешной и невозможно дерзкий роман — не случайно он увидел свет без указания автора, которому он мог принести очень серьезные неприятности. Невозможно добрый роман, написанный человеком, прожившем очень трудную жизнь, но не озлобившимся. Великий

роман, составивший славу Китая во всем подлунном мире. Давным-давно сам У Ченьэнь стал «просто землей и травой». Давно уже ничего не осталось от его удачливых современников. Когда-то ничего не останется и от сегодняшних людей, создающих по этой книге фильмы и сериалы, компьютерные игры и аниме. Все пройдет, но эта нелепая компания так и будет идти на Запад, и белый конь-дракон будет неспешно цокать копытами по камням, священник по-прежнему будет тупить, Сунь Укун — злиться по этому поводу, Чжу Бадзе — ныть, что пора бы уже сделать привал и что-нибудь поесть, а Ша Сен — безропотно нести вещи на своем странном посохе, заточенном под истребление демонов.

И так будет до тех пор, пока люди в этом мире будут ценить красоту и фантазию.

Я закончил рассказ. Все молчали. Потом, наконец, заговорила Светлана:

— Красиво сказал, Митя. И история красивая. Вот только... Хорошо, что у него оказался настоящий талант. А если бы нет? Если бы он был бездарем? Графоманом, убежденным в своем таланте? А ведь именно таких — подавляющее большинство. Был бы тогда человек, загубивший и свою жизнь, и жизнь своей семьи ради иллюзий.

— Блин, ну и вопросы ты задаешь, — смешался я.

— А я много про это думаю, — откликнулась Светлана. — Помнишь старую притчу, про двух лягушек, попавших в кринку с молоком? Ну, там где первая сразу сдалась и утонула, а вторая Била лапками, сбила из молока масло и выбралась на волю. А я вот всегда думаю — а если бы в кринке оказалось не молоко, а вода? Умерли бы обе, просто одна сразу же, а другая мучилась. Жизнь — она вообще на книжки не похожа, если думать.

Она улыбнулась.

— Старая стала, много думаю о том, что останется... Ну, вы понимаете. После.

И вдруг прочитала размеренно:

Вдруг на бегу остановиться,

Так,

будто пропасть на пути.

«Меня не будет...» -

удивиться.

И по слогам произнести:

«Ме-ня не бу-дет...»

Мне б хотелось

не огорчать родных людей.

Но я уйду.

Исчезну.

Денусь.

Меня не будет...

Будет день,

настоянный на птичьих криках.

И в окна, как весны глоток,

весь в золотых, сквозных пылинках,

ворвется

солнечный поток!..

Просыплются дожди в траву

и новую траву разбудят.

Ау! — послышится -

Ау-уу!..

Не отзовусь.

Меня не будет.

И все опять помолчали.

— Роберт Рождественский? — зачем-то спросил я, хотя знал ответ.

— Да, из сборника «Последние стихи», — ответила Светлана. — Странный какой-то разговор у нас сегодня получается. Лучше объясни, почему именно «Путешествие на Запад»?

— Да по всему! — отмахнулся я. — Там вообще поддавки какие-то, нам это название разве что на лбу еще не написали. Демоны-якши постоянно возникают по ходу всего романа, грабли с девятью зубцами — знаменитое оружие Чжу Бацзе, посохом чань-бо, специально заговоренным под убийство демонов вооружен Ша Сен, атаку монстра из его собственного желудка провернули Сун Укун на пару с богиней Гуанинь, и так далее и тому подобное. Плюс «соседи», плюс буддизм, котором пропитано «Путешествие на Запад», плюс цифра «шестьдесят» — указаний более чем достаточно, только слепой не заметит.

— Это что же... — не столько злобно, сколько растерянно начала Ольга, — Мало того, что я с граблями бегаю, так я еще и типа свинья теперь получаюсь? Ну спасибо!

— Да ладно тебе, — отмахнулась от соперницы Татьяна, которая о чем-то всерьез задумалась. — Я тогда вообще демон-людоед получаюсь и ничего, не выступаю. Это просто крутое масштабизирующееся оружие, чего тебе еще надо?

— Именно так — кивнул я. — Кстати, насчет задания на второй тур — не удивлюсь, если нашему капитану мы найдем железный посох. Еще больше не удивлюсь, если он будет с золотыми ободками с обеих сторон. Хотя последнее вряд ли, это уже полный плагиат будет.

— То есть, получается, Тарасик у нас — царь обезьян... — начал Петька Пара, но был перебит Ольгой.

— Точно, похож!

— Да погоди ты! Тарас — обезьян, Ольга — свинка, Танька — демон... А мы с Патриком кто?

— Ну, своим неумением и нежеланием сражаться ты очень напоминаешь танского монаха, — улыбнулся я.

— А мне типа роли не досталось, — с сарказмом кивнула Патрик. — Как всегда.

— Почему же? — покачал головой я. — В этой компании был и пятый персонаж, и тоже вполне себе разумный. Белый конь, на котором ехал монах — на самом деле сын Царя драконов Западного моря, третий наследный принц, который мог превращаться и в дракона, и в человека. По книжке он был обвинен отцом в непочтительности к родителям и за это чуть не был казнен. Спасла его богиня Гуанинь и подрядила сопровождать танского монаха на пути в Индию. Однако он, по незнанию, пребывая в своей драконьей ипостаси, сожрал белого коня, на котором ехал монах, за что и был вынужден принять облик коня и путешествовать именно в этом образе. Поэтому, пока другие непрестанно болтают по пути, он идет молча, и о чем он думает — никто не знает.

— Ну прям очень на нашего Патрика похоже, — кивнул Петька. — Слышь, рыжая, ты, оказывается — маунт! Да еще и мой. Прикинь, да! Это у вас типа семейное — я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик[1].

Но рыжая даже не цыкнула на хилера в ответ, тоже о чем-то задумавшись.

Какое-то задумчивое совещание получилось.

— Ну а с заданием что? — не унимался Петька.

— А с заданием пока ничего, — отозвался Митрич. — С заданием все посмотрим и полночь, когда порталы откроются. А пока давайте валите все отдыхать! Ночью спать не придется, потому что действовать надо будет очень быстро. Если что-то понимаю в колбасных обрезках, «светлячки» наверняка уже в курсе, куда им надо идти и что делать. Опередить их у нас, если честно, вряд ли получится, но вот опередить всех остальных, кто тоже не в курсе, и удержать равный счет — мы обязаны! Значит думать будем быстро и передвигаться бегом! Ясно? Разойдись!

— Стихотворение гуглится, — вдруг сказала Татьяна, которая последние минут пять тупила в планшет.

— Что?! — спросили все одновременно.

— Ну, четверостишие, которое нам дали, гуглится. — терпеливо повторила Татьяна. — То ли у них косяк какой-то случился, то ли просто облажались, но факт остается фактом — гуглится. Не уверена, правда, что другие команды нагуглят — у них там пара слов в каждой строчке.

— И что же там гуглится? — поинтересовался я.

— А вот, — процитировала Татьяна.

Нежные звуки циня заполнили комнату мне,

Свитки мудрых писаний загромождали кровать.

Хоть нынче я рассуждаю, как бабочкой стать во сне,

Но все же я не Чжуан-цзы — уж в этом уверен я.

— А ну-ка, дай посмотреть, — потребовал я, цапнул планшет и долго тупил в строчки. Потом хлопнул себя по лбу и начал вбивать буквы в строчку поиска.

— Бред какой-то, — меж тем комментировал Петька. — В этом, как вы говорите, стихотворении, вообще никакого смысла нет, одно наркоманство. Не, ну а что — не так что ли? О чем там вообще говорится? Еще и рифмы никакой нет: «кровать» — «уверен я». Говорю же — наркоманы писали.

— Да нет, Петя, не наркоманы. — оторвавшись от планшета, сказал я. — Во-первых, есть более красивый вариант перевода, там с рифмами все нормально:

...Стенания цитры заполнили маленький дом,

Старинные книги лежат в изголовье моем.

Ту притчу о бабочке мне доводилось слышать,

Но я не Чжуанцзы, и бабочкой мне не бывать...

Во-вторых, Юй Синь, которому принадлежат эти строки — великий китайский поэт. Проблема в особенностях китайских (а так же японских и корейских) стихов. Один из наиболее популярных приемов там — так называемые «намекы на древность». Чтобы понять стихи, надо быть образованным человеком, способным «расшифровать» спрятанные в тексте цитаты. Это стихотворение отсылает к знаменитой притче древнекитайского философа Чжуанцзы.

— А что за притча? — заинтересовалась Патрик.

— Притча занятная. Однажды Чжуанцзы проснулся в отвратительном настроении. Слуги почтительно поинтересовались — что случилось, может быть, господину приснился плохой сон? Да нет, ответил Чжуанцзы, сон как раз был прекрасный, мне приснилось, что я бабочка, весело порхающая над лугом. Тогда почему вы так встревожены? — поинтересовались слуги. Очень просто — ответил Чжуанцзы, — я не знаю, что же происходит в реальности. Я спал, и мне снилось, что я бабочка, или это бабочка сейчас спит,

и ей снится, что она Чжуанцзы?

Все задумались.

— Не, это точно наркоманы, — наконец вынес вердикт Петька.

— Ага, — кивнул Митрич. — Короче, совы совсем не то, чем кажутся. Я этой фразой всегда всякую подобную фигню комментирую. И, самое интересное — всегда прокатывало, она всегда к месту оказывается! Поэтому, если тебя начнут грузить всякой аурой и прочим третий глазом — сразу говори про сов! И на тебя посмотрят с уважением, зуб даю.

— А почему совы? — заинтересовался Петька.

— А я почему знаю? — удивился Митрич. — Я уже и не помню, где эту фразу подцепил[2].

— Нет, а действительно, — спросила у меня Светлана. — К чему эта подсказка, что организаторы хотели нам сказать этим намеком на притчу Чжуанцзы?

— А я почему знаю? — повторил я за Митричем и пожал плечами. — На локациях узнаем.

— Во-во, — подхватил тот. — А пока пойдем поспим.

— Ква! — подтвердил незаметно подошедший Тортик, которому надоело вписывать круги вокруг беседки.

— Мбвана! — крикнул пробежавший мимо Цитамол. — А что такое наркоманство?

***

Без четверти полночь у телепортов, ведущих на локацию, был несусветный ажиотаж — казалось, на низком старте стояли все команды, не вылетевшие еще из турнира. Да что там команды — даже ректор приплелся посмотреть на старт второго тура. Ну, а раз пришло большое начальство, то куда деваться — чуть ли не весь преподавательский состав колледжа находился здесь же. Чуть в стороне от основной массы подхалимов я заметил Константина Сергеевича. Владелец лошадиного лица приветливо мне кивнул. Я поздоровался в ответ, а потом, поймав пробежавшего мимо Петьку, поинтересовался:

— Слушай, а как у Константина Сергеевича фамилия?

— Овсов, а что? — заинтересовался Петька. — Он вообще нормальный мужик, только зануда страшная. А что?

— Да нет, ничего. Нечто подобное я и предполагал[3]. - туманно объяснился я.

Народу меж тем прибывало, даже из родителей кое-кто явился. Я заметил мам Ольги и Татьяны, тусовавшихся где-то в окрестностях директора, но старательно делавших вид, что они незнакомы друг с другом. Я вспомнил, как они вчера ночью, покрасневшиеся, дуэтом орали в микрофон «Вечеринка у Децела дома, гуляет весь район, гуляет вся школа» и только головой покачал. Ладно, у них там в высшем обществе, говорят, все непросто.

Децел, который, по слухам, до сих пор по маленьким клубам иногда начитывает, несмотря на пенсионный возраст, всплыл вчера по совершенно курьезному поводу. Родители наших подопечных по пьянке заспорили об истоках русского рэпа, и в качестве древних экспертов привлекли нас. Децела в качестве отца-основателя назвала Семеновна, Светлана выставила кандидатом Игоря Корнелюка с его «Милый, мне очень грустно было...»[4]. Я не придумал ничего лучше группы «Секрет» с их посвящением вчерашним десятиклассникам «Твой папаша твердил тебе с детских лет, в жизни детка не главное — звон монет»[5]. Но всех убил Митрич, вспомнивший Софию Ротару времен московской Олимпиады с песней «Я, ты, он, она, вместе — целая страна»[6].

А вот, кстати, и он — плывет через толпу, красивый и почему-то на полметра выше, чем

обычно. Ларчик открывался просто — Митрич просто стоял на панцире Тортика, обеспечивая ему нагрузку, а трудолюбивый черепах, кряхтя, целеустремленно перебирал лапами. И все бы ничего, но тщеславный Митрич, желая похвастаться редким петом, решил сделать круг по площади, но почти сразу же попался на глаза директору. Тот, едва увидев радужный панцирь, схватился за сердце.

— Извините, пожалуйста, почтенный...

— Сергей Дмитриевич, — подсказал вездесущий завуч.

— Да-с! Сергей Дмитриевич, не в службу, а в дружбу — вы бы не могли отозвать своего питомца? А то, знаете ли, слишком еще свежи в памяти не самые приятные, э-э-э... М-да!

— Да, конечно, уважаемый... э-э-э... — не отказал себе в удовольствии мстительный Митрич.

— Владимир Иванович. — бесстрастным тоном подсказал Константин Сергеевич.

— Конечно, Владимир Иванович, сейчас отзову.

А Тортик злобно посмотрел на ректора и вдруг мстительно пообещал:

— Ква ква, ква!

И исчез, отозванный.

Меж тем у телепорта начались веселые разговоры:

— Ногу убрал, я сказал.

— Да пошёл ты.

— А я сказал — ногу убрал!

— А я поклялся на твоё «убрал». И чо?

— Да вас вообще здесь не было, крабы! Мы здесь с десяти тусуемся. Поэтому вы после нас пойдете.

— Ты кого крабом назвал?

— А я сказал — ногу убрал!

— Краб и есть. Донный. Который говном всяким питается.

— Ах ты...

— Саня! Саня не надо! Он это специально делает, чтобы тебе ник покрасить!

— Пусти меня! Пусти, я сказал!

— Давай, давай, рачина, покажи, как ты клешнями машешь!

— Рот закрой, чмо!

— Эй, ты кого крабом назвал?

— О, тормоз проснулся.

— Пусти говорю! Я его прямо здесь урою!

— Саня, да узбагойся ты!

— Да пусти ты его, ему в туалет надо! А то смотри, он прямо здесь в штаны надевает, а ты виноват будешь!

— Чо ты сказал, чмо?! Ну все, тебе конец!!!

— Саня, Саня, успокойся! Да помогите мне, чо вы стоите? Он сейчас вырвется!

— Эй, а вы вообще куда намылились? Мы еще когда забивали, что мы первыми в портал идем!

— Я не тормоз!!!

По всему выходило, что включение порталов станет сигналом ко всеобщему веселью в форме непринужденного мордобоя. Похоже, это понял даже директор:

— Константин Сергеевич, а что у нас с очередностью команд в пользовании порталом?

Лошадиная фамилия что-то зашептал ректору на ухо, на что тот начал наливаясь кровью.

— Как это «не было записи»? Мы что — первый раз турнир проводим? Только вчера проснулись? Это как понимать? Вы понимаете, что здесь будет через десять минут?

Шу-шу-шу...

— Что значит, «правила были другие»? Что значит «необходимости не возникало»? Да я... Чего? Громче говорите, что вы как шестиклассница на свидании?

Шу-шу-шу...

— Да вы что! Точно он? А что делать?

Шу-шу-шу...

— Да? Ну хорошо...

Директор откашлялся и взял в руки микрофон, хотя некоторым людям техника вообще без надобности.

— Дорогие наши выпускники! В связи с непредвиденными обстоятельствами включение порталов откладывается до формирования очереди на пользование порталом! Очередь будет формироваться следующим образом! Я бы даже сказал — турнирным способом посредством командных PVP-схваток! Короче! У нас здесь, как вы видите, четыре турнирных арены. На первой арене через две минуты вступают в схватку команда номер один и команда номер два! Победитель проходит во второй тур, проигравший занимает место в хвосте очереди!

На второй арене, соответственно, команды три и четыре! Что значит — «нет четвертой»? А где они? Что значит «выбыли»? Ах, да. Выбыли. Тогда, соответственно, команды три и пять. Победитель будет биться с победителем первой пары, проигравший занимает место перед проигравшим первой пары и становится, соответственно, предпоследним в очереди. Принцип понятен, да? Да, конечно, сейчас скажу — смерти на арене никуда не засчитываются! Повторяю — не засчитываются! Ну все, Константин Сергеевич, распоряжайтесь. Можете взять нужное количество помощников из числа сотрудников колледжа, их, я смотрю, сегодня здесь много. Похвально, похвально...

Импровизированный PVP-турнир стал для всех полной неожиданностью, но кто не дурак подраться в 16-то лет? В общем, через пару минут две команды уже довольно бодро тузили друг друга на арене, минут через пять победители ликовали, а проигравшие традиционно рассказывали что-то про «поскользнулся» и «нечестно выиграла». Потом спохватившийся Митрич в шею погнал меня, Андрюшку, Свету и Нину записывать на видео все бои на каждой из арен — «чтобы каждого противника знать в его противную рожу!». В общем, первый бой нашей команды я не увидел — он был не на «моей» арене.

Но, по рассказам, команда номер двадцать четыре оказалась не шибко серьезным противником. Во-первых, у них осталось в живых после первого тура всего трое. Во-вторых, это были те самые «крабы», которые чуть не подрались в очереди. Бой продолжался меньше минуты. Язвительная Ольга сразу после гонга демонстративно поцелкала указательным и средним пальцами на обеих руках. Ну типа как краб клешнями. Капитан команды противника, будучи человеком догадливым, сразу же понял, кому адресуется обладательница грабель. А, будучи человеком вспыльчивым, немедленно погнался за Ольгой. Лекарь противной команды с криками «Саня! Саня, погоди!» погнался за ним. Ну а тормоз простоял открывши рот все то непродолжительное время, пока наши воспитанники месили его товарищей. Потом, спохватившись, он тоже погнался за Ольгой, но было поздно — Тарасик

расстрелял его на дистанции. Три — ноль, и мы во втором туре.

А вот во второй же схватке судьба-злодейка свела нас со «светлячками». И — не буду интриговать вас долго — мы им бездарно слили. Ну, не совсем бездарно — троих «фонарикожопов», как их обозвал Петька, наши все-таки успели обнулить, но в целом все-таки проиграли. У «светляков» было два дамагера-дистанционника — боевой маг и лучница, и этот фактор оказался решающим. Пока наши девки бежали к ним через всю арену, они уже сложили Петьку Пару, и после этого, по большому счету, судьба схватки была решена. Ну и рога их удачно из стелса вынырнул — у Тараса из спины как будто кровавый фонтан забил. Ну и вообще, если не врать, РVP они владели гораздо лучше наших. Особенно лучше некоторых криворучек, которым даже в голову не пришло хотя бы тупо побегать по арене, сбивая противнику прицел. В общем, владели они настолько «более лучше», что именно «светляки» и выиграли в итоге турнир, вынеся всех своих противников «в одну калитку».

И именно они гордо стояли возле самого портала, ожидая команды директора, в то время как наши околачивались ближе к середине очереди. Ну и директор не заставил себя ждать:

— Итак, победителем нашего турнира стала команда № 17 в составе: Светлячок (капитан), Мэл, Уощ, Кейли и Пастор! Команде-победительнице вручается небольшой, но ценный приз — набор лечащих зелий! Похлопаем победителю!!!

Ну а теперь начинаем отправку! Первая в очереди команда по команде идет в портал, вторая на старте, третья готовится! Первая пошла! Третья на старте, четвертая готовится! Вторая пошла! Четвертая на старте, пятая готовится! Быстрее, быстрее проходим, не задерживаем!

Когда директор проорал в микрофон «Седьмая пошла!», произошло еще одно событие.

На круге возрождения, который был сделан на виду и прекрасно просматривался из очереди, вдруг появилась команда «светлячков». Вся, в полном составе, все пять человек.

Казалось, на них вылупились все присутствующие. А ректор налился кровью, как брюшко комара, мне даже показалось, что его сейчас инсульт хватит. Но на сей раз обошлось, прорвало, и толстячок принялся орать. Нет, ОРАТЬ, щедро брызгая слюной на микрофон:

— Опять! Опять, сука, опять, опять, ОПЯТЬ!!! Что за ё...

И тут кто-то милосердный выключил ректору микрофон.

А мне явственно показалось, что уголки губ Константина Сергеевича Овсова на предельно краткий миг — но дрогнули, образовав что-то вроде торжествующей улыбки.

[1] Эта грустная поговорка появилась в конце 40-х годов XX века и в полном виде звучит так: «Вот окончилась война/И осталась я одна./Я и лошадь, я и бык,/Я и баба, и мужик». Это про тех женщин, которые в 40-х, надрывая все жилы, в буквальном смысле слова вытянули на себе страну.

[2] Из сериала «Твин Пикс», откуда же ещё? Это одна из тех вещей которые Великан сообщает Куперу. Но фраза и впрямь всегда прокатывает, когда разговор идет о всяких многозначительностях, тайнах и недоговоренностях.

[3] См. рассказ А.П. Чехова «Лошадиная фамилия».

[4] «Милый». Музыка И. Корнейлюк, стихи Р. Лисиц.

[5] «Твой папа был прав», слова и музыка М. Леонидов, Н. Фоменко.

[6] «Родина моя». Музыка — Д. Тухманова, стихи — Р. Рождественского.

«Светляки» ушли с круга возрождения в колледж — похоже, они решили не становиться сейчас в хвост очереди, а переждать, пока народ рассосется. И их можно было понять — прогулка вдоль очереди вряд ли доставила им много удовольствия. Пока «светляки» шли, добрые одноклассники много что им показали, и, особенно, сказали. Самые добродушные (или самые наивные) кричали что-нибудь вроде «Ну что, крабы, не будьте козлами, скажите хоть — что там?». Что кричали самые недоброжелательные я, пожалуй, повторять не буду, что эпитеты «криворукие», «рукожопые» и «клешнеконечные» звучали в общем контексте дискурса едва ли не комплиментами.

Впрочем, веселье продолжалось недолго — облажавшиеся победители РVP-турнира удалились довольно быстро, так и не сказав ни слова. После чего народ перестал веселиться и задумался — все-таки полными нубами «светляков» не назовешь, что только что продемонстрировал прошедший турнир. А не окажемся ли мы с вами, братцы, на том же камешке через те же пять минут? Лица мрачнели и градус настроения ощутимо пополз вниз. Однако очередь продвигалась довольно быстро, время шло, но никаких новых фигур на камне не появлялось. На лица вернулись улыбки, а тренд настроения вновь стал восходящим. И в самом деле — чо париться? Просто «светляки» — крабы донные и нубы позорные, ну а мы-то ни в чем подобном не замечены, так чего нам волноваться?

Меж тем подошла наша очередь. Митрич отозвал Тортика, Цитамол еще раньше был оставлен мною бегать по территории колледжа.

— Ну, с богом! — вздохнул Митрич и первым шагнул в овал телепорта.

***

На локации все было примерно так же, как и в первом туре, разве что деревни поблизости не наблюдалось. А так — те же джунгли, все та же жара, все тот же влажный недвижимый воздух.

— Ну и куда нам идти? — поинтересовалась Ольга. — Нам же теперь надо быстро побежать и быстро выиграть, я правильно понимаю?

— Правильно понимаешь! — подтвердил Митрич, озирающийся вокруг.

— И куда же мы пойдем? — не унималась Ольга.

— В заданном направлении, — невозмутимо ответил старый вояка.

— В каком?

— Пока ещё не знаю, — честно ответил главный тренер. — Я предлагаю всем разойтись по окрестностям и пошукать что-нибудь необычное.

— А если мы так ничего и не найдем? — просто удивительно, до чего упрямы бывают некоторые юные девы.

— А если — если! — мы ничего не найдем, то мы отправимся куда глаза глядят, причем в знак признательности к твоему упорству направляющими я назначу твои глаза, — Митрич был как никогда терпелив. — Ну, что встали? Расходимся, ищем.

Поиски продолжались минут десять-пятнадцать, и никто ничего, как я и предполагал, не нашел. Митрич уже было собрался попросить Ольгу зыркнуть взглядом, но тут Светлана вдруг сказала:

— Бабочка.

И показала на белого мотылька, который плясал свой вечный танец невысоко над землей.

— Ты думаешь? — с сомнением протянула Семеновна. — Как-то совсем уже за уши притянуто... Что же нам теперь — за каждой бабочкой бегать?

— Ну а чем это принципиально отличается от «идти куда глаза глядят»? — вмешался я.

— Мне, типа, все равно, но решайте скорее — она, типа, улетаёт, — заявил Андрюшка, который вообще в последнее время вел себя очень странно: постоянно молчал, ходил накупившись и вообще был на редкость заторможенным.

Проблему решили голоса, раздавшиеся от телепорта:

— Ну и куда нас закинуло? Что — опять сюда? Нас в этих джунглях опять тигр сожрет! Козлы, задолбали уже, постоянно нас засуживают!

— Саня, да успокойся ты!

— А это был тигр? А я думал — лев!

Все, не сговариваясь, вскочили на ноги и двинулись за бабочкой, стараясь не толкаться и поменьше шуметь. И только Петька все время приговаривал: «Валим отсюда! Сваливаем, пока не началось...», хотя все остальные именно этим и занимались.

***

Все-таки бабочки — на редкость безмозглые создания. Вот уже битые два часа мы тащились по джунглям за этим мотыльком, и измотал он нас совершенно. Пионеры, как их обзывала Семеновна, уже начали бурчать — плохая, мол, была идея тащиться за этой чешуекрылой. Только ободрались все, и никуда в итоге не пришли, бродим туда-сюда, метаясь из стороны в сторону. Митрич, правда, в ответ на эти претензии только постучал себя пальцем по лбу и посоветовал посмотреть пройденный нами путь на карте. После этого все разговоры стихли, потому что карта более чем убедительно свидетельствовала — при всех своих метаниях, повторяемых нами, мотылек тем не менее упорно двигался в определенном направлении. И — сюрприз! — двигался он почти точно в западном направлении.

Хотя это и не свидетельствовало в полной мере о том, что наше решение следовать за бабочкой было верным, пионеры все-таки принялись ликовать. Но недолго, потому что глупое насекомое неожиданно ускорило, и, чтобы поспевать за ней, нам пришлось перейти на бег трусцой. Мои многострадальные ходули хотя и ныли в два голоса, но пока темп выдерживали. Но именно что — пока. Еще минут пятнадцать-двадцать, и я начну отставать. Я уже собрался было сообщить об этом Митричу, и даже рот открыл, но бежавшая рядом Сергеевна, своим сверхъестественным чутьем упредив мою реплику, покачала головой:

— Даже и не думай, Митя! Кончился твой отпуск. Если мои мозги еще чего-нибудь стоят, сегодня ты нам будешь просто необходим. Так что в крайнем случае тебя наши юные физкультурники на руках потащат.

Тащить не понадобилось, но сюрпризы на этом не закончились. Еще минут через пять наша пробежка была прервана самым неожиданным образом. Патрик, бежавшая последней, споткнулась о полусгнивший пенёк, практически засыпанный прелой опавшей листвой. Рухнув на землю, рыжая звонко громынула всей своей броней и смачно произнесла одно короткое слово. Это слово совсем не приличествовало юной воспитаннице элитного колледжа, хотя и, готов держать пари, входило в тройку самых употребимых слов в городе Дальнереченске. А вот дальше произошло то, чего никто не ждал — из-за окружающих

полян у деревьев метнулась рыже-черная тень и обрушилась на Патрика.

Тигр! Да еще какой — предельный для этой локации десятый уровень! Если именно он проредил команду «крабов» в первом туре, понятно, почему от них так немного осталось. Но сейчас перед ним, к счастью для нас, были не первоуровневые новички, впервые попавшие в локацию. Я в очередной раз порадовался — насколько же Митрич вышколил наших подопечных. Когда я еще читал уровень тигра, Татьяна и Ольгой уже взяли тигра «в коробочку», охаживая его с двух сторон граблями и лопатой, чтобы дать Патрику возможность подняться. Петька в этот момент уже всю отлечивал нашего танка, а Плюха сразу же после первого удара девчонок всадил полосатому в морду серию из трех файерболлов. Хищник на секунду аж опешил от такой бесцеремонности, что дало Аглае возможность перекатиться через плечо и встать на ноги. Тигр, впрочем, тут же опомнился и вновь надел на девушку, но та уже довольно бодро отмахивалась мечом и щитом.

— Отлично! — завопил Тарасик. — Патрик, держи его на себе, а мы сейчас эту морду быстро ушатаем!

Старшекласники радостно загалдели, подтверждая вышесказанное. Но все это веселье пресекла реплика Сергеевны, сказанная очень тихим голосом:

— Мотылек улетает...

И впрямь — белый лепесток бабочки плясал уже очень далеко, на пределе видимости, еще секунд десять — и совсем скроется из глаз.

Все замерли.

— Взвод! — взревел Митрич своим знаменитым голосом, принимая решение, — Патрик на месте, остальные за мной, бегом... Марш!

И первым бросился в кусты.

— Мы ее не бросим! — вдруг заорал Тарас.

— Нет, бросите!!! — заорал в ответ Митрич, легко перекрыв крик воспитанника. — Черт с вами, Петька — лечишь Патрика, остальные за мной — бегом! Бегом, я сказал!!!

***

Как мы неслись за этим мотыльком! Я так не бегал с того самого дня, как мы с Сергеевной бегали ночью в грозу. Господи, как будто сто лет прошло с того дня, хотя на деле — и месяца нет.

Я, конечно, бежал последним, но даже это не помешало мне услышать, как упрямый Плюха устроил выяснение отношений. Да, прямо на бегу.

— Почему мы их бросили?! — Тарас даже не спрашивал, это был не вопрос, а то, что в девяностые именовалось «предъява».

— Потому что ты дебил, а не командир! — популярно растолковывал Митрич. — Это не я, это ты должен был командовать — после того, как Светка про бабочку сказала. Уф! Понял?

— Нет!

— Дебил! Ты думаешь, уф, нам мотылька каждый раз посылать будут?

— Не... Не знаю!

— А я знаю! Такие услуги — одноразовые. Уф. Боженька дважды очко не сдает. Понял?

— Нет!

— Баран! У командира одна задача — выполнить задачу! Всё! Все остальное — и люди тоже — средство для выполнения. Уф. И ты ими — рас-по-ря-жа-ешь-ся! Понял? Их НАДС было бросить. Или двое, или все, понял? И решение на тебе, иначе ты не командир, а говно!

Понял? Уф! И ты молишь, что этому в игре учишься, а не в жизни! А теперь заткнись и беги! Уф!

Маленький Тарасик в своей дурацкой чалме бежал рядом с Митричем и даже со спины было видно, как напряженно он размышляет.

— Хорошо... — снова начал он. — А если спасать надо было для выполнения задачи? Помните, прошлый раз полный состав команды требовали? Вдруг сейчас опять?

— Ослятина! — вынес вердикт Митрич. — Не мог ты всех привести — это раз. Еще чуть-чуть — и он улетел бы нахрен. Тогда без шансов. А так — шансы есть. Может, трех возьмут. Уф. Может, двое выживут и догонят. Варианты. Всякое случается. Это раз.

Я с удивлением посмотрел на фрейм группы — действительно, и Патрик, и Петька были еще живы, их иконки не потемнели. Молодцы какие.

— Ты олух — это два. Какой полный состав? Это не первый тур. Ты видел, сколько групп в неполном составе? Их бы на дистанцию не выпустили! Так что — играем пока!

И Митрич бодро заработал локтями. Тарасик еще немного подумал, потом сказал.

— Вы правы. И в бизнесе та же фигня. Спасибо за науку. Я вам должен.

— Сочтемся, — хмыкнул Митрич.

Дальше мы бежали молча — берегли дыхание. И вот, когда я уже морально готов был сдаться и свалиться без сил, подлый мотылёк сбавил скорость. Пришлось бежать дальше, правда, всё больше и больше отставая от основной группы. Хорошая девочка Таня хотела было задержаться и сопровождать меня, но суровый Митрич покачал головой:

— Сейчас каждый из вас — на вес золота. А любой из нас — опционально. Не бойсь, догонит нас Митя. Вперед, вперед!

Светлана порывалась что-то ему сказать, но Митрич только сурово помотал головой и отмахнулся. Светлана, чтобы не ронять авторитет командира, тоже махнула рукой и убежала вперед.

И только я телепался сзади.

***

Меж тем мотылёк явно выводил нас из джунглей — в застоялом и недвижимом воздухе явно появились какие-то новые нотки. Пахнуло водой — причем водой текучей. Да и звуки впереди всё больше напоминали громяющую воду.

Когда я, задыхающийся, выскочил на берег реки, то обнаружил, что не ошибся. Здесь джунгли резко, как обрезанные, переходили в горы. А со скал, разливаясь в полете широким водопадом, падала речка. Небольшая — не Волга и даже не Орь, но зато быстрая, звонкая и говорливая. Перед водопадом была небольшая каменная площадка на которой валялось окровавленное тело Андрюшки, а трое наших оставшихся воспитанников бились с двумя здоровенными обезьянами. Обезьяны выглядели вполне цивилизованно, обе были обряжены во вполне приличные доспехи, левая довольно ловко орудовала копьем, правая же насадала на Ольгу с палицей. Я — уже на автомате — тут же посмотрел уровни. Нормально, оба примата были практически ровней нашим, всего-то 6 уровня. Высокие характеристики оружия обеих паладинш показатели как минимум уравнивали. А наличие Тарасика, укрывшегося за деревом и ловко швырявшегося оттуда огненными шарами, делало исход боя вполне предсказуемым.

Косвенным образом это подтверждала и реакция Митрича. «Слуга царю, отец солдатам» за боем не следил от слова вообще, а повернувшись к баталии спиной, нервно допытывался у старушек:

— И что — никто не видел, куда эта проклятая бабочка делась? Ну вы же впереди меня бежали, что у вас — глаз нет!

— Да достал ты, сапог! — орала в ответ Семеновна. — Не улетала она никуда, говорят же тебе! Исчезла — и всё! В речке утопилась, блин!

— Ага! — ярился офицер запаса. — Ну и куда нам теперь? Плот сколачивать, и вниз по течению плыть, труп искать? Так здесь не то что плот, здесь на байдарке не пройдешь! Узковата речушка!

Тут он, наконец, заметил меня.

— О, Митя! Прикинь — эти вороны бабочку потеряли! Тут вообще весело было — студенты первыми бежали, ну и Андрюха с ними, ну а чо — дело молодое! Я так понимаю, выбегают они сюда, на площадку, эти маргышки со скал им навстречу прыгают, и одна из них Андрюхе по кумполу своей железной палкой и залудила. Тот, конечно, сразу с копыт, лежит, скучает, перерождения ждёт. Вот просто не везет парню в последнее время. А вторая на Татьяну прыгнула ну и, конечно, огребла лопатой по... По лицу. И, самое главное — пока это месилово шло, эти капустницу эту вредительскую проворонили.

— Да ты на себе посмотри, голова твоя пенёк! — взъярилась Семеновна. — Сам-то что лицом торговал? Ты вообще на эту бабочку внимания не обращал, сразу в драку полез распоряжаться, кто кого бить будет. А теперь на нас сваливает.

— Ой, да нужны вы мне! — махнул рукой вояка. — Все равно здесь явно конец дорожки, сейчас ребята этих макак сложат, мы здесь все по камешку перевернём, найдем, куда дальше двигать!

Я хотел сказать: «Не надо переворачивать», но не смог. Я стоял, согнувшись и упершись руками в колени, и тщетно пытался хоть что сказать. Натрудившиеся лёгкие жадно гоняли воздух туда-сюда, а вот гордо как будто перехватило. Наконец, я плюнул на эти попутки и просто показал рукой.

— Ты чего это, Мить? — забеспокоился Митрич. — Случилось что ли что?

Он бросил лаяться со старушками и двинулся в мою сторону. В это время кто-то сзади толкнул меня с тропы.

Я рухнул на землю, и душивший меня спазм, наконец-то, исчез.

— Водопад! — крикнул я.

Но было уже поздно.

Невысокая фигура добежала до конца каменной площадки, и, сильно оттолкнувшись, прыгнула прямо под водяные струи. Секунду спустя за ней с криком «Саня, погоди!» бросилась вторая. Тормоз сиганул в занавес водопада, крикнув:

— Сами вы крабы!!!

И только потом из джунглей к речке неторопливо вышли три высоких спортивных и дорого одетых мужика — очевидно, тренеры. Мило улыбнувшись и любезно кивнув нам, они один за другим последовали за своими воспитанниками. А последний повернулся к нам, еще раз улыбнулся и прижал руку к сердцу:

— Без обид, коллеги, хорошо? Ничего личного, сами понимаете — работа.

И прыгнул вслед.

***

Только после этого мы, как те морские фигуры, выполнили команду «Отомри!».

— Твою ж мать! — только и смог в сердцах сказать Митрич. — Вот это я облажался. В армии про такое говорили «весь в дерьме — от ранта[1] до фуражки»!

— Правильно говорили, — ворчливым тоном подтвердила Семеновна. — Именно так это и называется.

— Да погодите вы! — цыкнула Светлана. — Митя, ты что сказать-то хотел?

— Да что уж теперь? — махнул рукой я.

— Ну все-таки?

- Это — я кивнул вверх, — Гора Цветов и Плодов в стране Аолайго. Родовое, так сказать, гнездо Сунь-Укуна. А там, за водопадом — пещера Водного занавеса, которую царь обезьян и открыл, первым прыгнув сквозь водяные струи. За это его, собственно, обезьяны царем и избрали. В пещере — наверняка данж, мотылёк нас именно к нему и привёл. Я сразу про пещеру понял, только сказать не мог — горло после бега перехватило. Вот только не я один место узнал, как выяснилось, и не мы одни до «Путешествия на Запад» додумались.

— Это точно... — скрипнул зубами Митрич. — Облажался я хуже лейтенанта зелёного. Недооценка противника — самая грубейшая ошибка! То, что воспитанники — идиоты, еще не значит, что тренеры — дебилы. Про тренеров-то я и забыл! А они не дураки оказались, пошли потихоньку за нами, и вот — на наших плечах в рай и въехали!

И он с досады ударил кулаком по камню, на котором и сидел.

— Что за «воспитанники — идиоты»?

Старшеклассники наконец-то закончили стучать по обезьянам металлическими предметами и магическими шарами и вернулись к нам.

— Сергей Дмитриевич, это вы про нас?

— Нет, про «крабов» — мрачно ответил Митрич. — В нашей команде, ради разнообразия, идиоты занимают должность тренеров.

— Да ладно вам! — Тарасик устало опустил рядом. — Нина Семёновна, на лут их проверите?

Немка молча кивнула и направилась к телам, на ходу доставая свой верный кривой ножик. А Тарас меж тем продолжил:

— Ошибки у всех бывают, а здесь-то вообще и ошибки-то нет. Кто мог догадаться, что они за нами пойдут?

— Да любой! — взорвался Митрич. — Любой мог догадаться! Анацефал[2] бы догадался! Нам же, главное, даже известно было, что они из того же портала вылезли! Ну, казалось бы, сложи ты два плюс два, прикинь палец к носу! Нет же — пёрлись по джунглям как стадо ежей!

— А почему — ежей? — удивленно спросила Татьяна.

— Ну не чижей же! — сказал в сердцах Митрич. — Ты ежа когда-нибудь видела?

— Нет, — призналась мажорка. — У нас только пираньи дома были, их лягушками кормили. У мамы аллергия на шерсть.

— На ежину у кого хошь аллергия! — встряла с репликой вернувшаяся немка. Она кинула Тарасу две колбы — на здоровье и на манну. — С паршивой макаки хоть...

— Да погоди ты! — махнул рукой Митрич. — В общем, когда ёж ходит, он шуму производит чуть поменьше бронепоезда. Пыхтит, кряхтит, чихает. Когтями, блин, цокает громче чем конь копытами. Особенно ночью — хрен заснешь! Короче — никого, кроме себя, не слышит. Вот и мы так по джунглям пёрлись — как стало ежей.

— Слушайте, а что мы здесь сидим? — поинтересовалась Ольга. — Вдруг там данж многопользовательский, и сколько групп не зайдет — всех примет? Тогда у нас есть все шансы на первое место. Я, например, сомневаюсь, что с тем же Тормозом они быстро

подземелье пройдут. Если, конечно, вообще пройдут.

— Ох ты ж!!! — Митрич подорвался, как на противотанковой mine. — Что-то я сегодня не по-детски туплю. Неужели и впрямь маразм все-таки подкараулил? Семёновна, скажи мне как специалист — маразм, он как начинается?

— Что значит «как специалист»? — медичка взвилась разъяренной фурией. — Я тебе что, маразматичка, что ли?

— Ну ты же врач!

— Я хирург!!!

— Ой, все, — махнул рукой военный. — Алло, бойцы, я не понял, кому стоим, в носу ковыряем? Вы почему еще не за водопадом?

Увы, но предположение Ольги не прокатило. За водопадом и впрямь оказалась большая и даже довольно сухая своеобразная «прихожая» пещеры Водного занавеса. Пройдя ее, мы вышли к привычному уже овалу перехода. Увы, но попытка пройти за мембрану была пресечена строгой надписью:

К СОЖАЛЕНИЮ, ВХОД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ НЕВОЗМОЖЕН — ДАНЖ УЖЕ ЗА ГРУППОЙ ИГРОКОВ. ДОЖДИТЕСЬ ОКОНЧАНИЯ ПРОХОЖДЕНИЯ.

— Блин, да что за непруха сегодня! — Митрич с досады вновь влупил кулаком по скале.

— Слушай, военный, ты бы остыл уже, а? — поморщилась Семёновна. — Устроил здесь, понимаешь, шекспировскую трагедию. Нормально все. Мы, если данж пройдем, надеюсь, вторыми на этапе будем. У «крабов» после первого тура — гольная десятка, никаких надбавок, они нас не догонят. «Светляки» после такого фиаско если на третье место вылезут, это чудо будет. Кто еще? Та бронзовая команда, которая тоже подсказку получила? Ну пусть они на «серебро» выскочат, пусть даже на — все равно у нас масса шансов так и остаться во главе турнирной таблицы. Если, конечно, этот данж пройдем.

И она суеверно поплевала через левое плечо и три раза стукнула по черепу Митрича.

— Ладно, ты права, — резюмировал остывший Митрич. — Будем здесь загорать. Может, и Патрик с Петькой догонят?

Все синхронно скосили глаза, но Митрич успел первым:

— Да пошутил я, серые они давно. Там без вариантов было, у Аглаи же урон — слёзы, а не урон! А тигр этот, думаю, не тигр, а слон! Там здоровья, небось, как у бронтозавтра, пока все проковыряешь — десять раз вспотеть успеешь! Толпой бы загасили, конечно, но вдвоем...

Он цокнул языком.

— Думаю, как только у Петьки манна кончилась, так их тигр и того... На бастурму пустил. Но свое дело ребята сделали, нас прикрыли, тигра на себя взяли, нам уйти дали. Главное вам сейчас — этот их подвиг маленький не обесмыслить!

— Ну хватит уже, Сергей Дмитриевич! — не выдержала Ольга. — Хватит нас мотивировать, что мы — действительно дебилы, что ли? Не маленькие, сами все понимаем. Что бы у нас между собой не было, выиграть мы все хотим, поэтому я и овцу, и ушастого этого в бою прикрою, не волнуйтесь. И выкладываться буду по-полной. Расклад у нас нормальный — Танька танковать будет, я хилить, Плюха дамажить. Прорвемся!

— Ладно, извини, — миролюбиво предложил Митрич. — Сама же видишь, дергаюсь я сегодня. Всё, больше грузить не буду. Давайте спокойно обсудим тактику прохождения.

— Прежде чем вы свое «ди эрстэ колоннэ маршир»[3] начнете, я вот что сказать хочу, — влез в разговор я. — Надо чтобы уже сегодня все «Путешествие на Запад» читать

начали. Если бы сегодня кто-нибудь хотя бы две главы прочитал — мы бы уже в данже гуляли, а «крабы» здесь сидели и локти грызли.

— Да это понятно, — кивнул Митрич. — Это в обязательном порядке. В общем, слушайте. Как бы я на вашем месте проходил...

Мы просидели в предбаннике примерно с полчаса. Сначала обсудили тактику, потом я по настоянию Митрича пересказывал эпизоды из «Путешествия на Запад», так или иначе связанные с пещерами. Какие вспомнил, конечно, благо, их там хватает.

А потом мы все увидели надпись:

ВНИМАНИЕ УЧАСТНИКАМ ТУРНИРА! ОПРЕДЕЛИЛСЯ ПОБЕДИТЕЛЬ ВТОРОГО ЭТАПА. ИМ СТАЛА КОМАНДА № 24 В СОСТАВЕ: САНЁК (КАПИТАН), ЭСКУЛАПТС ЖИВЧИК. ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, ПЕРВЫМИ ВЫШЕДШИХ В ТРЕТИЙ ПОЛНЫЙ СПИСОК НАГРАД БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН ДОПОЛНИТЕЛЬНО.

Митрич встал:

— Ну, погнали.

[1] Рант (от нем. Rand «край») — деталь низа (подошвы) обуви, прокладка между верхом и подошвой. Но обычно «рантом» неправильно называют саму подошву. Так, в советском Военно-морском флоте, где уходили на дембель не в сапогах, а в туфлях, для дембельского костюма требовалось «рант подрезать» — срезать край подошвы и, особенно, каблука с наклоном внутрь, уменьшив таким образом площадь подошвы.

[2] Анацефал — человек, родившийся без головного мозга.

[3] «ди эрстэ колоннэ маршир» — знаменитая фраза «Die erste Kolonne marschieret, die zweite Kolonne marschieret...» (первая колонна марширует, вторая колонна марширует...), сказанная немецким генералом на русской службе Пфулем в романе Льва Толстого "Война и мир" на оперативном штабном совещании, когда обсуждался план кампании 1812 г. против Наполеона.

***

Едва мы прошли через мембрану входа в данж, тут же появилось уже знакомое сообщение:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, ДОРОГИЕ ВЫПУСКНИКИ И УВАЖАЕМЫЕ ТРЕНИ
ГРУППА НОМЕР 25, КОМПЛЕКТНОСТЬ ГРУППЫ ПРИ ПРОХОЖДЕНИ ЭТОГО ДА
— ДО ТРЕХ ЧЕЛОВЕК ВКЛЮЧИТЕЛЬНО. ЗАПРОС КОМПЛЕКТНОСТИ, ОЖИДАЙ
ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ. ВНИМАНИЕ! ВЫ ГОТОВЫ ПРОЙТИ ФИНАЛЬНОЕ ИСПЫТА
ВТОРОЙ НЕДЕЛИ? ЭТО ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ИЗ ТРЕХ. В СЛУЧАЙ УСПЕХА
МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ БОНУС ЗА ВТОРОЕ ПРОХОЖДЕНИ
ПОТОКЕ. ПРОХОЖДЕНИЕ АВТОНОМНОЕ, ПОДСКАЗКИ ЗАПРЕЩЕНЫ, ПО
ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ТРЕНЕРСКИЙ СОСТАВ БУДЕТ ПЕРЕНЕСЕН В КОМН
НАБЛЮДЕНИЯ. ПРОШУ ОТВЕТИТЬ КОМАНДИРА ГРУППЫ.

Митрич торопливо напутствовал подопечных:

— Ну все, в добрый час, главное — аккуратнее действуйте. Сами понимаете — если уж эти гаврики прошли, то вам — сам бог велел. Главное — не рискуйте и на рожон не лезьте. Лучше медленнее, но надежнее. Все, давай, Тарас, отвечай!

— Да, мы готовы.

И вот мы вновь в уже привычной «тренерской», где — сюрприз! — нас уже ждали Андрюшка и «героически погибшие» Петька с Патриком. Андрюшка как раз возился с трансляцией, включая «телевизор».

— О, а вы как здесь оказались? — обрадовался я.

— Да это, типа, обыкновенно. — пояснил Андрюшка. — Сообщение пришло типа того, что ваша группа начала прохождение испытания, не желаете ли перенестись в комнату наблюдения.

— Во-во! — подтвердил Петька. — У нас то же самое было.

— Слушайте, мы прохождение будем смотреть, или вечер воспоминаний устроим? — язвительно поинтересовалась Семеновна.

И мы стали смотреть.

Смотреть, впрочем, пока было не на что. Девчонки с Тарасиком медленно шли по земляному тоннелю, явно нервничая и напряженно осматриваясь. Вдруг из-за поворота им навстречу вылез краб. Самый настоящий — с ножками и клешнями, с глазами на стебельках,двигающийся боком. Краб был шестого уровня. Один.

— Если у них такое же прохождение было — авторитетно заявил Петька, — на этом моменте, походу, Саня весь на маты изошел. Целиком.

Пока Петька комментировал, краба не стало — грабли в спине плохо совместимы с активной жизнедеятельностью.

Дальнейший путь был повеселее — периодически навстречу искателям оружия выскакивала всяческая морская живность — крабы, раки, осьминоги, змеи и прочие бронированные моллюски. Никаких особых проблем нашей тройке они не доставляли и доставить не могли в силу малочисленности и низких уровней. Паладинши совместными усилиями выносили их на раз, Плюха экономил ману и не всегда даже и в бой-то вступал.

— Что-то на морепродукты сценаристов потянуло, — встрял Митрич. — Не иначе как после пива локацию писали.

— Да нет, — не согласился я. — Если в финале их ждет железный посох для Тарасика, то все честно — Сунь Укун свою металлическую палку с золотыми кольцами выщеганил у морского царя. Так что пока все аутентично.

— О как! — почему-то обрадовался Митрич. — То есть нас еще ждет праздник Нептуна?

Жизнь подтвердила его предположения. Коридор в итоге вывел тройку «второпроходцев» в зал, очень напомилавший сцену из советских детских фильмов — завсегдатаев передачи «В гостях у сказки». Сейчас, конечно, уже мало кто помнит все эти «Огонь, вода и медные трубы», «Варвара-краса, длинная коса» и прочие «Садко». Но для меня все было именно так, как тогда, в детстве. И морской царь с короной и зеленой клочковатой растительностью на голове. И русалки в целомудренных лифчиках. И морские коньки, невесть как державшиеся в воздухе. И даже звуки «буль-буль-буль» присутствовали.

Очень хотелось запеть «Я водяной, я водяной. Никто не водится со мной».

— Эх, жизнь моя жестянка! — вдруг с чувством сказал Митрич.

Мы со старушками, не сдержавшись, захихикали. Дети подозрительно покосились на нас. Впрочем, идиллия в стиле «Квак родную маму» вскоре была нарушена.

В зал влетела крошечная шаровая молния и тюкнула по темечку какого-то водяного военачальника. Судя по количеству железа на груди — не то генерала, не то собирателя лома цветных металлов.

Переменяя звон медалей матерными криками, он ускакал в коридор, где его и поджидала наша тройка, почти мгновенно разобравшая крупного деятеля времен самодержавия на составляющие. Остальные придворные, как и положено тупым мобам, на шумную ретираду своего товарища внимания не обратили. Так оно и пошло — Тарасик агрил кого-нибудь из придворных самым слабым своим фаерболом, тот, ругаясь бежал в коридор. Там его встречали красивые бедовые девки, без прелюдий приглашающие поиграть в веселую игру «Грабли — в бок!» или «Лопатой по лицу» — смотря какая первой успеет. Приглашенные резко начинали скучать, продолжать игру отказывались, и вскоре веселая тройка уже звала следующего.

— Как-то слишком просто все, типа, — Андрюшка выпятил нижнюю губу. — Не нравится мне это.

— А кому это может нравится? — эхом откликнулась Светлана. — Нас совсем уже втемную разыгрывать начали. Сначала нам лихо подсуживают выносом «светляков», потом не менее лихо обносят «крабами», сейчас вообще какая-то игра в поддавки пошла. Даже я понимаю, что этот данж — что угодно, но не данж для второго этапа.

— Ну дык а какой еще эти крабы смогли бы пройти? — сварливо откликнулась Семеновна.

— Слушайте, я уже ничего не понимаю, — признался я. — Кто подсуживает? Кому подсуживают? Нам? «Светлякам»? «Крабам»? Судя по вашим словам — и тем, и другим, и третьим. Что-то у меня уже все в голове перемешалось.

— Мить, ну перестань. Все ты прекрасно понимаешь. Играют как минимум двое. Одна команда подсуживает «светлякам». Скорее всего — в желании угодить почтенному председателю родительского комитета. Вторая команда вставляет им палки в колеса. А в качестве палки — так уж получилось, случайно или намеренно, не знаю, — использовали

нас, сбив очередность появления команд. Теперь, раз уж нас выставили на доску — мы в игре. Это было краткое содержание первого тура. Что до недавнего фиаско «светляков» — что там у них случилось, доподлинно мы никогда не узнаем. Можно только предположить, что нас решили вывести из борьбы, поставив ловушку. Похоже, рассчитывали, что первым на дистанцию выпустят лидера по итогам первого тура. Но представители команды «палковставляльщиков» использовали свой любимый прием — перетасовать народ в очереди. И затеяли этот импровизированный турнир. В итоге в ловушку угодили те, кого с помощью этой ловушки рассчитывали вывести на первое место. И все стало еще хуже.

— Понятно, — согласился Митрич. — Резонно и очень похоже на правду. А что насчет «крабов» и «поддавков»?

— С «крабами» очень похоже на обычную случайность, которая всё еще больше запутала. Такое бывает, и очень часто. Чем это всё закончится — без понятия, точно могу сказать только одно — «крабы» теперь тоже в игре, и в следующем туре их точно будут разыгрывать. А «поддавки»... Давайте хотя бы дождемся окончания прохождения данжа. Там, похоже, уже немного осталось.

И действительно — наша группа давно уже перебралась в зал, потому что таскать противников в коридор было слишком долго. Количество придворных морского царя изрядно уменьшилось — по большому счету, остались только тесною толпой стоящие у трона палачи, э-э-э, царедворцы.

— Этих уже не растащишь, — авторитетно заявил Андрюшка. — Эти толпой агриться будут.

Так оно и произошло. Стоило огненному шарикуну прилететь в голову какого-то многозвездного генерала, как стоявшая рядом русалка средних лет с многономерным бюстом пронзительно завизжала и, выбросив руку вперед, запустила в ответ струей воды — что твой брандспойт, а то и похлеще! Генералы, громко топая, кинулись на обнаружившихся супостатов, но Татьяна, применив абилку «Рывок», прорвалась сквозь них прямо к трем магичкам-русалкам и мигом сбила им все касты посредством лопаты. Генералы, затормозив, кинулась обратно — спасать прекрасных дам и царя-батюшку. Тарасик же, не мудрствуя лукаво, запустил по образовавшейся куче-мале «Огненный дождь» — свое единственное АОЕ-заклинание, открывшееся на 5 уровне.

И понеслось веселье! Патрик наблюдала за разворачивающейся на экране схваткой молча и с бесстрастным лицом, и только покусываемые периодически губы выдавали ее волнение. Петька же оказался азартным болельщиком, ему только флага и шарфика не хватало:

— Да куда ты бьешь, руки твои криворукые!!! В голову бей, в голову, говорю! Во-о-от! Давай, давай, сейчас пройдет, непробиваемых нет! Блин! Куда ты смотришь?! Сзади! Сзади говорю!!! Да поверти ты башкой, ничего, не отвалится! Вот, молодцы. А теперь вместе — в прорыв, пошли! Давай, давай, родные, бежим, бежим, шевелим булками!

Этот поток слов не останавливался ни на секунду, и прервался только тогда, когда нервничающий и переживающий Митрич, на тратя слов даром, выписал Петьке подзатыльник.

На самом деле нервничал Митрич зря — даже мне было понятно, что исход драки явно складывается в нашу пользу. Из-за слабости противников ребята к залу подошли свежими и не потратившимися — во всех смыслах этого слова. В зале же противники были пусть и не детского уровня, но вполне посильного даже для средней по способностям команды. А наши

бойцы благодаря усилиям Митрича и Андрюшки и, главное, собственной каждодневной работе уверенно выбились в группу сильнейших. Так или иначе, но защитники подводного трона падали один за другим, и вот, наконец, водяной царь остался в гордом одиночестве.

— Стойте!!! Стойте! — завопил он, воздевая руки к небу. — Не трогайте меня! Я отдам все, что вам нужно, о всемогущие незнакомцы! Скажите мне, чем я могу выкупить свою жизнь?

После этих слов Тарасик просиял так, как будто ему только что сообщили о назначении его главой Сбербанка.

— Ну вот, это ты дело говоришь... Ок, начнем разговаривать. Сразу скажу, что дешево ты не отделаешься. Для начала, для разминки, и в знак твоих добрых намерений — скажи-ка мне, мой милый друг, нет ли у тебя случайно масштабируемого оружия для меня?

Петька присвистнул:

— Всё, зелёный, ты попал!

И это была правда. Морской царь, конечно, попытался сопротивляться, но Плюха сурово пресёк эти жалкие попытки сопротивления и буквально за пять минут выкрутил монарха как уборщица с двадцатилетним стажем — половую тряпку.

— Ну хорошо, хорошо! — простонал водный царь. — Сейчас.

Он залез под собственный трон, долго там чем-то шуршал, потом раздался отчётливый щелчок и в стене по правую руку от трона открылась потайная дверца.

За дверью в небольшой вертикальной нише стоял лом. Самый обыкновенный лом той самой идеальной формы, которая ни на миллиметр не изменилась за всю мою долгую жизнь.

— Забирай, — выбравшийся из-под трона царь чуть не плакал. — Забирай, аспид, самую ценную мебель в доме. Забирай мой волшебный железный посох!

Все (и Тарасик тоже) внимательно уставились на посох. У всех появилась одна и та же надпись.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОСОХ. УРОВЕНЬ — ЛЕГЕНДАРНЫЙ. МАСШТАБИРУЕМОЕ ОРУЖИЕ ТОЛЬКО ДЛЯ МАГОВ.

Да уж. Повезло Тарасику. Будет с собой таскать овеянное воплощение поговорки «Против лома нет приема».

— Иди, грабь! — продолжал рыдать Его Величество. — Забирай посох. И больше я тебе ничего не должен!!!

Тарас внимательно посмотрел на посох, а потом, еще более внимательно — на его практически бывшего уже владельца.

— Нет уж, Ваше Величество. Ты уж сам мне свою пуху вручи. Устроим, так сказать, символическую церемонию передачи. Из рук, так сказать, в руки. А то мало ли какая противоугонная система у тебя там стоит?

Царь-батюшка рыдать перестал, укоризненно посмотрел на своего визави, вздохнул и снова полез под трон. Что-то снова щелкнуло, и монарх попой вперед выбрался из-под своего кресла. Ни слова не сказав, он подошел к нише, взял оттуда лом, вернулся, молча сунул оружие в руку Тарасику, сел на трон и демонстративно уставился в сторону. Минуту помолчал, потом нехотя выдавил из себя:

— Машешь им против ветра — он увеличивается в размерах. Машешь по ветру — уменьшается. Носить удобно. Вес всегда один и тот же.

Потом пожевал губами и добавил:

— Я тебе отдал посох, мы в расчёте. Попрошу очистить помещение.

У нас всех появилось сообщение:

ВНИМАНИЕ УЧАСТНИКАМ ТУРНИРА! ОПРЕДЕЛИЛСЯ ВТОРОЙ ПОБЕДИТ ВТОРОГО ЭТАПА. ИМ СТАЛА КОМАНДА № 25 В СОСТАВЕ: ПЛЮХА (КАПИТАН), ПАРА, РО, КВИН И ПАТРИК. ПОЗДРАВЛЯЕМ СО ВТОРЫМ МЕСТОМ! НАГРАДЫ ВСЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ БУДУТ ВРУЧЕНЫ НА ИТОГОВОМ СОБРАНИИ ВТОРОГО ТУРА.

Мы облегченно выдохнули.

Трое победителей радостно загалдели и направились к выходу. Но, к нашему безмерному удивлению, выхода из зала не было — где только что был коридор, стояла дверь. Запертая.

— Эй, алло, гараж, чо за дела? — не сдержалась Ольга, которая сегодня, несмотря на сравнительно легкую победу, порядком вымоталась. — Где выход-то? Где возможность очистить помещение?

Самодержец звучно хлопнул себя по лбу.

— Совсем забыл! Просто из головы вылетело!

Потом вдруг махнул рукой, и заговорил обычным тоном.

— Ладно, что уж там. Хорошая у тебя чуйка, парень. И ловушку угадал, и про церемонию передачи сообразил. Посох привязывается к хозяину и раз в месяц тот может призвать его к себе, где бы тот ни находился. Через четыре дня «Толстая проволока» исчез бы для тебя навсегда.

— «Толстая проволока»? — удивился Тарас.

— Да, так его зовут. У всех легендарных посохов, мечей, молотов и прочего оружия есть свои имена. Этот посох зовут «Толстая проволока», хотя я понятия не имею, что такое проволока. Но его так зовут. Ты случайно не знаешь, что это?

— Э-э-э... Знаю, но не скажу.

Царь уныло кивнул.

— Ну да, не похож ты на болтливую. С пониманием, я бы тоже не сказал.

Тарасик хмыкнул, и напомнил:

— Ты, Величество, не договорил.

Монарх спохватился.

— Да, точно. В общем, не прокатило у меня. Сильные, видать, у вас покровители там, наверху, — и он деликатно потыкал вверх оттопыренным большим пальцем. — Дверь закрыли.

— И? — продолжил давить Тарасик.

— В общем, надо будет ритуал отвязки от меня и привязки к тебе проводить.

— Ритуал сложный? Долгий? — поинтересовался Тарасик.

— Да нет, пять минут, — самодержец невесело хмыкнул. — Что, боишься, что я время тяну, жду, пока ко мне помощь подойдет? Правильно боишься, я бы так и сделал. Вот только не прокатит уже. Мне теперь уже никуда не деться, я сгоряча признал, что отдам тебе посох. А монарх как та лошадь с телегой — назад не едет. Обещал отдать — придется отдать. Обмануть можно, не отдать нельзя.

— Ага, вон почему квест после его слов «Мы в расчёте» засчитался, — выступил в роли Капитана Очевидность Петька Пара.

Но на него шикнули — всем интересно было послушать, что там дальше происходит.

— Ладно, начнём, что тянуть, — вздохнул водный царь. — Только вы не разбредайтесь

никуда, вы мне все трое понадобится.

Он подвел Тарасика к стене, завешенной не то гобеленом, не то обычным ковром. Поставил нашего командира спиной к коврику, вложил посох в специальные крюки, торчащие сквозь ковер над его головой.

И завел долгую и печальную песню о том, что, мол, дорогой мой друг, боевой ты мой посох, расстаемся мы тобой, расстаёмся навсегда. Ой-ё! Но ты не горюй, мой давний воинский товарищ, не продаю я тебя, не за презренный желтый металл отдаю. Ой-ё! Честной сталью за тебя заплатили, в честном поединке тебя у меня отбили, вот такие вот удалцы ко мне во дворец забежали. Ой-ё! Вот такому вот непревзойденному бойцу я и отдаю тебя, ибо недостойн более тобой владеть! Ведь ты лучший в мире боевой посох, и хозяин твой тоже должен быть лучшим боевым магом в мире. Ой-ё, ой-ё, ой-ё!!!

А свидетелями прощания нашего будут боевые товарищи хозяина нового твоего! (Дамы, не стоим, лицом не торгуем, подходим сюда). Ой да гой еси, товарищи боевые...

(Не тупим, дамы, встаем с двух сторон, спиной к коврику, грудь вперед)

А свидетелями встречи вашей с новым хозяином будут твои новые боевые товарищи, поющие звоном в битве! Ой да гой еси, твои новые товарищи!

(Ну что замерли, как сурикат возле своего дома? Оружие своё давайте)

И да повиснут над головами своих хозяев они так же, как ты висишь над головой нового хозяина своего! И да посоветуйтесь вы втроем, и да примите вы решение мудрое!

(Не тупим, уходим, уходим! Все за мной идем в тот угол. Вот так хорошо. Сейчас я вернусь, коснусь его, и посох должен вспыхнуть — пройдет смена хозяина).

Давай же прощаться, товарищ мой испытанный, служи же ему так же верно, как мне служил.

Обещанной вспышки не последовало. Наоборот — в пещере как будто выключили освещение, и наступила полная темнота. Потом раздался короткий сдавленный крик, потом под потолок взлетел фаербол, пущенный Тарасиком. И в неясном свете отчетливо была видна тень, метнувшаяся к выходу.

Потом вспыхнул свет.

Под ковром кучей тряпья валялось тело хозяина с кинжалом под левой лопаткой.

Оружия на ковре не было.

***

Не успели мы проморгаться, как перед глазами повисла надпись:

ВНИМАНИЕ! ВАШЕЙ КОМАНДЕ ДОСТУПЕН КВЕСТ «ПРОПАВШЕЕ ОРУЖИЕ». ЦЕЛЬ: НАЙТИ ПОХИТИТЕЛЯ И ВЕРНУТЬ СЕБЕ ОРУЖИЕ. НАГРАДА — ВАРИАТИВНА.

ЕСЛИ ВЫ ПРИНИМАЕТЕ КВЕСТ, ОН СТАНОВИТСЯ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ВТОРОГО ЭТАПА ДЛЯ ВАШЕЙ КОМАНДЫ. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ЗАНЯТОМ МЕСТЕ АННУЛИРУЕТСЯ ДО ВЫПОЛНЕНИЯ КВЕСТА.

ЕСЛИ ВЫ ОТКАЗЫВАЕТЕСЬ ОТ КВЕСТА, ЗАНЯТОЕ ВАМИ МЕСТО ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ. ВЫ И ВАШИ ТРЕНЕРЫ МОЖЕТЕ ТЕЛЕПОРТИРОВАТЬСЯ НА ЛОКАЦИЮ КОЛЛЕДЖА. ВЫ НАВСЕГДА ТЕРЯЕТЕ ПРОПАВШЕЕ ОРУЖИЕ.

У ВАС ТРИДЦАТЬ СЕКУНД НА ОБЩЕНИЕ С ТРЕНЕРАМИ. ДО ИСТЕЧЕНИЯ ТРИДЦАТИ СЕКУНД КАПИТАН КОМАНДЫ ДОЛЖЕН ГРОМКО СКАЗАТЬ: «ПРИНИМАЕМ КВЕСТ!». ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ БУДУТ СЧИТАТЬСЯ ОТКАЗОМ ОТ ЦЕПОЧКИ КВЕСТОВ.

«Вот это поворот!» — успел подумать я. А мы еще на поддавки жаловались. Да здесь

куда ни кинь — везде одно и то же слово из четырёх букв. Хорошо «крабам» было решение принимать, у них наверняка и оружие слова доброго не стоило. А вот у нас положение куда хуже. Согласиться на квест — вполне возможно, потерять второе место. Отказаться — очень сильно ослабить команду, потому что оружия, равного потерянному, нам уже не найти.

Пискнул таймер, включивший 30 секундный отчёт.

— Короче, я посох не отдам! — безапелляционно заявил Тарасик. — Меня потом ночью жаба удушит. Такая легендарка в «Альте» два моих месячных пансиона стоит.

— Мне тоже грабли жалко! — заявила Ольга.

Татьяна промолчала.

— Короче, так, — Митрич был хмур, но тараторил быстро. — Интересы команды требуют отказаться от квеста. Интересы игроков требуют принять квест. Это ваше будущее, это большие деньги, я на себя ответственность не беру, решайте сами.

И тут меня осенило. Такое бывает — в самый нужный момент что-то в голове щелкает, и все встает на свои места.

— Принимайте квест! — заорал я. — Ваше оружие у князя оборотней Желтого Льва. Он с подданными живет на горе Голова Барса в пещере Пасть Тигра. Бабочка может помочь...

27 секунд.

— Тарас!!! — заорали мы практически хором.

— Мы принимаем квест!!! — одновременно с нами проорал капитан.

Блывкнул таймер. Связь прервалась.

— «Мы принимаем бой!» — кричали они» — противным голосом Сергея Мартинсона процитировала Семеновна. — «А безволосый Лягушонок кричал громче всех».

— Ты, никак, на север собралась? — ехидно поинтересовался Митрич.

— Да нет, — смешалась докторша. — Это я так, по ассоциации[1].

— Ладно, — смилостивился Мирич. — Давайте лучше Митю слушаем, он же всех с панталыку сбил. Ты чего это, Мить?

— Да все то же. — махнул рукой я. — Просил же, как людей — почитайте «Путешествие на Запад»...

— Я читаю! — возмутился Петька. — Просто до этого не дочитал еще, наверное. Книжка ж длинная капец какая!

— Да, наверное, это все происходит ближе к концу, — признал я. — Ладно, хорошо, что я в последний момент вспомнил. В общем, в романе есть эпизод, когда у троих учеников Танского князь оборотней, превращающийся в желтого льва, крадет оружие. Почему я почти уверен, что за основу взят именно этот момент — в этом эпизоде Сунь-Укун превращается в бабочку. Как раз в белую. Там про это в стихах рассказано, но я их, щадя ваши чувства, цитировать не буду. Собственно, и эпизод пересказывать бессмысленно, сценаристы напрямую книгу не цитируют, они ее творчески перерабатывают. Но что, на мой взгляд, важно — кража оружия это только первый эпизод в череде событий, спровоцированных оборотнем. И если сценаристы действительно прописали цепочку квестов, могу предположить, что заданием на третий этап будет проверка команд на умение действовать вместе против многочисленного противника.

— Заинтриговал, — хмыкнул Митрич. — Ладно, потом поговорим. Пока что одно очко точно в твою пользу.

— Ты о чем?

Как выяснилось, пока я разливался соловьем, пересказывая У Ченьэня, обокраденные

успели добежать до выхода из пещеры — сразу после принятия квеста дверь исчезла.

Выскочив на воздух, они заметались, не зная, куда бежать, и вдруг Татьяна крикнула:
— Бабочка! По-моему, та же самая!

И действительно — белый мотылёк плясал в воздухе, будто специально привлекая к себе внимание. Увидев, что его заметили, он тут же полетел куда-то к северу, а наши экс-«легендарщики» кинулись за ним.

[1] (надувшись) Не буду больше ничего объяснять. Всё, отныне количество сносок резко сокращается. Кто поймет, тот поймет. 8) А если серьезно — ладно, признаю, я, похоже, и впрямь несколько увлекся этим делом. Есть у меня такая черта, азартный я Парамоша. А все хорошо в меру. Спасибо почтенным читателям за обратную связь.

***

— Ух ты, точно — бабочка! — восхитился Петька. — Ну, привет, Великий Мудрец, Равный Небу!!!

И он помахал рукой экрану. Смотри ты, и впрямь читал[1].

Меж тем Сунь Укун в образе бабочки (если это, конечно, был он) уверенно вел за собой наших ограбленных бедолаг. По уверенной геометрической прямой. То есть — по бездорожью, через буераки, канавы и овраги. И хотя наши «пионеры» знали, что за ними внимательно наблюдают, вскоре они перестали это принимать во внимание. Плохие слова звучали из их уст все чаще, и даже девушки отнюдь не гнушались табуированной лексикой. Надо ли говорить, что главным адресатом всех этих слов на «х», «п», «б», «ё» и «му» был вовсе не таинственный похититель, а мотылёк, который реализовывал на практике знаменитый постулат точных наук «кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая».

Впрочем, мотылька все эти персональные аттестации вряд ли сильно задевали. Более того, если в бабочке и впрямь прятался Сунь Укун, то я более чем уверен — в этот момент он просто изнемогал от смеха. Будучи одним из самых ярких трикстеров[2] мировой литературы, вряд ли он упустил бы повод поглумиться.

В это время Ольга запнулась за какую-то полусгнившую корягу и с размаху ударила лицом в грязь. В самом прямом смысле слова ударила — метра за полтора от коряги располагалась широкая и, как выяснилось, глубокая лужа. Ко всеобщему удивлению пустившая пузыри «принцесса» даже не выругалась. Она молча поднялась, молча размазала грязевые потоки где-то в районе глаз и молча побежала вслед за бабочкой. Тарасик, так и простоявший все это время с протянутой рукой, пожал плечами и побежал следом. Когда он поравнялся с Ольгой, то услышал:

— Плюха, тебе деньги нужны?

— Всегда нужны! — не задумавшись ни на секунду, ответил Тарас.

— Тогда у меня к тебе дело. Как только мы добежим, припей эту летучую сволочь файерболом. За тридцатку.

— За полтос, — столь же мгновенно отозвался Тарас.

— Договорились!

— Блин, продешевил, походу, — повертел головой Тарас. — А у тебя что, вообще никакого оружия не осталось?

— Вообще голяк, полный, — мрачно отозвалась Ольга. — Хоть с тапочком за врагом бегай.

— Понятно, — кивнул Тарас. — Тань, а у тебя есть чо?

— У меня кинжал, что с Якши выпал. Не меч, конечно, но урон у него неплохой. Нормально, практически. А у тебя как?

— В смысле? — удивился Тарас. — Что было, то и осталось. А вы что думали? Что я выкинул свой старый жезл, как только мне этот железный посох пообещали?

— Нет уж, мы так не думали — захихикала Ольга. — Мы думаем, что ты, небось, и скорлупу от яиц не выбрасываешь, и фантики от конфет аккуратно в коробочку складываешь.

— В общем, понятно, — подвела итог Татьяна. — Лучше всех у нас вооружен Тарас, потом я, а овца будет хилить, если чо. Да куда он опять в самую чашу летит?

Впрочем, девушки зря жаловались — джунгли заметно редели, а вскоре наши подопечные и вовсе вышли на торную[3] дорогу. Мотылек, будто учуяв неладное, «свечкой» ушел в небо, быстро набрал высоту и вскоре потерялся в небе, так и не дождавшись огненного шара, которого Тарасик не успел скастовать.

— Лопух! — безнадежно махнула рукой Ольга. — Ни украсть, ни покараулить не способен.

— Да ты же видела, он как будто слышал, что с ним сделать собираются! — загорячился Тарас. — Тут никто бы не успел!!!

— А вот не надо было давать женщине обещаний, если исполнить их не в состоянии! — фыркнула Ольга. — Ладно, дыши носом и радуйся, что я с тебя штрафных санкций не требую. Что с тебя взять.

Тарасик просто побледнел от негодования — как всякий неопытный представитель мужского пола, она на «раз-два» повелся на древние как мир женские приёмы курощения, низведения и «виноватенья» мужчин. По всему должно было начаться долгое выяснение отношений, которое Ольга и провоцировала, но тут Татьяна шикнула.

— Заткнитесь, вы! Идет кто-то!

Вся троица моментом пырснула с дороги и через пару секунд уже укрылась в придорожных кустах.

Вскоре на дороге показались две фигуры, степенно о чем-то беседующие:

— Вот что я тебе скажу, братан — самая вкусная вещь это все-таки нутряное сало!

— Ну, если слаще морковки ничего не едал, тогда да. Но вот если бы ты хоть раз попробовал желудочный лёд...

— Воргены! — громко заявил Петька Пара. Потом посмотрел на мое непонимающее лицо и поправился. — Волки-оборотни.

Я присмотрелся. Действительно — несмотря на довольно-таки гуманоидное тело, головы у обоих собеседников были волчьи. У первого над головой было написано «Чудаковатый хитрец. 7 уровень», у второго — «Хитроватый чудак. 7 уровень».

Меж тем беседа оборотней продолжалась:

— Желудочный лёд?

— Желудочный лёд!

— Братан, ты гонишь!

«Братан» остановился и очень нехорошо посмотрел на собеседника. Потом сухо и лаконично попросил:

— Обоснуй.

Второй почему-то занервничал, и принялся запальчиво кричать:

— Братан, да ты сам посуди, ну это же типа чистая физиология! Не, ну реально! Желудочный лёд — это же типа голубоватого цвета жир в желудке, так?

— Сероватого цвета, — все так же сухо поправил Хитроватый чудак. — Голубоватого пускай «противные» хавают.

— Без базара, — легко согласился Чудаковатый хитрец. — Пускай сероватого. Но ты прикинь, братан, это же типа жир, так? И при этом из желудка, типа. Так?

— Допустим. И чо?

— А то, что в желудке жир не может сохраниться. Реально. Там же типа этот —

желудочный сок. А он жиры типа разлагает. На этот... взрывалка еще такая есть. На нитроглицерин, во! Нам училка в школе рассказывала[4]. Это наука типа.

Хитроватый чудак внимательно посмотрел на собеседника. Долго и внимательно. Потом поковырял пальцем в ухе, вытащил палец и внимательно его осмотрел. И лишь затем перевел взгляд на Чудаковатого хитреца и заговорил.

— Я, короче, не знаю, кто там чего разлагает-возлагает, у меня других дел в школе хватало. Но в прошлом месяце мы с пацанами брали в кабаке желудочный лёд. И он был ни фига не дешевый. Я типа уже не очень хорошо помню за состав, это был не первый кабак, но там точно были Рваный и Хвост. Я правильно понял, что ты нам всем троим сейчас типа предъявляешь, что мы терпилы, которых обули на сотку бакинских?

— Блин, братан, при чём тут предъявы? Это же, блин, мать её наука...

— То есть ты типа фишку сечёшь, а мы лохи?

Здесь терпение адепта науки кончилось и он ответно обрушился на обскуранта[5].

— А я не понял, а чо ты пацанов пристегиваешь? Ты за себя базар держи! За меня тоже найдется кому слово сказать, но я типа никем не прикрываюсь!

— Базара нет. То есть я — я! — типа лох, которому впарили фуфел — ты это хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что не знаю, что ты там ел, но желудочного льда не может быть, это противоречит науке и фактам.

— Короче, я не скажу за науку, но то, что за базар ты шас ответишь — это факт![6]

И научный диспут плавно перетек в боксерский раунд, который, в свою очередь, быстро трансформировался в грызню в прямом смысле этого слова. Оба воргена бились отчаянно и уже через несколько минут здоровье обоих диспутантов рухнуло в красную зону. На этом оборотни благоразумно пошабашили[7].

— Если бы не князь, я бы тебя здесь и прикопал, морда твоя просвещённая, — сплюнул юшкой Хитроватый чудак. — погоди, письмо доставим — я тебя там на месте и урою. Ответ я и один донесу. Тоже, блин, академик нашелся, мля!

Сторонник научного познания мира уже открыл пасть, чтобы достойно ответить, но весь его запал пропал втуне. Из кустов вылетела серия из трёх фаерболов, и их оказалось достаточно, чтобы потрёпанный ревнитель науки замолчал навсегда.

Обскурант, немало пораженный таким оборотом дел, начал было разворачиваться к кустам, но за эти секунды до его спины добралась Татьяна с кинжалом, которая немедленно принялась косплеить швейную машинку. На пятом ударе прошел крит, и второй ворген тоже рухнул в грязь, выполняющую функции дорожного покрытия.

— Прибили таки. Молодцы, что тут еще скажешь! — раздраженно прокомментировал я. — Просто молодцы.

— А что такое? — с любопытством поинтересовалась Семеновна, смотревшая на экран из соседнего кресла.

— Да так... — пояснил я. — Если исходить из событий в книге, то старик, поймавший золотую рыбку, оказался глухим как пень, ничего не услышал, и бросил ее в котел с ухой. Так и наши — из-за своей дремучести только что упустили единственный шанс вернуть оружие малой кровью.

— Обоснуешь? — заинтересовалась немка, но я только махнул рукой.

— Да там долго, проще книгу почитать. Если коротко — только эти два оборотня и остались в живых, и это критично. погоди, сейчас важный момент.

И впрямь — Тарасик отправился лутать добычу. Вот он склонился над первым оборотнем, вот над вторым...

— Ну что? — не выдержала Ольга, заинтересованная в результатах больше всех. — Хотя бы кинжал какой-нибудь есть?

Командир скорбно покачал головой:

— Да откуда у оборотней-то? Дырявая шкура воргена, два клыка воргена и записка какая-то.

— Ну так читай, что ты там заморозился? — вступила в разговор Татьяна.

— Сейчас! — Тарасик развернул бумажку. — «Жёлтому льву пишет Дед-оборотень. Дорогой внучёк! Мои любимые птички нашептали мне, что ты тут по случаю разжился некоторым количеством уникального оружия. Радуюсь вместе с тобой, ибо радость действительно великая. Судя по всему, ты этой радостью был настолько ошарашен, что забыл наш старый закон — треть добычи идет в фонд семьи. Посылаю тебе двух своих новых слуг, очень надеюсь, что уже завтра они вернутся, и вернутся не с пустыми руками. И я, наконец, смогу оценить — так ли уж хорошо доставшееся тебе оружие. Поскольку, как мне прочирикали птички, все три предмета примерно одинакового уровня, выбрать, чем порадовать старого деда, можешь сам. Твой старый дед».

— Ничего себе у них в общак отчисления — треть добычи! — возмутился Митрич.

— Да хоть половина! — махнула рукой Семеновна. — Меня сейчас больше интересует тот факт, что у наших шанс появился.

— Ага, — кивнул я.

Воспитанники тоже быстро сообразили — что к чему.

— Ну что, — Тарасик радостно улыбался. — По-моему, нам крупно повезло. Фраза «посылаю тебе двух новых слуг» обещает нам неплохой шанс.

— Ага, — кивнула Татьяна. — Всё хорошо. Только слуг двое, а нас трое. Возникает вопрос — кто будет слугами и куда девать третьего?

Тарас пожал плечами.

— С этим, по-моему, всё нормально. Вы двое будете изображать демонов-посланников...

— Опа! — вмешалась в разговор Ольга. — А почему это мы будем оборотней изображать?

— Ты себя в зеркало видела? — поинтересовалась Татьяна. — Я себя — нет, и желанием не горю. Поверь, по части красоты тебе сейчас многие демоны фору дадут.

— Вы двое будете изображать демонов-посланников, — терпеливо повторил Тарас. — А мне придется задействовать умение уменьшения и въехать в пещеру в кармане у кого-нибудь из вас. Минута — это довольно много, стражу на воротах миновать успеете, а внутри уже будем разбираться по ходу. Других вариантов просто нет.

— Ладно, — вздохнула Ольга. — Уболтал, красноречивый. Пошли что ли? Время тикает.

И обворованное трио быстрым шагом двинулось по дороге в сторону, куда шли недавние покойники.

Шли, надо сказать, довольно долго, пару километров минимум. За это время девчонки успели пару раз поругаться на животрепещущую тему «кто виноват, что нас кинули с оружием». Тарас стойчески молчал. А я думал о том, что слишком уж все похоже на книгу, и это очень подозрительно — до сих пор создатели локаций для Турнира в ремейках были не

замечены. Чую — ждет их в пещере неприятный сюрприз.

Однако тем временем наши питомцы уже подходили к подножью какой-то горы — судя по всему, той самой горы Голова Барса. Пещеру Пасть Тигра тоже долго искать не пришлось: от большой дороги поднималась тропинка — прямо к темному провалу на склоне горы.

Вход в пещеру охраняли два тигроида, очень напоминавшие воргенов, только не с волчьими, а с тигриными головами.

— Кто такие?! Что припёрлись?! — прорычали они.

— Посланники к Желтому льву от Деда-оборотня с письмом! — чётко доложились Ольга. Татьяна, в чьем кармане сидел уменьшившийся Тарас, скромно отмолчалась.

— Жёлтым львом ты своего полового партнера называть будешь! А у нас князь Желтый лев! — ворчливо сказал один из охранников, потом присмотрелся к Ольге и поправился. — Воображаемого. Настоящего у тебя нет, и никогда не будет: этиловый спирт — яд, а потребную на тебя дозу никто из живых организмов не перенесёт.

Ольга пошла пятнами, но сдержалась.

Зато Патрик в студии мстительно захихикала, а Митрич глубокомысленно заметил:

— Вы заметили, какие физиологически грамотные демоны нам попадаются в последнее время? Может, этот князь-оборотень того... Радетель науки и покровитель искусств? Вот к нему под крыло и слетаются все местные Микеланджело и Авиценны...

— Письмо давай! — мрачно потребовал второй тигроид.

— Ага, щас! — зашипела в ответ Ольга. — Велено лично в руки передать!

— Вот вы, бабы, тупые все-таки! — и мрачный тигроид красноречиво постучал когтем по лбу. — Из рук покажи! Я вас, пациентов грязелечебницы, первый раз вижу. Откуда я знаю, что вы за олени с горы? А почерк старого князя я и в темноте опознаю, не бойсь, ни с чем не перепутаю.

Девчонки заметно нервничали — минута уже истекла. Поэтому Ольга лихорадочно сунула письмо чуть ли не под нос тигроиду:

— На, любуйся! Убедился?! А теперь пропустите нас, нам приказано срочно послание доставить.

— Вроде бы и его почерк... — нарочито медленно протянул тигроид и почесал лапой за ухом. — Ну хорошо, стойте тут, ждите. Сейчас князя позовем.

— Как позовем? — упавшим голосом поинтересовалась Татьяна и сделала последнюю попытку. — Он большой человек, зачем ему ходить, ноги бить? Мы ему сами письмо отнесем. А вы, если боитесь, сопроводить нас можете.

— Ничего страшного, — вместо стражника ответил молодой красивый мужчина в богатых доспехах, выходя из пещеры. — Князь, слава богу, не старик какой, ему движение только на пользу. Ну? Что замерли то? Третьего своего выпускайте уже, а то не дай бог, конфуз случится.

Татьяна, закусив губу, ничего не ответила, и только молча высадила маленького Тарасика из кармана. И вовремя — не прошло и пары секунд, как капитан команды начал стремительно увеличиваться.

Князь Желтый Лев — а это явно был он — потребовал:

— Письмо! — и протянул руку.

Ольга — также молча — исполнила требуемое.

Князь осмотрел письмо, хмыкнул и покачал головой. Развернул послание, быстро побежал глазами, аккуратно сложил, спрятал куда-то, а потом поинтересовался:

— Мне вот интересно — мы и вправду производим впечатление настолько больших дураков, что к нам можно вот так с кондрачка прийти и нахально ломиться внутрь пещеры?

Провалившееся трио отмалчивалось.

— Нет, ну серьезно? — продолжал пытаться князь. — На что вы рассчитывали? Вы взаправду думали, что у нас любого проходящего мимо зеваку встречают громовым «Ура!» и тут же отправляют внутрь пещеры в гордом одиночестве? Смотри что хочешь, делай что приспичило? Что у князя и дозоров дальних нет, которые еще за километр от пещеры вас втроем срисовали? Что у нас с дедом не оговорено никаких тайных знаков, позволяющих понять, подлинный прибыл посланец или фальшивый? Что, наконец, предъявлять страже вскрытое письмо — это уже верх нахальства и апофеоз глупости?

Уши фальшивых посланцев рдели красным.

— Вы кто такие, убогие? — почти ласково поинтересовался князь Желтый Лев.

Молчание было ему ответом.

— Авессалом, — обратился князь к одному из тигроидов. — Как ты думаешь, кто эти недалекие дети?

— А что тут думать? — пробасил тот. — Тоже мне — бином Ньютона. Небось, те самые лохи, которые оружие пролюбили. Явились пропажу искать.

— Бинго[8]! — рассмеялся лев-оборотень. — А как ты думаешь, Авессалом, что нам с ними делать?

— А что тут думать? — удивился тот. — Девки, если отмыть и вымочить от запаха, вполне потянут на эскалопы. А пацан у них, честно сказать, совсем никудышный. Бросовый пацан. Разве что на рагу.

Он критически оглядел Тараса, ткнул пальцем ему под ребра и махнул рукой.

— Хотя куда там! Костистый, не ущипнёшь. Одни мослы. Суповой набор, не больше.

— Ну нет, — скривил лицо князь. — Всё бы тебе жрать. Это скучно. Надо что-нибудь повеселее придумать.

Он полувытянул меч из ножен и в задумчивости забарабанил пальцами по лезвию.

— Автандил, я когда вам всем возрождение оплачивал?

— Да уж недели три тому прошло, если не больше, — степенно пробасил Автандил.

— То есть скоро уже продлять. А услугой мы так и не воспользовались. И такое происходит не первый месяц, замечу я в скобках. Не кажется ли тебе, Автандил, что ковенские маги слишком хорошо устроились? Золото гребут лопатой и даже на расходники не тратятся?

Стражник, явно не желая связываться с могущественным Ковеном Магов, неопределенно пожал плечами.

— А мне кажется! — убежденным тоном завершил прения князь. — Короче, Автандил, будет вам сегодня внеочередная проверка боеспособности гарнизона.

И Желтый Лев повернулся к нашим воспитанникам.

— Слышь, вы, обнесённые ветром. Условия будут предельно простые: как говорили идеологи одной политической партии, «В борьбе обретишь ты право своё[9]». Хотите вернуть своё оружие? Придется расплачиваться жидкостями. Потом и кровью, хе-хе, а не тем, про что вы подумали. Мы сейчас уйдем, вам вход откроется через минуту. В пещере моей три этажа — верхний и два подземных. Сумеете пройти первый этаж — вернете лопату. Зачистите второй — призом будут грабли. Ну а если уложите всех бойцов на третьем, включая меня — вернете посох и на выбор получите один предмет из моей

сокровищницы. Люблю, гы-гы-гы, оптимистов. Ну а мой профит будет следующим: сольетесь на первом этаже — отработаете на меня три недели, на втором — две недели, и на третьем — недельку. По рукам?

Татьяна, Ольга и Тарас переглянулись. Никаких других вариантов, в общем-то, не было. — Мы согласны! — кивнул Тарас.

— Ай, спасибо тебе, благодетель, ай, порадовал! Согласился, не побрезговал! — залился смехом Желтый Лев. — На самом деле я не знаю, зачем я это делаю, но очень сильно надеюсь, что вы хотя бы минут десять простите и не сольётесь. Иначе я буду совсем разочарован. Очень надеюсь, что в конце я не скажу что-нибудь вроде: вот так и делай людям добрые дела — а они даже повеселить тебя в ответ не могут. Ладно, все, давайте, лишены, трудитесь. Увидимся! Пошли, мужики...

И князь вместе со стражниками скрылся в темном зеве пещеры. А перед нами всеми замелькали цифры обратного отчёта:

59, 58, 57, 56...

[1] Великий Мудрец, Равный Небу — титул Сунь Укуна в Небесных чертогах Нефритового императора.

[2] Трикстер (от англ. Trickster — обманщик, ловкач) — довольно сложное архетипическое понятие в культурологии, которое проще всего объяснить словами «обаятельный тролль 80 уровня». Примеры трикстеров — Тиль Уленшпигель, Ходжа Насреддин, бравый солдат Швейк, Карлсон, который живет на крыше и т. п. Сунь Укун, конечно же, был наикрутейшим трикстером.

[3] Торная — наезженная, часто используемая дорога. Что, собственно, подтверждают строки Некрасова, которые раньше учили все школьники — «одна просторная дорога торная». Отсюда и «проторенные пути».

[4] Чудаковатый хитрец в целом все излагает правильно, но в данном случае немного путает. Не нитроглицерин, а просто глицерин. Липаза, содержащаяся в желудочном соке, расщепляет жиры на глицерин и жирные кислоты.

[5] Обскурантизм (от лат. obscurans «затемняющий») — враждебное отношение к просвещению, науке и прогрессу. По-русски говоря — мракобес.

[6] Предмет конфликта двух оборотней — явная отсылка к рассказу Джека Лондона «На сороковой миле».

[7] Пошабашили — здесь: закончили работу. Слово шабАш в значении «отдых после работы» в русском языке имеет французские корни, но, в свою очередь, было заимствовано французами в древнееврейском языке (от ивр. שַׁבָּת, шаббат — суббота). Не путать со словом шаБаш — тайные праздники и сборища нечистой силы, которое, впрочем, происходит от того же еврейского «шаббата».

[8] Бинго (от англ. bingo) — английское название известной многим игры в лото, где называются числа, а игроки должны закрывать соответствующие сектора на карточках. Игрок-победитель, закрывший последнюю цифру в ряду, обычно кричит: «Бинго!».

[9] «В борьбе обрешь ты право своё!» — знаменитая фраза немецкого юриста Рудольфа фон Йеринга, в России ставшая, как сегодня бы сказали, слоганом партии социалистов-революционеров, более известных как «эсеры». Звучал гораздо круче, чем слоган марксистов «Пролетарии всех стран — объединяйтесь!». Это обстоятельство вкупе с тем фактом, что эсеры обычно устраивали куда более серьезную «движуху» с террористическими актами, политическими убийствами, ограблениями банков для пополнения

партийной кассы и т. п. привели к тому, что накануне революции эсеры были гораздо популярнее и меньшевиков, и тем более большевиков.

***

Позже Татьяна призналась мне, это прохождение было самым трудным для нее за все время Турнира.

Дело даже не в том, что им пришлось зачищать пещеру практически без оружия. С этим была проблема только на первом этаже, причем проблема не очень серьезная. На верхнем уровне пещеры почти не было высокоуровневых воинов, большей частью там располагались технические помещения — кухни, мастерские, кладовки и прочие каморки уборщиц. Правда, даже на должностях уборщиц у Желтого Льва трудились оборотни, поэтому биться с ними приходилось всерьез. Справедливости ради, это были оборотни-олени и оборотни-козлы. Но, с другой стороны, травоядность противника в данном случае не сильно грела душу — рога и копыта у этого обслуживающего персонала были тверже стали. Тяжелее всего пришлось на кухне, где трудились оборотни-кабаны. Они не стали перекидываться, и стояли насмерть: действовали слаженно, умело орудуя тесаками, разделочными ножами и топорами для разделки туш. На кухне наша тройка едва-едва не слилась — Татьяна предложила вытаскивать кабанов по одному, но едва Тарасик запустил фаербол в пробежавшего мимо поварёнка, на них кинулись все работники черпака и шумовки до единого.

Спасло их только одно — Татьяна успела встать в дверном проеме, и отмахивалась от нападающих поваров там, лишив их шансов прорваться к магу и хилу. Жизнь ее при этом проседала настолько быстро, что Ольга не успевала отлечивать свою соперницу, и Татьяна, вопреки известному завету Минздрава, пришлось заняться самолечением. Впрочем, и это помогало плохо, тогда Татьяна и Ольга начали меняться, передавая друг другу единственный кинжал. Перелом в поединке наступил, когда одноклассники все-таки завалили шеф-повара — огромного мощного секача с рыжей щетиной, как будто вытесанного из единой глыбы гранита. Это впечатление даже усилилось тогда, когда он рухнул, поверженный, в щепки разбив при этом оказавшийся на пути падающего тела стул. Гибель оставшихся подсвинков после этого была вопросом времени, а любой срок, как известно, рано или поздно заканчивается. Отправив на перерождение последнего поваренка со смешным ником «Бариста», наши героини бессильно сползли по стеночке на пол.

— Я всю жизнь так сидеть буду... — простионала Ольга. — Сидеть, тупо смотреть на стенку, и наслаждаться покоем!

— Никогда не думала, что я это скажу, но я первый раз в жизни согласна с тобою полностью и целиком, — выдохнула Таня.

И только Тарасик сидел, привалившись спиной к печке, и молчал.

А минут через пять, нещадно кряхтя, понялся, и пошел лутать тела — именно столько времени понадобилось жадности, чтобы наконец-то одолеть усталость. На кухне наши обокраденные взяли сравнительно богатую добычу — со свиней выпало несколько фиалов на здоровье и на ману, латные сапоги, которые тут же натянула Татьяна и, самое главное — разделочный топор, хоть и с ничем не выдающимися показателями, но мы и такому оружию были рады, как манне небесной — наконец-то Ольга вооружилась.

И началась планомерная зачистка первого этажа. Это было... По словам Татьяны, это было очень трудно.

— Понимаете, Дмитрий Валентинович, — почему-то разоткровенничалась она. — Вы только не обижайтесь, но я тогда поняла одну очень важную вещь — по большому счёту, и тренеры, и деньги, все это фигня. Всё зависит только от тебя самого. Можно хоть чемпиона мира в тренеры взять, но что он может сделать? Даже если ты его купил с потрохами, ты не сможешь взять его голову и поставить себе, ты не сможешь присвоить его тело, его реакцию, его умение вовремя принимать решения и видеть нестандартные ходы. Играть — все равно тебе самому. Тренер может только учить, но бесполезно учить того, кто не хочет учиться, ленится учиться или неспособен понять то, что ему говорят. Вклад тренера, только вы не обижайтесь, процентов пять, максимум десять. Все остальное зависит только от тебя.

Максимум, что может дать тренер — сэкономить тебе время. Дать хороший совет вовремя, объяснить то, до чего ты бы и сам додумался, только позже. Он-то дает, но вот возьмет ли дар ученик — это вопрос. Я понимаю, что я, конечно же, велосипед изобрела, но одно дело читать про что-то, а другое — самому до этого додуматься. Я сама додумалась, и очень этим горжусь.

Если честно, мне поначалу очень стыдно было, что в нашу команду все фрики курса собрались. А вот на той зачистке я поняла — у нас очень хорошая команда. И наши высокие результаты — это не случайность, не «повезло», как мне поначалу казалось. Нет, это все получилось потому, что у нас очень хорошая команда. Вот смотрите — в моей бывшей команде очень крутые тренеры, очень. Они такие деньги получают, что даже светкины родители бурчали, когда им предоплату делали. Но объясняют и говорят они примерно то же самое, что и Сергей Дмитриевич с Андреем, а что они еще могут сказать? Это ведь та же самая игра, те же самые правила, и главные принципы игры одинаковы для всех. Главные принципы что командного PvP, что командного PvE даже дурачок усвоить может, игру ведь делают в расчете на не очень умного человека, если на умного ориентироваться, народ разорется про «хардкор», «ну нафиг» и уйдет к конкурентам. Поэтому усвоить наставления тренера даже дурак может, не в этом дело, не на этом группы сливаются. Сливаются не на незнании, а на тупизне, неумении или нежелании игроков. Вот тех же «светляков» взять, я же говорю, у них очень крутые тренеры и тренируют они их с утра до вечера, но что в этом толку, если есть там один кадр, который может встать на полпути, как осёл, и сказать — а я дальше не пойду. И можно хоть бить его, хоть рыдать перед ним на коленях — он не пойдет, пока сам не передумает. Упрямый, как осёл. Или Тормоз у нынешних победителей. Он такой, его не переделаешь. А капитан их? Ему фак покажи — он тут же наплюет на любую задачу и будет за тобой бегать.

Вот и получается, что тренер — это даже не полдела, это самый первый толчок, не больше. А дальше все зависит от игроков. Если он не привык работать — ты его хоть в легендарный шмот одень, он погриндит минут пять и рукой махнет — ну его нафиг! И пойдет заниматься чем-нибудь приятным. А у нас на потоке с адекватными людьми плохо — почему-то практически у каждого какие-нибудь тараканы в голове.

— Да уж понятно, почему, — отозвался я, но Татьяна не обратила на мои слова ни малейшего внимания.

— Нет, ну у нас наверное, тоже свои тараканы, но наши тараканы, по крайней мере, игре не мешают, поэтому у нас команда и одна из лучших. Вот ту же зачистку взять. Это просто была тупая работа, которую надо было сделать. Оружие плохое, НР снимает медленно, поэтому ты просто выполняешь два-три движения, чтобы под удары не подставляться, и тупо тычешь в него кинжалом. Раз, другой, третий... На тридцать втором

он падает. Втроем постоим, отдышимся, вытрем пот со лба, идем ковырять следующего. Алгоритм отработан, все те же движения, раз тычешь, второй, третий, на тридцать шестом падает. Лутанул, отдышался, пот вытер, пошли дальше. Если бы не овца, я бы, наверное, плюнула и послала все подальше. Оно мне надо, в конце концов? Но она, стерва, молчит, носом сопит и топором своим тупым машет. Приходится и мне продолжать... Она, конечно, овца, но самолюбия у ней на троих хватит, чтобы она сдалась — это что-то страшнее атомной войны произойти должно было. То есть про нас с ней понятно, почему Ушастый не слился? А фиг его знает... Он, конечно, фрик, но упрямый, чего не отнять у него, того не отнять. Так, мало помалу и зачистили потихоньку первый этаж. Босс-там геморройный был — ну да вы сами видели. Оборотень-козел, древний уже, с бородкой такой противной, зовут Лев Давыдович Комендант. Древний, но здоровья у него как у трех слонов. Мы его минут двадцать пять ушатывали, я уже думала — сольемся. Но потом грохнули всё-таки, и в шкафу мою лопату нашли.

Посидели, отдохнули немного, и пошли на второй этаж. Там уже хищные оборотни были — волки, лисы, собаки, коты и прочие горностаи. Мне вроде как с лопатой и полегче воевать стало, оружие всё-таки привычное, но вы даже не представляете — как мне там тяжело было. Я не заплакала только потому, что овца постоянно рядом ошивалась. Меня от этого гринда уже реально тошнило, я просто как робот действовала. Только роботу, наверное, пофиг, а мне каждое движение через боль, через отвращение, и, самое главное — слиться уже нельзя. Овца сразу скажет: «Ну конечно, она свою железку вернула, а на остальных ей насрать. Она всегда такой была — для нее люди мусор». Поэтому я лопатой во все стороны верчу, как мельница, а во рту какой-то металлический привкус, в горле комок, в желудок как будто кислоту налили, и коленки дрожат. Потом мне настолько плохо было, что я думала — прямо там сознание потеряю и упаду. Но не упала почему-то. Организм себя как предатель повел — болел и страдал, но при этом отключаться тоже не хотел. В общем, вторую половину второго этажа я уже и не помню практически, говорю же — на автомате действовала. Только ругалась все время, самыми грязными словами, какими знала. Ну да вы слышали наверняка. И еще поняла, что на третий этаж я не пойду. Овце грабли выбью, чтобы рот ей заткнуть, а на третий не пойду. Плюха — не овца, он, как мне кажется, поймет, а может и простит. В общем, лопатой машу, ругаюсь, а про себя одно и то же повторяю по кругу — «на третий не пойду, а этот скоро кончится, на третий не пойду, а этот скоро кончится...». Дерусь механически, команды Плюхи выполняю механически. Он кричит «вперёд!» — бегу вперёд, кричит «отходим!» — отступаю. В себя немного пришла, когда вдруг поняла, что стою уже минут десять без движения, а Ушастый сел в углу, голову между колен спрятал и ругается — безостановочно и на трех языках. Вокруг меня как будто какая-то скорлупа раскололась, и в мире опять появились звуки, блики света, запахи... Ну или как будто проснулась — не знаю, как объяснить.

Оказывается, мы на боссе этажа застряли. Там был огромный волколак Вохра со свитой и бешеным уроном, и мы ему раз за разом сливали — Плюха едва успевал группу отводить. Ну я очухалась, говорю — давай я попробую. Ольга-то, как и я до того — замороженная была, а в Плюхе как-будто сломалось что-то. Он, конечно, не заплакал, но мне кажется, эти его маты — это плач и был, только не слезами, а бранью на русском, английском и украинском. Ну пару раз попробовали при моем командовании босса пройти — еще хуже получилось. Ушастый за столько времени уже приловчился группой руководить, а когда я команды подавать стала — мы ему и трети здоровья еще не сбили, а группа уже на грани

вайпа. Еле отойти успели. Еще раз пошли — то же самое.

А Ушастый рукой машет и говорит — мол, бесполезно. Он уже всё просчитал, все цифры урона, резистов и прочего перемножил-поскладывал, и как ни крути — получается, что не пройдем мы босса. Впятером бы прошли, а втроём — никак не пойдем. И, главное, теоретически могли бы и втроём пройти, если бы оружие получше было и урон побольше. Но хорошее оружие у нас отобрали. Получается замкнутый круг — чтобы вернуть хорошее оружие, надо пройти босса, а чтобы пройти босса, надо иметь хорошее оружие.

Сели мы втроем в углу потемнее, спиной к стенке привалились, и сидим, молчим. А что говорить-то? Но и кнопку выхода нажать рука не поднимается, потому что если нажать — значит, все зря было, зря мы упирались и этажи чистили. Тем временем овца отморозилась, мы ей ситуацию объяснили, но она как-то не до конца отморозилась — рукой машет, и говорит, понятно, мол, но у меня башка совсем не варит, думайте сами, что решите, то и будет. Это овца-то такое горит, прикиньте, Дмитрий Валентинович! Хорошо, что мы прямо на полу сидели, а то бы я точно со стула рухнула. А потом, прикиньте, у нее вообще в голове что-то перемыкает наглухо, и она такая говорит, хорошо, мол, Танька, что тебе твою лопату вернули — хоть не зря всё это устроили, по крайней мере хоть какая-то польза от нашей зачистки останется.

Я аж рот открыла, и как рыба выловленная — рот открываю и закрываю, а сказать ничего не могу.

И тут такое объявление — раз!!! Всем падает.

ВНИМАНИЕ УЧАСТНИКАМ ТУРНИРА! ОПРЕДЕЛИЛСЯ ВТОРОЙ ПОБЕДИТ ВТОРОГО ЭТАПА. ИМ СТАЛА КОМАНДА № 17 В СОСТАВЕ: СВЕТЛЯЧОК (КАПИТ МЭЛ, УОШ, КЕЙЛИ И ПАСТОР. ПОЗДРАВЛЯЕМ СО ВТОРЫМ МЕСТОМ! НАГРА, ВСЕМ ПОБЕДИТЕЛЯМ БУДУТ ВРУЧЕНЫ НА ИТОГОВОМ СОБРАНИИ ПЕРВОГО ТУРА.

Тут у меня вообще что-то порвалось внутри, и я заплакала. Не ругалась, не злилась — вообще ничего внутри, ни обиды, ни злости, ни ярости — просто глобальная пустота. Ничего не осталось, как будто лучшим пылесосом все подчистили. Сижую, слезы градом, ну и подвываю периодически. Овца с другой стороны от Тараса сидит и тоже воеет и носом хлюпает. Он нас послушал-послушал, потом вскочил и начал бегать по пещере как сумасшедший. Мы аж плакать от офигения перестали и с удивлением за ним смотрим. А он побегал-побегал, потом вдруг сел, сделал четыре или пять глубоких вздохов и выдохов, а потом говорит — не бывает, говорит, такого, чтобы никакого выхода не было. Нам, говорит, немного не хватает, чтобы босса пройти, давайте, говорит, открываем меню и смотрим вообще всё, что есть. Всё-всё смотрим, все вкладочки открываем. Вдруг найдем какое-то умение неизвестное, усиление какое-нибудь, баф какой-нибудь позабытый... Особенно вы, говорит, девчонки, у себя все внимательно смотрите, у паладинов дофига всего, не мудрено что-то и упустить.

А овца опять скисла и рукой машет — мол, да какая разница, даже если что-то и найдем, не факт, что Вохру вынесем, а даже если Вохру и вынесем — что мы на третьем этаже делать будем, если мы на втором едва не сдохли? А без третьего нам квест все равно не зачтут. Получается — только время на него потеряли, и так уже второе место упустили. Давайте, говорит, от квеста откажемся, может, нам третье место дадут?

Вот тут я душу отвела, вот тут я на нее наорала!!! Что, говорю, овца, не видишь, что отказаться от квеста нельзя? Я это, конечно, говорить не стала, но мне эта идея еще на первом этаже пришла, после кабанов. Мне еще тогда показалось, что овчинка выделки не

стоит, не сделаем мы этот квест, надо брать второе место и сваливать. А фиг там, как у нас в детском саду говорили — первое слово дороже второго[1].

— У нас в садике говорили «первое слово Ильича, а второе — богача», — зачем-то сказал я, и Татьяна как-то странно на меня посмотрела. Возможно, ее удивляла сама мысль, что я тоже когда-то ходил в детский садик.

— Какого Ильича? — вежливо поинтересовалась она.

— Неважно, — смешался я. — И что дальше?

— Ну что дальше. Наорала я на Ольгу и сели мы все втроем все вкладки проверять. Меня почему-то опять на мокрое повело, опять начала носом хлюпать. Потому что что уж самому себе врать — все же понимаем, что это все от бессилия, лишь бы чем себя занять. Ну откуда там могут взяться неучтенные умения? Понятно что Тарас это просто так сказал, в запале, просто не желая признавать наше поражение. Ольга, видать, о том же самом думает, у нее тоже, смотрю, по носу потекло. И вдруг Тарас громко сказал плохое слово на букву «Б».

И несколько раз повторил, с чувством.

Я не выдержала, и спрашиваю, что, мол, случилось? Ольга тоже глазами заплаканными на него уставилась, и с такой надеждой смотрит, что я бы на месте Плюха под землю провалилась. А он спокойным таким, ровным голосом без малейших эмоций нам зачитывает вслух:

«ЖЕЛАЕТЕ ПРИЗВАТЬ МАГИЧЕСКИЙ ПОСОХ «ТОЛСТАЯ ПРОВОЛОКА» СЕЙЧ ГДЕ БЫ ОН НЕ НАХОДИЛСЯ, ОН ОКАЖЕТСЯ У ВАС В РУКАХ. ВНИМАНИЕ! СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ВЫ СМОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ЭТО ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ 30 ДНЕЙ».

Мы так офигели, что даже сказать ничего не смогли. А овца воздух ртом похватила, и вдруг говорит:

— А что — так можно было?

Дмитрий Валентинович, вы даже не представляете, как мы ржали — все втроем, и овца тоже.

— Да я вроде как видел, — мекнул я, но Татьяна меня не слушала — она выговаривалась.

— Я ни разу в жизни так не смеялась, честное слово — никогда в жизни! Если прошлый раз внутри как будто что-то порвалось, то сейчас как будто что-то прорвало. Мы ржали и не могли остановиться. Просто от облегчения. Знаете, нас как будто грузили, грузили, еще грузили, нагрузили так, что уже ноги разъезжались, как у коровы на льду. А потом взяли и всю эту гору с плеч сняли. Так легко становиться, что кажется — вот-вот взлетишь.

Проржались всё-таки, а потом встали и начали к бою готовиться. Тарас нас долго грузил на тему «а если он... то вы тогда...». Ну и у нас с Ольгой сил от такой приятной неожиданности прибавилось, что уж там. Потом Тарас кликнул «Да», посох упал ему в инвентарь, и мы пошли кончать босса.

Но бой всё равно лютый получился. Был момент, когда мы чуть-чуть не слились, на волоске прошли. Помните? Мы уже всю свиту положили, остался только сам Вохра с тоненькой красной полоской жизни. И всё бы хорошо, но и у меня, и у овцы полоска была еще тоньше, мы бы сдохли от двух, максимум трех его ударов. Про Плюху вообще молчу, он ему на один удар был. И все мы знаем, что сейчас — кто первый успеет, тот и выжил. А он вдруг крутиться на месте начал, и я понимаю — у него последняя абилка начала включаться.

Вот тогда я испугалась. Сильно испугалась, очень сильно, как никогда ни в жизни не

боялась. Что мы вайпнемся сейчас, и всё зря окажется. И работа на пределе сил, и слезы, и смех, и счастье — всё отменится и останемся мы у разбитого корыта. Я даже крикнула, по моему.

Они обе тогда крикнули, и это был страшный крик. Тот крик предельно испуганной женщины, что будит в мужчинах что-то на генном уровне, что-то из времен пещер, костров, меховой одежды и мохнатых мамонтов. Такой крик заставляет вскочить и сжать кулаки любого мужчину, будь он хоть хипстером-вегетарианцем, кришнаитом и сторонником учения непротивления злу насилием.

Тарас не был ни хипстером, ни кришнаитом. Но он не кинулся в драку очертя голову, как это сделали бы после такого крика десять мужчин из десяти. Он был, похоже, механическим арифмометром на тонких ножках. Арифмометром, все просчитавшим заранее — ничем другим того, что случилось дальше, объяснить нельзя. Он просто шагнул вперед, прицелился, и вlepил в голову вращающего волколака свой самый мощный удар — серию из трех фаерболов. Когда он успел в дико тяжелом бою накопить маны на серию, да ещё и держать её в запасе на самый крайний случай — можно только гадать. Но факт остается фактом — все три шара прошли в голову, второй при этом кританул, и волколак рухнул на колени. Тогда Тарасик сделал два строевых шага вперед, мимо остолбеневших Светы и Тани. Лом описал широкую дугу в воздухе и с размаху впечатался в многострадальную голову босса. Этот удар и выбил из Вохры последние хитпоинты.

Волколак рухнул на пол, Тарас сделал два столь же четких шага назад. Лом лязгнул о каменный пол пещеры, и командир сказал только одно короткое слово:

— Всё!

Дальше последовал умопомрачительный визг. Нет — ВИЗГ, и обе королевы курса повисли на шее у своего командира, пытаясь поцеловать этого самого некрасивого парня на курсе. Ошеломленный Тарасик не удержался на ногах и они все втроем рухнули на пол малой кучей или кучей малой — неважно. Они смеялись — смеялись тем предельно счастливым смехом юности, что заставляет стариков завистливо вздохнуть и улыбнуться, припомнив что-то очень давнее и бесконечно любимое.

Когда куча-мала отсмеялась и развалилась на три составляющих, Тарас тяжело поднялся на ноги, облутал поверженных соперников, потом двинулся вдоль стены, открывая все дверцы подряд. И четвертого по счету шкафчика он извлек грабли с девятью зубцами, но Ольге их не отдал, пока тщательно не обшарил всё помещение и не прибрал все находки в инвентарь.

Девчонки меж тем стянули шлемы, явив миру всклокоченные гривы волос, но так и остались сидеть, счастливо улыбаясь. Они тогда были очень хороши — обе. Хороши тем лучившимся изнутри беспредельным счастьем, которое бывает полным только в юности, а потом, как убывающая луна, становится тоньше с каждым годом.

Они были хороши настолько, что даже мрачный обычно Тарас не удержался, и широко улыбнулся.

— На, держи, — и он вытянул руку, в которой были зажаты грабли с девятью зубцами.

Едва Ольга взялась рукой за ручку грабель, поднимаясь с земли, как мы все получили сообщение:

ВНИМАНИЕ! ВЫ ВЫПОЛНИЛИ БАЗОВЫЕ УСЛОВИЯ И КВЕСТ «ПРОПАВ ОРУЖИЕ» МОЖЕТ БЫТЬ ЗАВЕРШЕН СЕЙЧАС. ВЫ МОЖЕТЕ ПЕРЕНЕСТИСЬ ЛОКАЦИЮ КОЛЛЕДЖА ИЛИ ПРОДОЛЖИТЬ ЗАЧИСТКУ ДАНЖА, ЧТОБЫ ВЫПОЛН

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ. ВЫБЕРИТЕ НУЖНЫЙ ВАРИАНТ
ВЕРНУТЬСЯ/ПРОДОЛЖИТЬ.

Тарас вопросительно посмотрел на девчонок, но синхронно замотали головой и заголосили в притворном ужасе:

— Не-е-е-ет!!!

Тарас улыбнулся и нажал «Вернуться».

ПОЗДРАВЛЯЕМ! КВЕСТ «ПРОПАВШЕЕ ОРУЖИЕ» ВЫПОЛНЕН. ПО ИСТЕЧЕНИИ ЭТОЙ НЕДЕЛИ ВАМ БУДЕТ ДОСТУПЕН КВЕСТ «МСТИТЕЛЬНЫЙ ОБОРОТ». ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЗАВЕРШЕНИЕМ ВТОРОГО ЭТАПА.

И тут же — новое сообщение, уже глобальное.

ВНИМАНИЕ УЧАСТНИКАМ ТУРНИРА! ОПРЕДЕЛИЛСЯ ТРЕТИЙ ПОБЕДИТЕЛЬ ВТОРОГО ЭТАПА. ИМ СТАЛА КОМАНДА № 25 В СОСТАВЕ: ПЛЮХА (КАПИТАН), ПАРА, РО, КВИН И ПАТРИК. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ТРЕТЬИМ МЕСТОМ! НАГРАДЫ ВСЕХ ПОБЕДИТЕЛЯМ БУДУТ ВРУЧЕНЫ НА ИТОГОВОМ СОБРАНИИ ВТОРОГО ТУРА.

Потом была наша встреча с победителями, довольное свиное уханье Петьки, заменявшее ему смех, счастливый визг Патрика и неповторимая атмосфера всеобщего братания. Когда эмоции немного улеглись, бабушки погнали всех по домам, потому как «дети сейчас прямо здесь помрут от перенапряжения, а отвечать нам, между прочим». Все неохотно стали расходиться, а Татьяна почему-то попросила меня проводить ее. С нами зачем-то увязался и Тарас, заявивший, что у него комната в колледже на том же этаже, что и танькина. Но надо было проявить его деликатности — пока Таня всю дорогу изливала мне душу, он не сказал ни слова и вообще никак не отвечивал.

И вот сейчас, когда мы дошли до двери, Татьяна посмотрела на нас с Тарасом счастливыми и немного сумасшедшими глазами и вдруг спросила:

— А всё-таки мы это сделали! Да?

— Да! — кивнули мы с Тарасом, а ушастый командир поскрёб в затылке и вдруг спросил:

— А я не понял. Нам что — за квест вообще ничего не дали?

[1] Пусть вас не удивляет, что дети из будущего в садике используют те же поговорки, что и сегодня. Считалки, дразнилки и прочие творения безвестных детсадовских гениев практически неубиваемы, они живут десятилетиями, если не веками, и с легкостью перемахивают расстояния в тысячи километров. Максимум, что с ними случается — они просто немного изменяются с каждым поколением. Когда я ходил в детский сад (это было в начале 70-х) у нас была популярной считалка

Ехала машина грузовая, задавила Николая,

Николай кричит: «Ура! Позовите доктора»

Доктор едет на бутылке, прямо немцу по затылку,

Немец думал, что война, сделал пушку из говна.

Много лет спустя, уже взрослыми мужиками, мы вдруг вспомнили ее, и оказалось, что машина ехала то грузовая, то темным лесом, но ехала у всех, ехала у наших детей, а кое у кого — и у внуков. А самый начитанный из нас вспомнил, что в повести Льва Кассиля «Конduit и Швамбрания», рассказывающей о жизни гимназистов до революции, есть такой эпизод: «В это время к парте нашей подошел подвижной, лопоухий и лохматый второгодник. Он внимательно разглядел меня. Сел на крышку парты и быстро спросил:

— Ты доктора сын? Да? Доктор едет на свинье с докторенком на спине! Это чья

пуговица? — И он ухватил блестящую пуговицу на обшлаге моей гимнастерки...».

Мы пришли в ужас от глубины древности, но просвещенный муж, оказавшийся филологом, только посмеялся над нами, и сказал, что общеизвестная считалка «Эне-бене-рес, квинтер-финтер-жес...» — явное наследие школяров, глумившихся над ненавистой зубрежкой латыни.

На следующий день на традиционную утреннюю планерку все наши воспитанники собрались в несколько необычном состоянии. Они... Как бы это объяснить понятнее. Они сияли. Светились тем внутренним светом, на который невозможно не обратить внимание. Причем все, не только трое вчерашних триумфаторов — все пятеро.

— Ну, колитесь, быстро: что тут у вас такого случилось? — Семеновна едва не лопалась от любопытства.

— Да ничего, Нина Семеновна... — расслабленный Петька махнул рукой. — Всё нормально, всё пучком!

— А что вы довольные такие?

— А просто мы всех порвём, вот и радуемся, — снизошел до объяснений Петька.

— Как это порвете? — заинтересовался Митрич.

— Как Петька штаны в четвертом классе! — захихикала Ольга — Попролам на две штанины! Один ремень остался...

Я было настроился на скандал, но тут захихикали все одноклассники, включая Петьку — очевидно, как говорил Шарапов, «дело громкое было».

— Хорошо, я уточню вопрос, — не отставал Митрич. — Меня очень интересует, почему это вы всех порвёте?

— Сергей Дмитриевич, ну что вы в самом деле? — не выдержала и вмешалась Татьяна. — Вы же не хуже нас понимаете расклад. Мы сохранили лидерство после второго тура. У нас первое место в первом туре, и третье — во втором. Это 13 дополнительных очков и 20 «общезачётных». У ближайших преследователей — «светлячков» — два вторых места. Это 10 дополнительных очков. Еще десять очков у «крабов» — за первое место во втором туре. Четвертое и пятое во втором туре еще никто не взял, я утром первым делом проверила, но даже если это сделают призёры первого тура, у них все равно будет не больше пяти дополнительных очков.

Да, впереди еще два тура и все может измениться. Но у нас хороший задел на эти туры. Во-первых, второй этап пройдет еще меньше команд. Во-вторых, мы удержались в тройке, это значит, что мы получим подсказку на третий тур. В третьих, мы идем по цепочке квестов, и пусть за первый этап нам ничего не дали, кроме лута в пещере Пасть Тигра, какие-то добряки с этого нам по любому должны перепасть. Наконец, мы, в отличие от всех остальных команд, сохранили свое оружие, и, думаю, сейчас на Турнире нет ни одной команды, которая была бы вооружена лучше нас. Готова спорить на что угодно — трёх легендарок нет ни у кого. Да что там спорить — Тарас поставил на аукцион этот тупой поварской топор, на который Ольга вчера изматерилась вся целиком. Так вокруг него такой ажиотаж устроили, такую цену взвинтили, что я ни разу не удивлюсь, если выяснится, что половина команд у нас еще в стартовом шмотье бегают. Ну и — самое главное — ни у кого больше нет такой крутой команды, как наша!

Она не то, что верила в это — она была в этом свято убеждена. Как, впрочем, и все остальные.

— Мы всех порвём! — закричал Тарасик и выбросил вверх кулак.

— Как петькины штаны! — откликнулась вся команда.

— Так, — вмешалась Светлана. — Я уже поняла, что тимбилдинг увенчался успехом, теперь колитесь — что вчера случилось?

Ольга посмотрела на директоршу невинными чистыми глазами, и созналась:

— Я вечером пришла к Таньке.

Она так и сказала — «к Таньке». Не «к овце», не к «этой сучке» — к Таньке. А потом еще и повторила:

— Я пришла к Таньке с бутылкой вина и предложила выпить мировую. В конце концов, что нам с ней уже делить? Что мы две самые упрямые овцы на курсе и скорее сдохнем, чем уступим друг другу — мы давно поняли, вчера просто в очередной раз подтвердили. А в остальном... Всё, кончился колледж. Даже если мы блистательно проиграем Турнир — он всё равно кончился. Чего нам делить уже? Но, кстати, мы не проиграем, мы громко хлопнем дверью и всех порвём!

— Как петькины штаны! — взметнул свой немаленький кулак Петька, но все остальные его надули и больше никто не крикнул. Петька застремался, но на него никто не обратил внимания — все слушали Ольгу.

— Татьяна подумала секунд десять, и ответила «Ладно, ты права, пора уже. ОК, всё, забыли. Давай и впрямь бахнем. Чем не повод?». В общем, мы с ней хорошо поговорили, всё из души вылили, ну и бутылку незаметно прикончили за разговорами. А потом она и говорит — а что это мы в два жала пьем? Пошли остальных набухаем, им тоже есть что отметить. В общем, высвистали всех наших, и начали впятером праздновать. И это... В общем, очень крутой вечер вчера получился. Реально, таких, наверное, больше не будет.

Остальные молча кивнули и по их лицам было видно, что и для них вчерашнее гульбище оказалось очень важным. А Татьяна задумчиво добавила:

— Я уже под утро — помните, когда мы все шестеро на крыше сидели и тупо на восход молча втыкали? Мне так хорошо тогда было, так всё правильно было вокруг, что вдруг поняла — на самом деле мы сделали очень важную вещь. Мы этой ночью попрощались с колледжем. Ну и с детством тоже, если честно.

— Угу, — согласно кивнула Ольга. — Это ты к тому, что мы с тобой типа повзрослели, потому и бросили враждовать?

— Ага, — ответно улыбнулась Татьяна. — Пусть этот глупый срач в детстве и останется.

Я смотрел на них, и думал, что вложи такой диалог в уста взрослых людей — и любой мало-мальски вменяемый человек заорет вслед за Станиславским «Не верю!». У взрослых такая публичная откровенность действительно была бы невозможна. Но в эту пору, когда подростки становятся юношами и девушками, когда нельзя не верить в чудеса... Когда ты предельно счастлив ежечасно и впадаешь в полное и окончательное отчаяние с не меньшей периодичностью... Когда романтика иногда переполняет тебя так, что едва не разрывает надвое...

Стоп! Она сказала «все шестеро»?

— А шестой кто был? Андрюшка, ты, что ли? — на секунду опередила меня Семеновна. Наш «сын полка» покраснел, а девчонки захихикали.

— Да мне, типа, не спалось, ну и перенервничал вчера, вот и решил типа перед сном прогуляться. А потом смотрю — они все впятером мне навстречу чешут, деловые как та колбаса. Увидели меня, обрадовались, позвали победу отметить, ну я и пошел, а что не пойти? К тому же мы типа в колледже же находимся, здесь же типа PvP разлочили. А они

явно на всю ночь гулять намылились. Ну я и решил, что хоть от обиженных однокурсников отобью, если что...

— Да ладно, Андрюха, что ты оправдываешься? — вмешался Митрич. — Погуляли, ну и хорошо, что погуляли, ваше дело молодое. Как я понял — на этом загуле у вас коллектив окончательно сплотился?

— Типа того, — кивнул Тарас. У Андрюхи он этого типа набрался, что ли? — Мы поняли, что мы команда. Даже не так, вся эта «команда» каким-то маркетингом отдаёт. Короче, мы поняли, что ни фига не случайно мы все в одном составе оказались — это всё fate. Не знаю, как по-русски сказать.

— Провидение, — вдруг подсказала традиционно молчаливая Патрик. — Провидение свело.

— Может быть, — не стал спорить капитан. — В общем, мы поняли, что вместе нам лучше, чем по отдельности. Лучше, удобнее, приятнее, правильнее... Как хотите, так и скажите. Мы за эти две недели вдруг поняли, что реально друг друга даже не то чтобы уважаем... Просто мы знаем, что другие твою спину прикроют, если что, вот. Другие люди — фиг знает, а этим четырём дурням всегда дури хватит за тебя вписаться. Ну, короче, что там объяснять, и так всё понятно.

Он явно смущался. Может быть впервые на этом закомплексованном одиноком подростке треснул и обвалился весь его хитиновый покров, так долго и любовно возвращаемый им.

— Да понятно, Тарас, понятно, — Семеновна не удержалась, и взлохматила Тарасу волосы. — А то мы сами в такой ситуации ни разу не были. Люди-сестры, люди-братья, человек моего карасса[1], разговоры до утра безо всякого алкоголя, своей дури хватает. Чай на столе, рассвет за окном, место моей силы. Я вам завидую, если честно — у вас всё только начинается. Только не растеряйте. Если не расплескаете, вам этого счастья до старости хватит — если не переживать его каждый раз заново при встрече с кем-нибудь из «своих», то хотя бы помнить... Это тоже сильно заряжает

— Угу, — кивнул я, и тихонько запел, традиционно жалея, что нет гитары:

Увы, постоянство теперь не в цене,

Увы, не в цене обещанья.

Нас ветром разносит по этой земле,

Какие уж тут прощания?

Не прощаясь, уходят из жизни сей,

Не прощаясь, выходят в люди.

Только в детстве мы встретили старых друзей,

И новых старых не будет[2].

А потом пояснил:

— Там дальше еще много куплетов, но они уже необязательные. А вот эти восемь строк прямо гениальные какие-то.

— Я вам вот что скажу, — начал Митрич, и вдруг закашлялся.

Все посмотрели на него, и тут Митрич неожиданно перестал быть скелетом, и принял привычный (для нас привычный, а для детей — совершенно незнакомый) облик. Все загалдели, но он жестом прервал нас.

— Что вы орете? Ну расколдовался я, ну и что? Две недели как-никак прошло, всё, как Саня и обещал. Даже самое сильное колдунство рано или поздно заканчивается. Я про

другое хотел сказать. Я когда из училища выпускался, мне один умный человек одну умную вещь сказал, чтобы я не обижался[3]. Все настоящие друзья, сказал он мне, в твоей жизни появляются, когда ни у тебя ещё нет ни хрена, ни у них ещё нет ни хрена. Потом будут приятели, хорошие знакомые, собутыльники, деловые партнёры, соратники, сподвижники... Кого только не будет. Но друзья — это люди, которым ты почему-то оказался нужен просто потому, что ты — это ты. Ты, а не твои возможности, твои знакомства, твой потенциал и прочая трескучая ерунда вроде умения работать в команде. Поэтому, сказал он, Серёга, береги друзей. Чуть оперишься, и всё, новых уже не будет — всё, как Митя только что спел. Умный был человек, царствие ему небесное — так оно всё и случилось.

— Есть ещё вариант, — добавил я. — Как показывает наш пример, работает также ситуация «когда у тебя уже ни хрена нет, и у них тоже уже ни хрена нет».

Мы все вчетвером засмеялись, если не сказать — заржали. Просмеявшись, все посмотрели на Сергеевну — только она в этом нечаянном «братании старых и малых» ещё не сказала ни слова.

Директорша тоже обвела нас взглядом, на миг задержавшись на каждом лице, потом грустно улыбнулась:

— Ну раз пошла такая пьянка, скажу и я. Нам не выиграть Турнир.

(конец второй книги)

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Карасс (употребляется обычно в словосочетании «человек моего карасса») — понятие, вошедшее во множество языков мира после выхода великой книги фантаста Курта Воннегута «Колыбель для кошки» (Cat's Cradle). Лучше всего это понятие определил сам автор: «Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека без особых на то причин, этот человек, скорее всего, член вашего карасса».

[2] Стихи Андрея Макаревича.

[3] Перефразированная реплика шофёра Рубена Хачикяна «Я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся» из фильма Г. Данелия «Мимино».